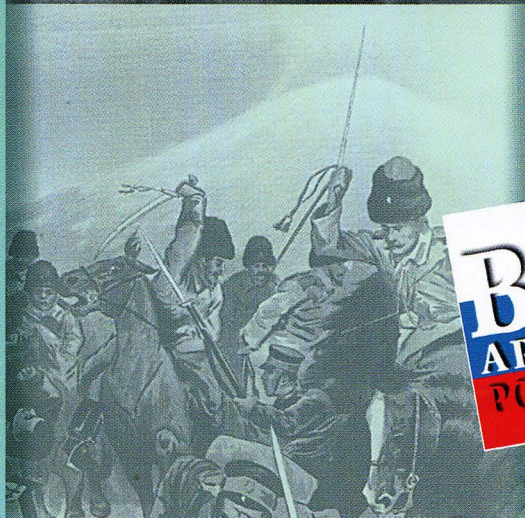
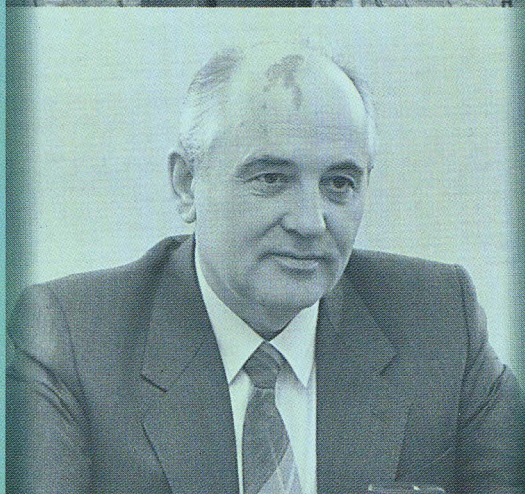

Приложение к журналу «Родина»

ИСТОЧНИК

ДОКУМЕНТЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ

2003`3

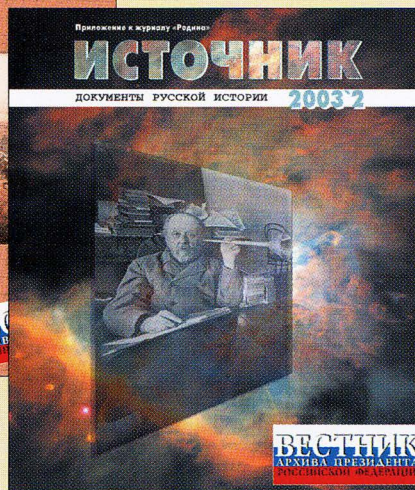
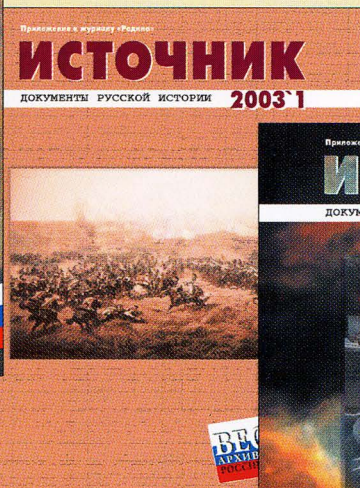

ВЕСТНИК
АРХИВА ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписаться на «Источник»
можно в редакции и на почте —
по каталогу «Роспечать» (индекс 73187).

ВНИМАНИЮ ЗАРУБЕЖНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Теперь Вы можете легко подписаться на «Источник» через нашего британского партнера в Лондоне — журнал «History Today». Всем подписчикам предоставляется скидка 25%, и Вы будете получать номера журнала заказной авиапочтой прямо из Москвы.

СПРАВКИ ПО ТЕЛ.: 203-45-36, 203-45-54.

INFORMATION FOR FOREIGN READERS

Now you may subscribe «Istochnik» via our British partner journal «History Today». You will receive all six issues of «Istochnik» directly from Moscow by registered airmail.

Subscribe to «Istochnik» at 25% off normal price. Usual price US \$100 for 6 issues; subscribe NOW for US \$75 or £55.

Please make your cheque payable to «History Today» (or give full details of your credit card) together with your name and address (in block capitals) and send to:

Istochnik, History Today, 20 Old Compton St., London, W1D 4TW, UK.

Phone (+44) 020 7534 8000 or visit <http://www.historytoday.com>

ИСТОЧНИК

ДОКУМЕНТЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ

2003`3(63)

Scan, processing, ocr: waleriy; 2015

В номере: In this issue

ПИСЬМА ИЗ ПРОШЛОГО. УТРАЧЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

LETTERS FROM THE PAST. LOST HERITAGE

Свидетельства очевидца
«Он как только смог отплатил признательностью своему предшественнику». **5**
О торжественном освящении Александровской колонны в Санкт-Петербурге 30 августа 1834 г.

Eyewitness account
Ceremonial blessing of the Alexander's Column in St. Petersburg

Позиция
«Желательно, чтобы ознакомление с мусульманством велось без крайностей, более спокойно и разносторонне». **7**
Генерал Абд-ал-Азиз Давлетшин и его труды по мусульманскому вопросу.

His stand
General Abd-al-Aziz Davletshin and his works on Muslim question

Точка зрения
«Я всецело предался служению краю». **14**
Письмо Александру III.

Point of view
A letter to Alexander III

Краски войны
«Бой был ужасный и ожесточенный с обеих сторон». **16**
Свидетельства участника Русско-японской войны.

Colours of the War
Memoirs of the participant of the Russo-Japanese War

Гражданская война
«Хотелось бежать назад без оглядки». **21**
«Психическая» атака 2 февраля 1919 г.

Civil War in Russia
Effects of a psycho attack

Подвижники
«Потребность в эмигрантских кругах в солидной русской библиотеке». **23**
Переписка сотрудников Тургеневской библиотеки в Париже с Н. А. Рубакиным.

Devotion
Correspondence of the librarians from the Turgenev Library in Paris with N. A. Rubakin

Российские родословные
«Ее пение много раз слышал Александр Сергеевич Пушкин». **36**
Рассказы «бабушки-графини».

Russian genealogies
Stories of an old countess, who sang her song to Alexander Pushkin

ФОТОАРХИВ

PHOTO ARCHIV

«Таких снимков еще не видала страна». **42**
Дмитрий Дебабов — основоположник «экспедиционного жанра».

Photos made by Dmitry Debabov, a founder of «expeditionary genre»

ПОДОПЛЕКА СОБЫТИЙ. ВЕРСИИ

BEHIND THE SCENES. VERSIONS

Актуально
«Весь мир будет населен одними только китайцами». **52**
Академик В. П. Васильев о перспективах возможного будущего Китая.

Topical issue
Academician V. P. Vasiliev on the expanding prospects of future China

Сталиниана
«Я не добивался и не добиваюсь переименования Царицына в Сталинград». **54**
Из личного архива И. В. Сталина.

On Stalin
«I have never wanted to rename Tsaritsyn to Stalingrad»

Зарубежный архив
«Все арестованные принадлежат к одной банде грабителей». **56**
Новые документы из Архива парижской полиции.

Foreign Archives
Documents of the French police on the Russian revolutionary movement

На ч жбине
«Мы не были уничтожены. Мы жили». **68**
Из воспоминаний актрисы Елены Вишневской.

Life overseas
War memoirs of actress Elena Vishnevskaya

Как это было
«Другой кандидатуры у нас просто нет». **90**
Из рабочей записи заседания Политбюро ЦК КПСС 11 марта 1985 года.

Recent story
How M. A. Gorbachev was selected for a post of the General Secretary of the Party

ВЕСТНИК АРХИВА ПРЕЗИДЕНТА РФ

VESTNIK OF THE ARCHIVE OF RF PRESIDENT

Послевоенный мир
«Скостить половину суммы репараций... мы можем». **100**
Встречи Сталина с руководством СЕПГ.

Minutes of meetings between I. Stalin and leaders of the German Democratic Republic

ИСТОЧНИК

ДОКУМЕНТЫ РУССКОЙ
ИСТОРИИ

2003`3(63)

Главный редактор
Владимир Долматов

Шеф-редактор
Сергей Кудряшов

Ответственный секретарь
Людмила Макарова

Компьютерная верстка
и художественное оформление
Амина Кольцова

Корректоры
Ирина Данилина, Лидия Потравко

Набор и верстка произведены
в компьютерном центре журнала «Родина».

All written material, unless otherwise stated,
is the copyright of «Istochnik».

© Редакция журнала «Источник». 2003.
Перепечатка разрешается только по соглашению
с редакцией.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати
Рег. № 012124.

Формат 84x108/16. Тираж 1000 экз. Заказ №
Адрес редакции:
103025, Москва, ул. Новый Арбат, 19.
Тел.: **203-45-54.**

Отпечатано в ГУИПП «Кострома». З. 2509.
© Редакция журнала «Родина». 2003. **Цена договорная**

«Он как только смог оплатил признательностью своему предшественнику»

О торжественном освящении Александровской колонны в Санкт-Петербурге 30 августа 1834 г.

Памятник императору Александру I в честь победы над Наполеоном в 1812–1815 гг. сооружен по проекту французского архитектора А. А. Монферрана. Состоит из гранитного пьедестала, украшенного бронзовыми барельефами (аллегорические фигуры и древнерусское вооружение), и колонны из темно-красного монолитного гранита с бронзовой капителью, увенчанной фигурой ангела с крестом (в лике ангела угадываются черты Александра I). На барельефе лицевой стороны пьедестала две крылатые женские фигуры держат прямоугольную доску с надписью «Александру Первому благодарная Россия». Высота колонны 47,5 м — выше колонны Траяна в Риме и Вандомской колонны в Париже, нижний диаметр колонны — более 3,5 м. Барельефы пьедестала — работа скульпторов Свинцова и Леппе, статуя ангела — работа скульптора Орловского.

30 августа 1832 г.* состоялся подъем и торжественная установка колонны, для чего было откомандировано 1440 гвардейцев, 60 унтер-офицеров, 300 матросов и саперы. На

церемонию приехали государь Николай I и все императорское семейство. Народ заполнил всю площадь; окна и крыша Главного штаба были усеяны зрителями. Сердце замерло у многотысячной толпы, когда заскрипели канаты и каменный исполин приподнялся наклонно, медленно пополз и повис в воздухе над пьедесталом; но вот канаты отданы; колонна тихо опустилась и невредимо стала на свое место. Восторженное «ура» понеслось по площади.

30 августа 1834 г. памятник был торжественно освящен в присутствии императора, императорской семьи, дипломатического корпуса, 100 тысяч русского войска и представителей прусской армии.

В Архиве внешней политики Российской империи хранится документ с описанием торжественного освящения колонны 30 августа 1834 г. Автор документа неизвестен, но можно предположить, что это один из чиновников Министерства иностранных дел России или российского посольства в Константинополе (документ находится в фонде «Посольство в Константинополе»).

О торжественном освящении Александровской колонны в Санкт-Петербурге (30 августа 1834 г.)**

Двор, город и вся империя, можно смело так сказать, были заняты приготовлениями к торжественному открытию колонны, сооруженной в честь покойного императора. Прибывали представители от дворянского и торгового (купеческого) сословий, а также депутация от прусской армии во главе с князем Вильгельмом, состоящая из генералов, офицеров и солдат, которые служили еще во время французской кампании (были размещены в отеле «Энгельгард» за счет двора).

Накануне 30-го, в 10 часов вечера ужасная гроза разразилась над Петербургом. Все даже думали, что праздник будет испорчен. Но в 6 часов утра яркое солнышко возвестило о начале этого прекрасного дня. В 10 часов был дан сигнал приостановить движение экипажей. Несметная толпа загородила огромные амфитеатры, воздвигнутые вокруг Дворцовой площади. Великолепный перистиль шел вдоль дворцового фасада с двойными поручнями для спуска на площадь. В 11 часов раздался пушечный выстрел. Сто шесть тысяч человек, с горящим взором, предшествуемые музыкантами, со всех улиц начали стекаться на Дворцовую площадь, на площадь Адмиралтейства, на Сенатскую площадь, как бы образуя римские амфитеатры — vomitorium штыков. И куда бы ни упал взгляд, везде можно бы-

* Здесь и далее даты даны по старому стилю.

** Перевод с французского.

ло видеть одни штыки. Артиллерия располагалась от литейного завода вдоль дворцовой набережной до Адмиралтейства и от

Адмиралтейства с другой стороны до конца Английской набережной. На Васильевском острове — от Морского кадетского корпуса до конца биржи; в амбразурах крепости красовались все ее огромные пушки, а 15 военных кораблей стояли на якоре между Василеостровским мостом и мостом Летнего сада. Кавалерия располагалась от Синего моста и далее по дороге на Петергоф; канонерские лодки выстроились в линию от Невы до Кронштадта, чтобы подавать сигналы. В 12 часов императрица, предваряемая духовенством и в сопровождении представителей всех родов войск Российской империи и всех депутатов, появилась на огромном балконе, специально сооруженном по этому случаю. Абсолютная тишина царила среди собравшихся. Колонна величественно возвышалась, окруженная от пьедестала до верха орлами на армейских знаменах и штандартах. Надпись и пьедестал колонны скрывало огромное шелковое полотно, расшитое лавровыми венками. Император [Николай I] один стоял посреди площади, а вся его свита — на некотором расстоянии от него. Начали читать молитвы за императора и просить благословение небес для России. После этого выступил диакон и отслужил панихиду по императору Александру. Император [Николай I], обнажив голову, встал на колени напротив ангела и креста. Вся армия, зрители, а также двор, одним словом все, преклонили колени. В момент, когда священник произнес «и сотвори ему вечную память»*, митрополит дал свое благословение. Император поднялся. Военные взяли на караул, музыканты заиграли марш «Вступление в Париж». Мощное «ура» 106 тысяч человек, салют из 6 тысяч пушечных выстрелов, продолженный бесконечным «ура» — так нынешний император почтил память своего предшественника. Одновременно раздавалось эхо пушечных залпов со всех батарей на суше и с эскадры, находящейся на рейде Кронштадта. Дрожала земля. Орлы, окружавшие колонну, все разом наклонились к подножию, полотно упало, и появилась надпись-посвящение «Александру Благословенному». Марш «Вступление в Париж» напомнил о чувствах, которые испытывали в России в этот момент, 20 лет тому назад.

Вот таким образом наследник почтил память того, кто передал ему эстафету славы. В этот момент император был великолепен. Восторженное настроение достигло предела, все плакали. Залпы 600 пушек в Петербурге и 3–4 тысяч в Кронштадте сотрясали все вокруг. Это «ура» и эта музыка. Я не могу вам выразить словами, какой эффект они производили. Дипломатический корпус прекрасно это видел, и он должен был признать, что великий монарх повелевал и умел повеле-

* Здесь и далее написано по-русски и подчеркнуто в тексте.

вать великим народом. Следует вспомнить поговорку: «Кто может противу Бога и великаго Новгорода». После салюта, безусловно уникального в истории, кортеж начал двигаться по направлению к памятнику. Императрица и окружавшие ее члены императорской фамилии, вплоть до самых маленьких, подошли поклониться памятнику. Вся свита и депутаты последовали за ней. Император держался рядом, со шпагой в руке, митрополит давал напиток святой воды. Кортеж поднимался в том же порядке. Князь Петр Волконский, с ротой гренадеров из дворца, бывших солдат покойного императора, к которым присоединились несколько прусских гренадеров, заступили на караул у колонны, как если бы князь Петр шел, как когда-то, проверить караул императорского квартала.

Эта очень простая идея произвела огромный эффект, и никто не считал смешным князя Петра, несущего караул. Была понятна идея: я многое дал бы, чтобы мне позволили надеть одежду, надеть шапку одного из этих солдат и, чтобы представлять моего отца, взять ружье и встать на караул у памятника — это не кажется мне смешным. Я осмелился просить о подобной милости. Отказ был бы для меня оскорблением памяти моего отца.

Когда дворцовая рота заняла позицию, император и князь Вильгельм со шпагами в руке прошли перед памятником, отдав ему воинские почести. Генерал-адъютанты императора Александра шли в первой линии и вставали вокруг колонны, затем следовали другие, а потом и армия. 84 батальона пехоты; 116 эскадронов и 260 единиц наземной артиллерии проходили таким образом в течение почти 3 часов. Церемония закончилась в 4:30. Император сошел с лошади, взойдя на балкон и обратился ко всем с речью, сказав, что этот день для него был самым прекрасным днем в его жизни и он как только смог отплатил признательностью своему предшественнику. Он вдвойне удовлетворен, видя, что каждый старался помочь в меру своих возможностей, и он благодарит все сословия, армию, депутации, представляющие всю империю. Император завершил свою речь словами о том, что он хотел бы рассчитывать на всех так же, как и каждый должен был и мог рассчитывать на него. Пусть небеса благоволят к нему, и пусть он примет это как доброе предзнаменование...

Посольство Франции не присутствовало на торжествах. Мотив понятен, и никто не рассердился. Затем император подал руку императрице и сказал, что собирается насладиться самым приятным отдыхом, какой только можно пожелать, и удалился.

Личное впечатление, какое он произвел, шло в унисон с блестящим спектаклем, который мы только что посмотрели, а каждый, уходя, сказал про себя: «Ай да Царь!»

«Желательно, чтобы ознакомление с мусульманством велось без крайностей, более спокойно и разносторонне»

Генерал Абд-ал-Азиз Давлетшин и его труды по мусульманскому вопросу

Утверждение в правление царицы Екатерины Великой принципа терпимости по отношению к исламу привело власти Российской империи к необходимости учитывать культовые особенности «магометанского закона». Посещение Святых мест, расположенных на родине пророка Мухаммада в аравийской области Хиджаз, традиционно считается одним из пяти «столпов» ислама, хаджж (паломничество) обязателен, хотя бы раз в жизни, для мусульман, которые в состоянии совершить его¹. Решая проблемы по обеспечению проведения хаджжа, российскому правительству пришлось принять на протяжении XIX — начала XX в. ряд законодательных актов по регулированию мусульманского паломничества, которые носили правовой, административно-полицейский и медико-санитарный характер².

Отношение русских государей, центральных и местных органов царской власти к практике хаджжа в разные периоды истории страны было достаточно неоднозначным³. Во многом оно определялось как общим курсом политики в мусульманском вопросе, так и конкретной внутри- и внешнеполитической обстановкой. Так, паломничество в Хиджаз обычно «замораживалось» во время неоднократных русско-турецких войн, поскольку с 1517 г. Святые места ислама в Аравии находились под верховной властью Османской империи⁴. Военные и дипломатические верхи монархии Романовых постоянно остро нуждались в достоверной информации о мусульманских странах Ближнего и Среднего Востока, по которым пролегал путь участников хаджжа. Существенный интерес в России проявлялся и непосредственно к положению дел в далеких и запретных для «неверных» Священных городах ислама — Мекке и Медине.

Первостепенное значение среди отечественных трудов по данной теме, несомненно, имеет «Отчет штабс-капитана Давлетшина о командировке в Хиджаз» (СПб. 1899).

Петербургский арабист Е. А. Резван, многие годы плодотворно изучающий историю организации и проведения этого уникального путешествия, считает, что в рассказе о своем паломничестве в Мекку в 1898 г.⁵ его автор «представил достаточный объем в целом объективной и тщательно подобранной информации для принятия [царскими властями. — Д. А.] комплекса верных решений, связанных с хаджжем русско-подданных мусульман»⁶. Обширная коллекция материалов Давлетшина собрана в его личном фонде в Санкт-Петербургском архиве востоковедов⁷. В московских хранилищах, в первую очередь в Российском государственном военно-историческом архиве, также отложился ряд касающихся жизни и службы Давлетшина документов: послужные списки, отчеты, деловая переписка и т. д. Обращение к ним позволяет лучше представить личность этого незаурядного представителя мусульманской общины России.

Сын подполковника русской армии, дворянин Уфимской губернии, Абд-ал-Азиз Давлетшин родился 20 июля 1861 г. и получил профессиональное образование в стенах Павловского военного училища (выпуск 1882 г.). Прослужив ряд лет в различных армейских частях, он снова обучался в 1887–1890 гг. на офицерских курсах восточных языков при учебном отделении восточных языков Азиатского департамента Министерства иностранных дел⁸. Будучи направлен затем в Закаспийскую область и выполняя там различные поручения, Давлетшин в начале 1898 г. занимал пост пристава и «исполнял обязанности» пограничного комиссара Каракалинского участка Красноводского уезда, находящегося на границе с Ираном. Когда по повелению Санкт-Петербурга «вполне надежный» офицер-мусульманин был отправлен в ответственной аравийскую командировку, то при этом предусматривалось сохранение за ним по возвращении в Россию

старого служебного положения⁹. Однако проявленные при выполнении трудного и опасного задания аналитические способности и деловые качества Давлетшина были не просто высоко оценены, он не только был удостоен «высочайшей благодарности» [документ № 1], но и вся его дальнейшая карьера приняла совершенно иной оборот. Вместо живописной, но отдаленной от центров общественной и политической жизни Кара-Кала местом его постоянного служения теперь стала столица империи, а в ней — воздвигнутое по проекту Карла Росси величественное желто-белое здание Главного штаба, полукругом опоясывающее Дворцовую площадь перед Зимним дворцом. На рубеже XIX–XX вв. начались многолетние труды Давлетшина в Азиатской части Главного штаба, в которой он прошел путь от младшего по должности офицера до последнего в ее истории начальника¹⁰. Здесь им был подготовлен целый ряд интереснейших докладов и обзоров, которые нуждаются в дальнейшем особом исследовании¹¹. В это время полковник Давлетшин принимал активное участие в жизни мусульманской общины России, став в 1906 г. председателем общественного комитета по строительству Санкт-Петербургской соборной мечети — главного молитвенного дома мусульман империи¹². В ноябре 1914 г. генерал-майор Давлетшин выступил одним из инициаторов созыва съезда мусульманских организаций для обсуждения вопроса об устройстве учреждений по «оказанию помощи раненым воинам на театре военных действий»¹³. В апреле 1917 г. генерал был включен Временным правительством в состав Туркестанского комитета, созданного в Ташкенте «в целях устройства края» в новых политических условиях, но уже в конце лета отозван в Петроград, где возглавил Азиатскую часть Главного штаба (документ № 3)¹⁴. Современная узбекская историография критически воспринимает данное пребывание Давлетшина в Средней Азии, утверждая, что он якобы «давно (?) оторвался от Туркестана» и «слабо знал происходящие здесь процессы»¹⁵. Происхождение подобной трактовки позиции Давлетшина нынешними ташкентскими сочинителями вполне понятно: русский генерал-мусульманин, отдавший всю свою жизнь делу укрепления единой российской государственности, не мог одобрительно отнестись к проявлению различного рода местническо-сепаратистских тенденций. Администратор, многие годы с глубоким знанием и пониманием проблем курировавший в Военном министерстве дела Туркестанского края, искренне не видел особого прока в создании какого-то или каких-то

отдельных «среднеазиатских государств» и полагал, что эти затеи выгодны не широким слоям коренного населения региона, а лишь небольшой кучке политиканов, дельцов и всякого рода авантюристов и демагогов. В последующее за 1917 г. трудное время очередной русской смуты Давлетшин продолжал оставаться настоящим патриотом своей страны, страстным поборником развития ее востоковедного знания. Известно, что он очень давно стремился всячески наладить академическую систему подготовки военных ориенталистов и был готов для реализации этого своего замысла сотрудничать с новыми правителями России. 20 сентября 1919 г. Давлетшин представил начальнику Всероглаштаба Красной армии Н. И. Раттэлю свой проект создания Восточного отделения Академии Генштаба. Его предложения были учтены при подготовке соответствующего «Положения», которое было утверждено 29 января 1920 г., и 12 февраля того же года Восточное отделение (отдел) было открыто¹⁶. Судьба, однако, распорядилась тогда все же по-своему неумолимо. Замечательный русский востоковед А. Е. Снесарев, назвавший последнего начальника Азиатской части Главного штаба империи одним из главных творцов этого полезнейшего для ориенталистики России начинания, с печалью засвидетельствовал то, что генерал Абд-ал-Азиз Давлетшин, «предназначавшийся в начальники Восточного отдела, умер чуть ли не в день осуществления своей заветной мечты»¹⁷.

Среди давлетшинских документов по исламской проблематике наше внимание привлек его неопубликованный доклад от 8 марта 1900 г. по содержанию «Сборника по мусульманству»¹⁸. Появление этого издания, как и целого ряда других материалов по мусульманскому вопросу, было стимулировано разразившимся под лозунгами джихада в мае 1898 г. Андижанским восстанием. Данное выступление было быстро и жестоко подавлено, но под его впечатлением в верхах империи развернулись споры по поводу направленности и методов дальнейшей российской политики по отношению к исламу как в самом Туркестане, так и на всей территории монархии Романовых¹⁹. Оказавшись по поручению «свыше» невольным участником этой дискуссии, тогда еще только капитан по своему воинскому чину, Давлетшин достаточно корректно, но вместе с тем весьма последовательно критически разобрал содержание «Сборника», выступая против крайностей, проявленных его авторами при характеристике тех или иных сторон «магометанского закона»²⁰. Анализ

этой работы Давлетшина дает возможность точнее оценить взгляды и позицию умного и просвещенного представителя элиты «мусульманского мира в России», искренне заинтересованного в межконфессиональной толерантности внутри его страны. Ниже воспроизводятся наиболее значимые по своему смыслу извлечения из машинописного текста данного давлетшинского доклада, хранящегося в РГВИА в фонде 165 «А. Н. Куропаткин» (документ № 2).

Публикуемые ниже материалы заимствованы нами из различных коллекций Российского государственного военно-исторического архива, по возможности сохранено своеобразие их орфографии и синтаксиса, их тексты снабжены необходимым комментарием. Считаю своим долгом выразить особую признательность сотруднику РГВИА Кириллу Яковлевичу Паромову за содействие при подготовке документов к изданию.

№ 1

Министерство
Военное
Главный Штаб
Начальник
11 ноября 1899 года
№ 55164

Его Высокоблагородию
А. А. Давлетшину

Милостивый Государь
Азис Абделлевич.

На всеподданнейшей записке, при коей Военным Министерством²¹ был представлен на Высочайшее благоволение печатный экземпляр отчета Вашего о командировке в Хиджаз Его Императорскому Величеству²² благоугодно было 10 Ноября сего года собственноручно начертать «Благодарю».

Поставляя Вас в известность о таковом Всемилоостивейшем внимании к Вашему труду прошу принять уверение о совершенном моем почтении и преданности.

В. Сахаров²³.

РГВИА. Ф. 400 «Главный штаб. Азиатская часть». Оп. 1. Д. 2239. Л. 71.

Генерал А. Н. Куропаткин.

№ 2

Доклад капитана Давлетшина по содержанию «Сборника материалов по мусульманству»

В самом начале («Сборника. — Д. А.) материалов» допущена весьма существенная неточность, а именно указывается, что Коран является собою посмертным сборником главных изречений и поучений Магомета. Между тем лицам, даже мало знакомым с учением ислама, известно, что Коран считается мусульманами всецело Божественным откровением, а изречения же Магомета составляют уже «хадис» (предания)...²⁴

В подтверждение того, что ислам является самым непримиримым врагом христианства и всей христианской культуры, приводится несколько стихов из Корана. Известно, что стихи Корана появлялись в разное время, при разных обстоятельствах и в подтверждение тех или иных действий Магомета. Те места Корана, которые относятся к моменту непосредственно предшествовавшему (тому или иному. — Д. А.) сражению, или к тому периоду, когда пророк напрягал последние усилия при борьбе с язычниками-арабами или евреями²⁵, понятно, не отличаются миролюбивым тоном, часто содержат угрозы и вообще соответствуют обстановке военного времени. Поэтому, чтобы быть беспристрастным, казалось бы, что нельзя обобщать подобные места, а необходимо принимать во внимание условия данного времени и обязательно нужно справляться с толкованиями Корана, где часто имеются и надлежащие разъяснения...²⁶

В тексте («Сборника». — Д. А.) говорится, что преподаватели в медресе²⁷ старательно дока-

зывают муллам, что на их священной обязанности лежит истребление неверных... Что преподавание в медресе Средней Азии не удовлетворяет самым элементарным требованиям, рутинно и погружено в схоластику, это конечно известно всякому²⁸, ... но утверждать, что в медресе внушается истребление неверных, не имеется никаких оснований. Сколько мне не приходилось видеть и знакомиться с преподаванием в медресе²⁹, ничего подобного не встречал, даже и в мусульманских странах...

В главе («Сборника») доказывается, что Магомет в ранний период своей религиозной деятельности отличался широкой веротерпимостью, но впоследствии, когда он нашел приют и опору в Медине³⁰, забыл свою важную заповедь, что «в религии нет принуждения»³¹ и теперь вместо прежних гуманных отношений к иноверцам стал проповедовать самую ожесточенную войну. Но при этом упускается из виду, что изречение «в религии нет принуждения» относится именно к позднему мединскому периоду деятельности пророка и что во всем Коране вообще встречаются изречения, полные угроз и жестоких требований, наравне с гуманною проповедью, соответственно с текущими обстоятельствами, независимо от того появились ли они до бегства из Мекки или же позже этого события... Затем идут выдержки из Корана в доказательство того, что война с неверными, по учению ислама, окружена ореолом величия и за нее обещаны все блага будущего мира. Чтобы быть вполне беспристрастным, следовало бы добавить, что, с другой стороны, Коран ставит изучение наук выше джихада и что, по учению шариата, в то время, как ради наук и даже для торговли дозволяется отправляться и без разрешения родителей, для джихада это возбраняется; не разрешается также идти на войну должнику без разрешения заимодавца, невольнику без разрешения своего владельца. Необходимо также иметь в виду, что джихад считается обязательным среди мусульман лишь по призыву своего государя, без чего всякая война безусловно запрещена...³²

Хадж при наличии достаточных средств, умственного и физического здоровья и при безопасности пути является одной из главных обязанностей каждого мусульманина наравне с молитвой, постом и «закетом»³³. Звание «хаджи» действительно считается среди простонародья почетным, но чтобы троекратное хождение в хадж поднимало паломника на степень праведника и святого, этого нигде не слышно. Главное место поклонения, город Мекка, не связано с воспоминаниями о жизни или проповеднической деятельности Магомета — все обряды хаджа принадлежат к прежнему культу арабов. Посещение же Медины, где имеются некоторые памятники жизни пророка и гробница его, не входит в число обрядов хаджа³⁴. Я не знаю до какой цифры достигает число паломников-шиитов, идущих в Кербела и Неджеф³⁵, но число собственно русско-подданных хаджиев (паломников в Мекку. — Д. А.) никогда не превышает приблизительно 4 т[ыс.] человек...³⁶

(В «Сборнике». — Д. А.) указывается, что хадж несомненно служит одним из могущественных орудий возбуждения и укрепления мусульманского фанатизма, в смысле стремления к религиозно-политической обособленности, в основу которой положено скрытое признание истинной главой всех мусульман-суннитов, к какой бы народности они не принадлежали, турецкого падишаха, как духовного и светского повелителя правоверных³⁷, и полное подчинение в делах веры непосредственному его ставленнику, шерифу Мекки³⁸, объединяющему (как древний первосвященник евреев, или как современный папа католиков) остальных мусульман всего мира, не состоящих прямо подданными султана.

В отчете своем по командировке в 1898 году в Хиджаз я докладывал, что хадж, в настоящем его виде, является обрядом чисто религиозного характера, ничего не имеющим общего с политической и что, наоборот, ближайшее знакомство с положением Турции действует на большинство наших мусульман отрезвляющим образом, и обаяние турецкого султана, как главы мусульманства, падает само собою. Шериф Мекки является не более, как правителем туземного (бедуинского) населения Хиджаза и никакой другой роли не играет, даже заведывание Кааба³⁹ и другими святынями ислама находится не в ведении шерифа, а местного генерал-губернатора (вали). Сведения же, что шериф является будто бы ставленником султана, объединяющим, как римский папа, всех мусульман, являются не более, как фантазией.

(В «Сборнике». — Д. А.) сообщается, что в Константинополе наиболее зажиточные и развитые из наших мусульман-паломников всячески задерживаются, обучаются в духовных училищах и затем выпускаются оттуда на родину уже достаточно подготовленными и настроенными в духе крайнего исламизма. Необходимо иметь в виду, что все мусульмане, выехавшие в хадж, всеми силами стараются скорее исполнить эту тяжелую обязанность, а возвращающиеся, естественно, спешат домой; затем в Мекку исключительно едут люди уже в преклонном возрасте⁴⁰, люди зажиточные, имеющие на родине какое-нибудь дело, оставившие дома свои семьи, — задержать которых где-нибудь по пути нет никакой возможности...

При рассмотрении настоящего «Сборника» нельзя не заметить, что материалы для него бы-

ли составлены, по-видимому, весьма спешно, односторонне и, к сожалению, при слишком крайнем направлении. Последнее обстоятельство объясняется, может быть, отчасти, тем что материалы эти были составлены после анджанских беспорядков⁴¹, что, конечно, не могло не отразиться на их содержании и, кроме того, труды, которые были взяты за основание, относятся большей частью к эпохе общего возбуждения против мусульман. Так выдержки из газеты «Кавказ»⁴² принадлежат к 1846 г. — периоду борьбы с кавказскими горцами, труд миссионера Агронома о джихаде относится к 1877 году⁴³. Мусульмане Средней Азии, благодаря влиянию такого просветительного центра, как Бухара, являются, несомненно, весьма фанатичными, неприязненно относящимися не только к лицам, исповедующим другие религии, но одинаково и ко всем своим единоверцам, непридерживающимся строго рутинных обрядов религии, но при более внимательном рассмотрении нельзя не убедиться, что главной причиной тому являются не основные требования религии.

Коран, как известно, полон противоречий: в нем немало изречений, полных угроз и воинственного пыла, но, с другой стороны, еще более мест, предписывающих милосердие и веротерпимость. Поэтому было бы ошибочно характеризовать учение ислама исключительно только по выдержкам того или иного характера, без надлежащего сопоставления таких разноречивых требований и без справок по толкованиям.

В виду изложенного казалось бы более желательным, чтобы ознакомление с мусульманством велось без крайностей более спокойно и разносторонне, выставляя недостатки этого учения, но не скрывая и его хороших сторон, различая основное учение от прибавлений и разъяснений позднейших толкователей...

Нельзя при этом случае не сожалеть глубоко, что офицерские курсы восточных языков, которые, по положению своему, могли бы оказать большую услугу, разрабатывая этот вопрос, вводя ознакомление с мусульманством как обязательный предмет для обучающихся там офицеров, публикуя имеющиеся материалы и т. под., благодаря своему неудовлетворительному устройству, совершенно не отвечают этим жизненным требованиям и не удовлетворяют своему назначению⁴⁴.

Ознакомление... с мусульманством по таким материалам, какие собраны в настоящем «Сборнике» едва ли отвечает и целям Правительства на окраинах; распространение через официальные издания таких крайних идей, что мусульмане самые непримиримые враги христианства и что ислам учит ненавидеть все прочие религии, предписывает истреблять христиан при всяком удобном случае, казалось бы должно вызывать полное недоверие и вражду по отношению к туземцам Средней Азии и казалось бы должно подрывать в корне то чувство человеческого уважения со стороны правящего класса к аборигенам края, которое служит главной причиной столь громадного обаяния России на всем Востоке. У мусульман же подобного рода суждение об их религии оставляет всегда чувство какой-то глубокой обиды и способствует к еще большему увеличению исторически сложившейся розни.

Капитан Давлетшин

8 марта 1900 года

РГВИА. Ф. 165 «А. Н. Куропаткин». Оп. 1. Д. 565. Л. 2–11.

№ 3

Список по старшинству на 1917 год

Давлетшин Абдул-Азис-Абдуллич

Родился 20 июля 1861 года

Вероисповедание — магометанское

Образование: Общее: домашнее

Военное: в 1-ом военном Павловском училище и курс восточных языков при Министерстве иностранных дел

Офицером с 7-го августа 1882 года.

Генерал-майор с 6-го декабря 1913 года

Числится по армейской пехоте.

Делопроизводитель Азиатской части Главного штаба. Высочайший приказ от 10 сентября 1910 года.

Начальник Азиатской части Главного штаба. Приказ от 10 ноября 1917 года

Награды:

Св. Станислава 3 ст. — 24 марта 1896 г.

Св. Анны 3 ст. — 14 мая 1903 г.
 Св. Станислава 2 ст. — 6 декабря 1906 г.
 Св. Анны 2 ст. — 6 февраля 1910 г.
 Подарок по чину — 12 мая 1913 г.
 Св. Владимира 3 ст. — 22 марта 1915 г.
 Св. Станислава 1 ст. — 30 июня 1915 г.
 Св. Анны 1 ст. — 6 декабря 1916 г.
 Бухарский орден
 Серебряной звезды 1 ст. — 1896 г.

РГВИА. Ф. 407 «Рукописные списки по старшинству генералов, штаб- и обер-офицеров». Оп. 1. Д. 99. Л. 94.

Серебряная звезда ордена
Благородной Бухары.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ермаков Д. В. ал-хаджж//Ислам. Энциклопедический словарь. М. 1991. С. 261; Резван Е. А. ал-хаджж//Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. М. 1998. Вып. 1. С. 96–99.
- 2 Арапов Д. Ю. Первый российский указ о паломничестве в Мекку//Россия в средние века и новое время. М. 1999. С. 293–301.
- 3 Так, император Николай I настоятельно рекомендовал в 1843 г. своим губернаторам всячески «отклонять богомольцев от путешествий в Мекку и Медину под разными благовидными предложениями». Более подробно см. нашу публикацию распоряжений этого государя по мусульманскому вопросу: Источник. 2002. № 5. С. 18–19.
- 4 Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. М. 1984. С. 40–41.
- 5 Официально Давлетшин отправился в Хиджаз как частное лицо, с целью совершить паломничество в Мекку. В 1898 г. по Р. Х. начало хаджжа приходилось на 29 апреля, т. е. на 7 зу-ль-хиджжа 1315 г. по хиджре//Цыбульский В. В. Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока. Синхронистические таблицы и пояснения. М. 1964. С. 107.
- 6 Резван Е. А. Хаджж из России//Восток: история и культура. СПб. 2000. С. 137. Этому сюжету посвящена его книга «Хаджж сто лет назад: секретная миссия русского офицера Абд-ал-Азиза Давлетшина в высокопочтенную Мекку. 1898–1899 гг.». Бейрут. 1993 (на араб. яз.).
- 7 Краткий справочник по научно-отраслевым и мемориальным архивам АН СССР. М. 1979. С. 80.
- 8 РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 1609. Л. 262–263.
- 9 Там же. Оп. 1. Д. 2239. Л. 1, 3 об.
- 10 Азиатская часть Главного штаба — в 1866–1918 гг. подразделение военного ведомства России, которое ведало делами Кавказского, Туркестанского, Сибирского и Приамурского военных округов, занималось устройством государственной границы в азиатских районах страны, а также сбором сведений о соседних государствах Востока. По штатам 1886 г. Азиатская часть состояла из начальника, делопроизводителя и трех помощников делопроизводителя, кроме того, к ней был прикомандирован офицер Корпуса военных топографов.
- 11 Например, см.: Отчет капитана Давлетшина по командировке в Туркестанский край и степные области для ознакомления с деятельностью народных судов. СПб. 1901.
- 12 Аминов Д. А. Татары в Старом Петербурге. Исторический очерк. СПб. 1994. С. 20–24.
- 13 ГА РФ. Ф. 102, 4-е делопроизводство, 1914 г. Оп. 123. Д. 61. Ч. 9 «А». Л. 96.
- 14 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4620. Л. 18, 35, 84, 179–181.
- 15 Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Ташкент. 2000. С. 28–29.
- 16 Абуков Б. Восточный отдел Военной академии//Военная академия за пять лет. М. 1923. С. 210–212.
- 17 Снесарев А. Е. Мне было ясно с первых же шагов, что эти «буревестники» создадут довольно сложную обстановку. Записка 1923 г. (Публ. И. С. Даниленко)//Военно-исторический журнал. 2002. № 11. С. 62.
- 18 Сборник материалов по мусульманству. Составлен под редакцией поручика В. И. Ярового-Равского. СПб. 1899. Его содержание: 1) Краткий обзор современного состояния и деятельности мусульманского духовенства, разного рода духовных учреждений и учебных заведений туземного населения Самаркандской области с некоторыми указаниями на их историческое прошлое — Наливкин, Усов, Вирский, С. Лапин, В. Вяткин — С. 3–47; 2) Дервишизм в Туркестане — Е. Т. Смирнов — С. 49–71; 3) Пять заповедей алжирских дервишей (Пер. с франц. Н. О. (Н. П. Остроумова. — Д. А.) — С. 73–84; 4) Ишаны и суфизм — Н. Маллицкий — С. 85–99; 5) Джихад или газават — С. 101–128; 6) Паломничество (хадж) в Мекку и Медину — Я. Р. (В. И. Яровой-Равский. — Д. А.) — С. 129–156.
- 19 О позиции в данном споре министра финансов Российской империи С. Ю. Витте, высказанной в его «секретном заключении» от 25 октября 1900 г., более подробно см. нашу публикацию: Источник. 2003. № 2. С. 24–26.
- 20 Объектом критики Давлетшина здесь стали оценки видных среднеазиатских исламоведов В. П. Наливкина и Н. П. Остроумова. О них более подробно см.: Историография общественных наук в Узбекистане. Библиографические очерки. Ташкент. 1974. С. 247–271.
- 21 В январе 1898 — феврале 1904 г. военным министром России являлся генерал Алексей Николаевич Куропаткин. В бытность в 1890–1897 гг. начальником Закаспийской области, Алексей Николаевич смог высоко оценить деловые качества Давлетшина и рекомендовал именно его кандидатуру для поездки в Хиджаз. Следует также отметить, что оба они — Куропаткин в 1866 г., Давлетшин в 1882-м — окончили Павловское военное училище, и принадлежность к известной в армейских кругах корпорации «павлонов», естественно, сближала их.
- 22 Царю Николаю II (1894–1917) был поднесен один из 200 экземпляров «секретного» и редчайшего в

- наши дни издания арабийского «Отчета» Давлетшина.
- 23 Генерал Виктор Викторович Сахаров в 1898–1904 гг. был начальником Главного штаба, т. е. непосредственным начальником Давлетшина.
  - 24 В мусульманском предании (Сунне) выделяют Сунну Аллаха (Коран) и Сунну Мухаммада (хадисы). В исламе считается, что Коран был передан Аллахом пророку Мухаммаду при посредстве ангела Джибрила (представление о последнем в мусульманской традиции сложилось под влиянием образа христианского архангела Гавриила).
  - 25 Имелись в виду еврейские (или иудаизированные арабские) племена, жившие на территории оазиса Йасриб (совр. Медина)//Большаков О. Г. История Халифата. 1. Ислам в Аравии. (570–633). М. 1989. С. 83.
  26. Имелись в виду «тафсиры» («разъяснения», «толкования») — сочинения, связанные с построением реального, филологического и богословского комментария к Корану.
  - 27 Медресе («мадраса») — мусульманское учебное заведение второй (высшей) ступени после начальной.
  - 28 О тогдашнем состоянии мусульманских учебных заведений Средней Азии см. замечательные мемуары современника: Айни С. Воспоминания. М.; Л. 1960.
  - 29 В литературе отмечается, что Давлетшин обучался в оренбургском «мадраса» Хусайнийя//Фархшатов М. Н. Хусайнийя//Ислам на территории бывшей Российской империи. Вып. 1. С. 101.
  - 30 Имелось в виду переселение («ал-хиджра») пророка Мухаммада и его сторонников в 622 г. из Мекки в Йасриб (совр. Медина). Позднее это событие было принято за отправную точку мусульманского летоисчисления.
  - 31 Коран. Перевод Г. С. Саблукова. Казань. 1877. Сура 2, аят(стих) 257.
  - 32 О толковании джихада см. заключение («фетву») одного из ведущих мусульманских богословов современной России, имама Московской мемориальной мечети на Поклонной горе: Аляутдинов Ш. Фетва о важности правильного толкования Священного Корана и недопустимости его использования для оправдания политического экстремизма//Аляутдинов Ш. Путь к вере и совершенству. М. 2001. С. 365–372.
  33. Имелся в виду «закат» — налог в пользу нуждающихся мусульман.
  34. Посещение мусульманами расположенной в Медине Мечети пророка, на территории которой в 632 г. был похоронен Мухаммад, не входит в состав действий, непосредственно относящихся к хаджу, и его можно совершать в любое время года.
  - 35 Кербела (Мешхед ал-Хусайн) — город в Ираке, где в 680 г. был убит и тут же захоронен третий шиитский имам ал-Хусайн б. Али; Неджеф (Мешхед-Али) — город в Ираке, где, по преданию, был похоронен четвертый «праведный» (с точки зрения шиитов, единственный законный) халиф Али б. Аби Талиб (ум. в 661 г.). Оба данных святых места по традиции считаются важнейшими центрами паломничества последователей шиитского направления в исламе.
  - 36 В начале XX в. число мусульманских паломников из России в Мекку заметно увеличилось и достигло количества 16–25 тыс. человек в год//Резван Е. А. Хаджж из России. С. 139.
  - 37 В 1774 г. по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору Россия признала духовный авторитет турецкого султана, «яко Верховного Калифа Магометанского закона». В 1783 г. Екатерина II в одностороннем порядке аннулировала эту статью данного международного соглашения; но и она, и все последующие правители страны до В. И. Ленина включительно фактически считались с существовавшим до 1924 г. халифатом Османов как с важнейшим духовно-политическим фактором воздействия на миллионы мусульман-суннитов.
  - 38 «Шериф» («шариф» — знатный, благородный) — в средние века и новое время титул светского правителя Мекки, по происхождению потомка пророка Мухаммеда.
  - 39 Кааба («ал-Каба» — куб) — главное святилище ислама, в сторону которого все мусульмане обращаются во время молитвы, ее посещение является одним из главных элементов хаджжа. Расположена в центре главной мечети Мекки («ал-Масджид ал-Харам») и представляет собой каменное здание высотой 15 м и с основанием 12 x 10 м. В восточный угол здания вделан заключенный в серебряное обрамление «черный камень» — главный предмет поклонения, символ могущества Аллаха, посланный им на землю людям. По мнению исследователей, он, предположительно, имеет метеоритное происхождение.
  - 40 В средние века в исламском мире паломничество в Мекку воспринималось как своего рода подведение итогов жизненного пути мусульманина. В современной России и других странах СНГ хаджж — это часто способ поднять свой авторитет и эффективнее вписаться в активно действующую политическую и деловую мусульманскую элиту.
  - 41 Имелось в виду Андиганское восстание, произошедшее в мае 1898 г.
  - 42 Политическая и литературная газета «Кавказ» выходила в Тифлисе в 1846–1918 гг., ее издание носило официальный характер.
  - 43 Агрономов А. И. Джихад. Священная война мухаммедан. Казань. 1877. (Данная книга была переиздана в Москве в 2002 г.)
  - 44 В подготовленном Давлетшиным проекте учебной программы Восточного отделения Академии Генштаба (1919) предусматривалось изучение основ арабского языка и краткого курса мусульманского права.

«Я всецело предался служению краю»

Письмо Александру III

Деятельность генерала М. Г. Черняева¹ не была обойдена вниманием современников. С ним связывали как успехи русского оружия в Средней Азии, так и надежды на освобождение славян Балканского полуострова. Как человек, Черняев был наделен рядом привлекательных качеств: личной храбростью, бескорыстием, прямодушием в отношениях с людьми. Вместе с тем в адрес Черняева при его жизни раздавались и обвинения. Его считали склонным к авантюризму, хотя свойственная ему инициативность без оглядки на начальство порой приносила успех, как это было, когда, несмотря на многократный численный перевес сил противника, русский отряд под руководством Черняева в ночь на 15 июня 1865 г. штурмом овладел Ташкентом. В 1884 г. Чер-

няев был смещен с должности туркестанского генерал-губернатора. Мотивы отставки были не вполне ясны, полагали, что он как администратор оказался не на высоте. Однако сам Черняев основной причиной своей отставки считал очередные обвинения в виновности. В условиях обострения отношений Бухарского ханства с Афганистаном, вызванного вторжением афганцев в 1883 г. в западнопамирские бекства Шугнан и Рушан, Черняев активно поддержал бухарцев, послав им оружие². Как бы то ни было, на следующий год после отставки Черняева не бухарцам, а уже русскому отряду пришлось вступить в бой с афганцами (18 марта 1885 г.), завершившийся их разгромом и присоединением к России Пендинского оазиса (район Кушки).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898) — генерал-лейтенант, военный губернатор Туркестанской области в 1865–1866 гг., туркестанский генерал-губернатор в 1882–1884 гг.

2 Черняева А. М. Государь император Александр III и М. Г. Черняев // Исторический вестник. 1909. Т. 118. С. 152–157.

М. Г. Черняев — императору Александру III. 6 февраля 1884 г.

Ваше императорское величество.

Я обязан Вам, государь, больше, чем сколько подданный может быть обязан своему монарху. Назначением в Ташкент Ваше величество примирили меня с моим тяжелым прошедшим и я всецело предался служению краю, чтобы отблагодарить по мере сил за Вашу высочайшую ко мне милость и доверие.

В кратковременное мое управление Туркестаном, всего год и четыре месяца, результаты моей деятельности не могли еще вполне выясниться и я не успел достигнуть той цели, которую Вашему величеству благоугодно было указать мне при всемилостивейшем назначении генерал-губернатором: «Чтобы эта окраина не была для России бременем, но служила ей на пользу». Ревизовавший по высочайшему Вашему величества повелению Туркестанский край тайный советник Гирс¹, уезжая из Ташкента, заявил мне, что считает своим долгом повергнуть пред Вами, государь, заключение, выведенное им из ревизии следующими словами: «Произведя двенадцать ревизий я нигде не встречал для генерал-губернатора таких затруднений, какие Вы встретили при вступлении в управление краем».

Но несмотря на эти затруднения, происходившие от продолжительной болезни моего предшественника², я, имея постоянно в виду указанную Вашим величеством цель, успел достигнуть следующих результатов:

1) Я изыскал возможность сократить ежегодные расходы государственного казначейства

на четыреста пятьдесят тысяч рублей³. 2) Имея в виду, что благосостояние населения и производительность страны, а следовательно и доходность ее в прямой зависимости от количества воды, могущей быть употребленной на орошение, я прорыл из Сыр-Дарьи два канала: один вблизи г. Ходжента протяжением в 13 верст, дающий воду для орошения 35 000 десятин, другой в окрестностях Перовска в двадцать верст длиною, дающий возможность оросить более 100 000 десятин. 3) Ввиду того, что с увеличением торговли ценность перевозки достигла таких размеров, что препятствует дальнейшему ее развитию, я лично осмотрел кратчайший и дешевлеший путь в Россию и удостоился за это высочайшего Вашего одобрения⁴.

Относительно внешней политики, стремясь избегнуть нареканий в воинственном ее направлении, я, наученный предыдущим опытом при самом своем назначении, высказав свой взгляд, просил инструкций, но инструкций дано мне не было на том основании, что при существовании телеграфа все вопросы могут быть решаемы по мере их возникновения. Вследствии этого, при первом слухе о возможности столкновений между английскими афганами и нашими бухарцами я обратился к военному министру⁵ с телеграммой, в которой, высказывая мое мнение и ничего не предпринимая, просил указаний. Не получая ответа на две своих телеграммы в течение двух недель, я решился в таких важных обстоятельствах через посредство генерал-адъютанта Рихтера⁶ обратиться к Вашему величеству. Вам, государь, благоугодно было одобрить оба предположения мои относительно выставки отряда на границу для нравственной поддержки эмира и высылки ему нескольких сот ружей.

Так как собранные на бухарской границе афганские войска ничего не предпринимали, хотя до моего отъезда не были еще распущены, то и войска из Самарканда не были двинуты. Ружья же мною посланы эмиру, как предостережение афганцам противу враждебных покушений на бухарцев. Письмо бухарского эмира⁷ с изъявлением благодарности за исходатайствование ему ружей, в высылке которых он видит новый знак всемилостивейшего Вашего величества доверия к нему, будет мною представлено военному министру.

Приведенные факты могут служить опровержением обвинения меня в ничем не обнаруженной, а только предполагаемой во мне воинственности, но я могу еще сказать в свое оправдание, что в Средней Азии до меня и после меня не было факта равносильного взятию Ташкента. Может ли привлекать человека меньшее дело, когда он сделал уже гораздо большее.

Помимо моего долга к Вашему величеству так милостиво и человечно относившемуся ко мне в течение восемнадцати лет мое личное, человеческое чувство совпадает с той задачей, которую Вам, государь, благоугодно было возложить на меня: «Чтобы Туркестан не был бременем для России», в чем меня постоянно упрекали как завоевателя этого края. В исполнение высочайше мне указанной Вами, государь, цели заключается мое самолюбие.

При представлении моем 5го февраля военный министр сказал мне следующие слова: «Должен сообщить Вам неприятную для Вас новость: государю угодно заместить Вас и назначить членом Военного совета». Не сознавая за собой вины ни как подданный, ни как человек, ни как генерал-губернатор, я безропотно покоряюсь священной для меня воле Вашего величества и решаюсь повергнуть к стопам Вашим, государь, мою всеподданнейшую просьбу о последней милости ко мне, начавшему службу еще при августейшем деде Вашем. Прикажите, государь, моим обвинителям объяснить мне в высочайшем присутствии Вашем мои вины, лишаящие меня всемилостивейшего доверия Вашего, которым я был осчастливлен в течение восемнадцати лет.

Вашего императорского величества верноподданный слуга

Михаил Черняев генерал-лейтенант.

ГАРФ. Ф. 677 (Александр III). Оп. 1. Д. 1043. Л. 1–3. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Гирс Федор Карлович (1824–1890) — член Совета министра внутренних дел (с 1863 г.), председатель Степной комиссии в 1865–1868 гг.
- 2 Кауфман Константин Петрович (1818–1882) — инженер-генерал, генерал-адъютант, туркестанский генерал-губернатор 1865–1882 гг., почетный член Петербургской академии наук (с 1873 г.).
- 3 Уменьшение расходов было достигнуто упразднением Аральской флотилии и сокращением войск.
- 4 Черняев лично обследовал залив Мертвый Култук, выясняя его судоходность, интересовался возможностью поворота Амударьи по старому руслу в Каспийское море.
- 5 Ванновский Петр Семенович (1822–1904) — генерал от инфантерии, военный министр в 1881–1897 гг., министр народного просвещения в 1901–1902 гг.
- 6 Рихтер Оттон Борисович (1830–1908) — генерал-адъютант, командующий императорской квартирой в 1881–1898 гг.
- 7 Музаффар-хан (ум. в 1885 г.) — эмир Бухары (с 1860 г.).

«Бой был ужасный и ожесточенный с обеих сторон»

Свидетельства участника Русско-японской войны

Николаю Павловичу Волинскому (1875–1913) принадлежит ряд трудов по истории русской кавалерии, но мало кто из державших в руках его книги знал о тайне происхождения человека, их написавшего. Н. П. Волинский являлся внебрачным сыном великого князя Николая Константиновича (1850–1918) и А. А. Демидовой¹. Николай Волинский и его младшая сестра Ольга родились уже после того, как их отец был официально объявлен душевнобольным и неспособным. Специально приставленные к великому князю люди не смогли воспрепятствовать его встречам с А. А. Демидовой, но затем родившиеся дети² были разлучены с отцом, а их матери запретили поддерживать какие-либо отношения с великим князем.

7 января 1879 г. состоялось бракосочетание А. А. Демидовой с прапорщиком графом Павлом Феликсовичем Сумароковым-Эльстоном³, который и взял на себя заботу о воспитании детей Демидовой и великого князя. Николай Константинович являлся (до 1878 г.) шефом Лейб-гвардии Волинского полка, потому, очевидно, и детям его была присвоена фамилия «Волинские». Нелишне будет к тому же упомянуть, что любимым историческим персонажем великого князя Николая Константиновича был А. П. Волинский⁴.

Н. П. Волинский, закончив Николаевское кавалерийское училище, стал служить (с 1897 г.) в лейб-гвардии Кирасирском его величества полку. Военную службу он соче-

тал с научной работой, занявшись историей своего полка. «Усидчивый, щепетильный, обладавший способностью воссоздавать минувшее по одной строчке архивного документа, т. е. владевший тем, что можно назвать «архивным умом», он был, по мнению близко знавшего его М. И. Соколовского⁵, «архивистом по призванию»⁶.

С началом Русско-японской войны 1904–1905 гг. Н. П. Волинский переводится 9 марта 1904 г. в чине подьесаула во 2-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска, участвует в сражениях под Вафангоу, на р. Шахэ. В сражении под Дашичао 11 июля 1904 г. он получает тяжелую контузию шрапнелью в левый бок⁷. По выздоровлении его назначают адъютантом к А. Н. Куропаткину⁸. Со службы Н. П. Волинский был уволен 9 мая 1907 г. в чине ротмистра, а в 1913 г., в связи с юбилеем 300-летия Дома Романовых, ему был пожалован чин полковника. К тому времени была издана написанная им «История лейб-гвардии Кирасирского его величества полка» (СПб. 1902). За труд «Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия в Великой Северной войне» (СПб. 1912) Волинский был удостоен от Петербургской академии наук Уваровской премии, но уже посмертно. Последствия ранения, очевидно, дали себя знать, способствуя развитию чахотки. Н. П. Волинский закончил свой жизненный путь «в ужасных муках за границей»⁹, он умер в Италии 4 декабря 1913 г.¹⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Демидова (урожд. Абаза) Александра Александровна (1853–1894) — возлюбленная великого князя Николая Константиновича в 1875–1877 г.
- 2 В некоторых изданиях датой рождения Николая Волинского ошибочно указывается 1878 г., на самом деле он родился 11 декабря 1875 г.
- 3 ГАРФ. Ф. 109 (III Отделение Собственной е. и. в. канцелярии). Оп. 3. Д. 457. Л. 1–1 об.
- 4 Волинский Артемий Петрович (1689–1740) — госу-

- дарственный и политический деятель, возглавил посольство в Иран в 1715–1718 гг., астраханский губернатор в 1719–1724 гг., казанский губернатор в 1725–1730 гг., кабинет-министр (с 1738 г.).
- 5 Соколовский Михаил Константинович (1867–1941) — историк, основатель петербургского Общества ревнителей истории.
- 6 РГАЛИ. Ф. 442 (М. К. и Т. О. Соколовские). Оп. 1. Д. 15. Л. 55 об. –56 об.

- 7 РГАЛИ. Ф. 637 (Д. Д. Языков). Оп. 1. Д. 83. Л. 31.
 8 Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант, военный министр в 1898–1904 гг., главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии в 1904–1905 гг.,

- командир Гренадерского корпуса в 1915–1916 гг., туркестанский генерал-губернатор в 1916–1917 гг.
 9 РГАЛИ. Ф. 442. Оп. 1. Д. 15. Л. 57 об.
 10 Соколовский М. К. Николай Павлович Волынский (Некролог)//Журнал Императорского Русского военного-исторического общества. 1914. Кн. 1. С. 103–105.

Н. П. Волынский — княгине З. Н. Юсуповой¹

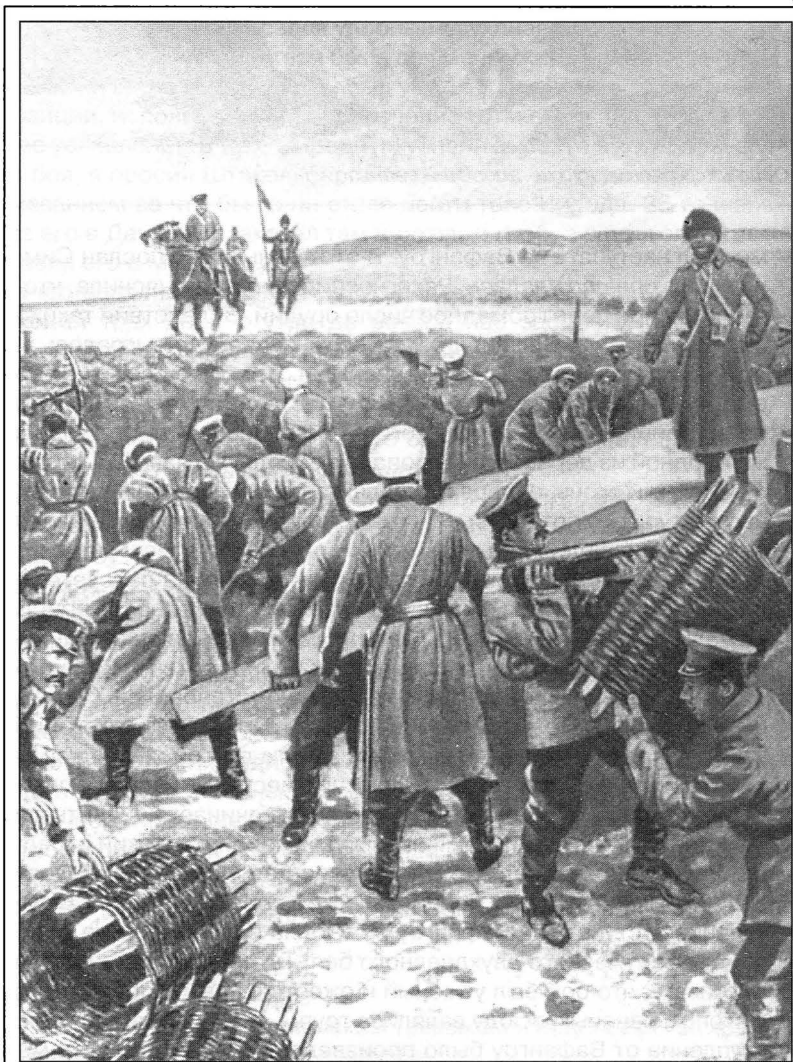
Главная квартира, деревня Чансямутунь. 10 ноября 1904 г.

Дорогая тетя Зинаида!

Я давно собирался писать тебе, но не знал, будут ли тебя интересовать мои письма. Получив твою телеграмму, в которой ты просишь меня писать тебе, я берусь за перо и, делая более интересные выборки из моего дневника, пишу тебе все пережитое мною во время девятимесячного похода.

Из моих телеграмм ты знаешь, что я был в Порт-Артуре и выбрался оттуда за два часа до окончательного закрытия железнодорожного движения. По прибытии в Мукден, наместник² командировал меня в распоряжение г[енерал]-л[ейтенанта] бар[она] Штакельберга³, т. е. в 1ый Сибирский армейский корпус. Просился туда я сам, так как этот корпус должен был оперировать в направлении Порт-Артура, судьба которого меня очень интересовала. Прибыв в середине мая к Штакельбергу, человеку весьма суровому и резкому, я был отправлен в передовой конный отряд г[енерал]-л[ейтенанта] Симонова⁴ (затем г[енерал]-м[айора] Самсонова⁵) и находился при 8-м Сибирском казачьем полку. Г[енерал]-л[ейтенант] Симонов отнесся ко мне весьма тепло и давал мне интересные поручения, давшие мне возможность побывать и на передовых позициях, и в тылу у неприятеля.

26-го мая началась для нас операция у Вафангоу, которая, к сожалению, была весьма несчастлива для нас и стоила нам до 3500 человек убитыми и ранеными (180 офицеров и 3345 рядовых). Задача конницы ген[ерала] Симонова состояла в том, чтобы непрерывно беспокоить японцев и заставить их этим наступать на укрепленную позицию у Вафангоу. Конница исполнила эту задачу блистательно. В продолжении 6 дней она успела настолько надоесть японцам, что 31-го мая неприятель густыми колонна-

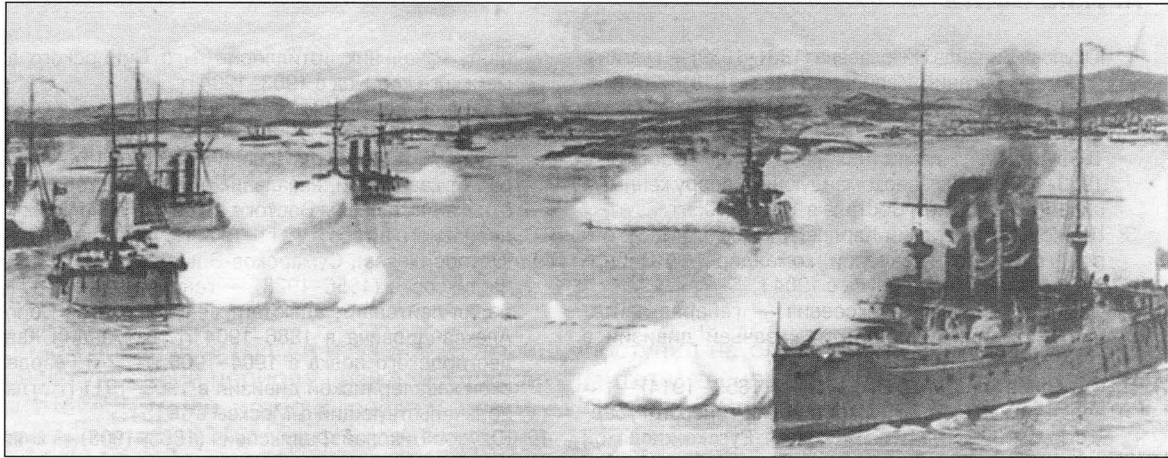
Укрепление Порт-Артура. 1904 г.

Одно из сражений Русско-японской войны.

ми стал наступать на Вафангоу. В этот день я был послан Симоновым на рекогносцировку, которая мне успешно удалась. Рекогносцировка моя выяснила, что японцы наступают тремя колоннами, имея при себе громадное число орудий. Вследствии таких известий, наш конный отряд отступил на ст[анцию] Вафандян, у которой к вечеру разыгралось кавалерийское дело, стоившее нам до 8 человек убитыми и до 40 ранеными. Это было для меня первым настоящим боевым крещением. 8-й Сибирский казачий полк, а вместе с ним и я, был послан занять несколько деревень впереди станции Вафандян для того, чтобы обеспечить отступление ночью конного отряда. Подъезжая к одной из деревень, мы попали в засаду. По нам был открыт в 600 шагах сильный пулеметный и ружейный огонь, а с правого фланга показалась большая кавалерийская колонна, заставившая нас отступить с потерями. Мы отступили на ст[анцию] Вафандян, где и провели всю ночь, но расседлавшая лошадей, без воды, пищи и крова. Уже шестой день лошади и люди голодали. Лошади питались травой, люди — сухарями. 1-го июня, на рассвете, неприятель был уже в двух верстах от Вафандяна. Как раз в это время бар[он] Штакельберг прислал приказание задержать возможно дольше неприятеля, чтобы дать возможность войскам занять приготовленные позиции. Делать было нечего. Наш отряд, состоящий из 13-ти сотен и 6 орудий построил боевой порядок и стал ожидать неприятеля. Но неприятель вдруг остановился. По-видимому его поразила стойкость нашей конницы, а может быть они боялись засады или какой-нибудь ловушки. Настал 6-й час утра. Вдруг раздался пушечный выстрел, за ним другой и вслед за тем на нас посыпался град шрапнелей и шимоз. Но мы стояли на прежних местах, ни одна сотня не дрогнула. Г[енерал]-л[ейтенант] Симонов, видя, что шрапнель неприятеля начинает наносить нам вред, приказал сотням отступить к дер[евне] Удзятунь. К 8-ми часам утра неприятельский отряд опять двинулся вперед и у дер[евни] Удзятунь разыгралось авангардное дело, стяжавшее славу наших сибирских казаков, атаковавших в конном строю неприятельские передовые цепи. В 10 ч[асов] у[тра] было получено приказание отступать на Вафангоу и стать на правом фланге боевого расположения. Я тебе не буду описывать ужасного двухдневного боя. Ты наверно довольно начиталась о нем. Единственно могу сказать, что бой был ужасный и ожесточенный с обеих сторон. Грохот орудий перемешивался с стоном раненых, всюду валялись трупы. Для непривычного человека картина была ужасная. Отступление от Вафангоу было произведено спокойно. Когда мы прибыли на ст[анцию] Ванзелин, еще более ужасная картина предстала перед нашими глазами: на платформе лежало 2000 раненых, стоны которых раздирали душу. И тут сказала русская беспечность. Перед глазами все

Морской бой. 1904 г.

мелькало как в калейдоскопе: в одном месте играла гармошка, в другом шел полк с музыкою, в третьем — отряд с песнями, тут хоронили убитых, там перевязывали раненых, здесь мирно беседовали офицеры, а где-то вдали слышались орудийные выстрелы. Отступая от Вафангоу, мы к 25-му июня дошли до ст[анции] Кайджоо. Здесь разыгрался упорный двухдневный бой, в котором был убит мой друг и товарищ гр[аф] А. А. Нирод. Эта потеря была для меня ужасна, так как все дни похода я жил с Ниродом и делился всеми впечатлениями. Он был убит как раз через десять минут после того, как я его покинул на позиции, исполняя какое-то поручение Штакельберга. Так как отступление от Кайджоо было заранее условлено, то тело Нирода не успели вывезти и положили его в какой-то деревне. По окончании боя, я просил Штакельберга дать мне сотню казаков, которых я разослал в разные концы с приказанием во что бы то ни стало найти тело Нирода. 26-го июня ночью тело было найдено и я отвез его в Дашичао, заказал там цинковый гроб, а затем сдал тело генералу Трепову, который и отправил его в Мукден.

10-го, 11-го и 12-го июля я участвовал в самом ужасном до сих пор артиллерийском бою у ст[анции] Дашичао. В продолжении трех дней с утра до вечера нас засыпали снарядами и я до сих пор удивляюсь, как это меня Бог спас. Штакельберг был контужен в голову. Г[енерал]-м[айор] Шишковский⁶ ранен в руку и много казаков нашего конвоя было убито и ранено. Один снаряд ударился в двух шагах от моего вестового, который держал моих лошадей, не причинив ему вред. У меня есть 5–6 осколков, которые легли у моих ног. 18-го был бой у Хайчена, весьма неоживленный⁷; после этого боя я был отозван наместником в Мукден.

В конце августа наместник переехал в Харбин. В Харбине я отлично отдохнул. Здесь мне пришлось исполнять поручение наместника и г[енерал]-л[ейтенанта] Жилинского⁸. Я развозил георгиевские кресты в лазареты Кр[асного] Креста и раздавал их по назначению. Кроме того, мне было поручено объехать некоторые лазареты и спрашивать еженедельно о нуждах раненых офицеров и нижн[их] чинов. Вообще, жизнь текла тихо и мирно. В конце сентября наместник выехал в Мукден, там ожидалась наступательные операции. Г[енерал]-л[ейтенант] Жилинский объезжал позиции. 28-го, 29-го и 30-го сентября мы участвовали в бою у Шахэ, где нам пришлось видеть много интересного. В середине октября наместник уехал в Петербург, а г[енерал]-л[ейтенант] Жилинский, относившийся всегда ко мне с отцовскою нежностью, решил устроить меня к г[енерал]-адъютанту Куропаткину, который и взял меня ради тебя своим адъютантом. Мне было очень тяжело расставаться с г[енерал]-л[ейтенантом] Жилинским, которого я искренно полюбил. Я редко видел более симпатичного и сердечного начальника. 7-го ноября я прибыл в квартиру Куропаткина и застал твою телеграмму, тронувшую меня до глубины души. Сердечно благодарю тебя за твою доброту и сердечные отношения ко мне и я безусловно постараюсь оправдать твоё доверие ко мне. Желаю тебе и дяде Феликсу⁹ всего всего хорошего. Целую твои руки и остаюсь любящим и искренно преданным тебе

Н. Волынский.

P. S. Прошу поцеловать от меня Николая¹⁰ и Феликса¹¹.

Подаренная дядей Феликсом шашка украсилась анненским темляком и подписью: «за храбрость». Кроме того я получил св. Станислава 2-й ст[епени] с мечами.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Юсупова Зинаида Николаевна (1861–1939) — княгиня.
- 2 Алексеев Евгений Иванович (1843–1918) — адмирал, генерал-адъютант, командующий войсками и главный начальник Квантунской области в 1899–1903 гг., наместник на Дальнем Востоке в 1903–1905 гг., главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке в 1904–1905 гг.
- 3 Штакельберг Георгий Карлович (1851–1913) — барон, генерал от кавалерии, командир 1-го Сибирского армейского корпуса в 1904 г.
- 4 Симонов Николай Алексеевич — генерал-лейтенант, командир Сибирской казачьей дивизии в 1904 г.
- 5 Самсонов Александр Васильевич (1859–1914) — генерал от кавалерии, туркестанский генерал-губернатор в 1909–1914 гг. Во время Русско-японской войны возглавлял Уссурийскую конную бригаду, затем Сибирскую казачью дивизию.
- 6 Шишковский Конрад Карлович — генерал-лейтенант, начальник артиллерии 1-го Сибирского армейского корпуса в 1903–1904 гг.
- 7 У Хайчена первоначально планировалось дать японцам генеральное сражение.
- 8 Жилинский Яков Григорьевич (1853–1918) — генерал от кавалерии, начальник полевого штаба наместника на Дальнем Востоке в 1904 г., начальник Генерального штаба в 1911–1914 гг.
- 9 Юсупов (князь), Сумароков-Эльстон (граф) Феликс Феликсович (1856–1928) — генерал-адъютант, генерал-лейтенант, адъютант великого князя Сергея Александровича в 1886–1904 гг., командир Кавалергардского полка в 1904–1908 гг., 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии в 1908–1911 гг., главноначальствующий г. Москвы в 1915 г.
- 10 Юсупов Николай Феликсович (1883–1908) — князь, сын З. Н. Юсуповой.
- 11 Юсупов Феликс Феликсович (1887–1967) — князь, сын З. Н. Юсуповой.

Публикация кандидата исторических наук **Владимира БУХЕРТА**

«Хотелось бежать назад без оглядки»

«Психическая» атака 2 февраля 1919 г.

За последние годы в изучении истории боевых действий периода Гражданской войны отечественной историографией достигнуты значительные успехи. Но до сих пор история Гражданской войны содержит немало вопросов, на которые даже специалисты не всегда могут дать ответ. Начиная с простого на первый взгляд вопроса о том, как именно проходили боевые действия в то время, какую роль играли в них технические средства воюющих сторон, какие чувства испытывали рядовые участники того или иного боя. То есть речь идет о своего рода микроистории с элементами военного и психологического анализа. Помочь исследователям ответить на этот вопрос могут прежде всего источники личного происхождения: письма, дневники и воспоминания.

Публикуемый впервые отрывок из воспоминаний поручика Л. Бобрикова достаточно ярко изображает одно из наиболее интересных явлений в тактике Гражданской войны — «психическую» атаку. И хотя существует точка зрения, что «психические» атаки — «миф, созданный спустя десятилетия по окончании войны»¹, на наш взгляд, это название как нельзя лучше характеризует тот феномен, который изображен в публикуемом документе. Сам же термин — «психическая» атака — можно трактовать очень широко, ведь такой характер приобретает любая атака, содержащая элементы психологического воздействия на противника².

Автор воспоминаний, поручик Бобриков, прошел нелегкий боевой путь. Участвовал в Первой мировой войне, сражаясь на Румынском фронте, затем, после развала армии, вернулся домой, под Казань. В 1918 г.

поступил на службу в Народную армию Комитета членов Учредительного собрания. Служил в Спасском конном отряде и в отдельном батальоне охраны Ставки. Летом — осенью 1919 г. в результате отступления Восточного фронта белых попал на территорию Уральского казачьего войска, откуда через Каспийское море перебрался на Кавказ. Служил в белых частях на Юге России и, как тысячи других офицеров, в 1920 году был вынужден покинуть Родину. Дневник с точным описанием боевых действий автору пришлось сжечь, чтобы развесть огонь, еще во время похода к уральцам. Так что ход событий для написания воспоминаний ему пришлось восстанавливать по памяти.

Воспоминания под названием «От Колчака к Деникину» представляют собой 11 школьных тетрадей в линейку, текст которых написан в Болгарии в 1927 году. Воспоминания были переданы в Прагу, в Русский Заграничный Исторический Архив. После Второй мировой войны они попали в Москву, где и хранятся до сих пор в собрании Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ).

В данном отрывке речь идет об атаке бывшего отдельного батальона охраны Ставки под командованием капитана Сереброва и сотни казаков на части красных 2 февраля 1919 г. под Амидбаево, в Башкирии. Вскоре после этого боя батальон был влит в состав 33-го Белорецкого горных стрелков полка и участвовал во взятии Стерлитамака (11 февраля 1919 г.), использовался как летучий отряд на наиболее тяжелых участках фронта.

Документ публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации.

Впервые нам пришлось столкнуться с красными у Амидбаево. Здесь произошел бой очень удачный для нас. Нам дали какую-то казачью батарею (2 пушки), и мы пошли в наступление. Мы пошли в лоб, а в обход левого фланга красных пустили сотню уральцев³. С трудом подвезли мы свои орудия и установили их на позицию. Солдаты наши вязли в снегу. Красные сделали себе окопчики из снега и ждали нас. Капитан Серебров отдал приказание не стрелять и идти молча, «ура» тоже не кричать. Мы двинулись вперед.

Красные тоже молчали. Здесь были их отборные и дисциплинированные части. Мы подошли уже на 1000 шагов — красные молчат...

Какая-то дрожь охватила меня. Долго ли будет продолжаться это молчание?..

Мы шли, взяв штыки наперевес. Приблизились на 800 шагов — красные молчали... Минута была жуткая: хотелось бежать назад без оглядки — так действовала эта убийственная тишина. В это время на санях по фронту проехал Серебров и говорил:

— Если красные начнут стрелять, Вы идите молча, как шли...

Некоторые наши солдаты стали отставать и пятиться назад, но капитан Серебров подъехал к одному и выстрелил в него из револьвера: пуля просвистела мимо его ушей, и тот вернулся в цепь. После этого случая никто не захотел более оставаться сзади цепи.

Если у нас были напряжены нервы до крайности, то и красные чувствовали себя очень скверно: я видел, как некоторые красноармейцы покидали окопы и уходили назад.

Когда между нами и красными оставалось не более 400 шагов, кто[-то] у них выстрелил (не выдержал!), и вслед за тем послышались выстрелы и затрещали пулеметы. Мы молча шли вперед. Через две минуты красные бежали. У нас были убитые и раненые (человека 3 или 4 убитых и около 20 человек раненых). Когда красные повернули спины, мы открыли по ним огонь и, закричав «ура», кинулись вперед. В это время конница наша успела обойти красных и зайти им в тыл. Они встретили отступающих красных ружейным огнем. Красные сдали Амидбаево⁴, потеряв два пулемета и человек 10 убитыми и около 100 человек убитыми и ранеными. С их стороны действовало человек 600. С нашей стороны — 500–550; у них артиллерии не было, у нас было две пушки, хотя они стреляли очень мало. Это было 2го февраля. День этот почему-то запомнился мне. В Амидбаево нас очень радушно встретили татары; гораздо радушнее, чем в первый раз. Говорят, что большевики издевались над ними и производили грабежи. В Амидбаево стояли мы два дня и затем пошли дальше. Две роты пошли на Белорецк, а две на Стерлитамак.

ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 253. Л. 33 об.–36. Подлинник. Чернила.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Петров А. А. Феномен «психических» атак//Сержант (Москва). 2001. № 1(18). С. 37. 2 «Психическая» атака//Военный энциклопедический словарь. М. 2002. С. 1256.	3 Скорее всего, это были не уральские, а оренбургские казаки, действовавшие на этом фронте. 4 В тексте ошибочно написано «Абидбаево».

Публикация **Андрея ГАНИНА**

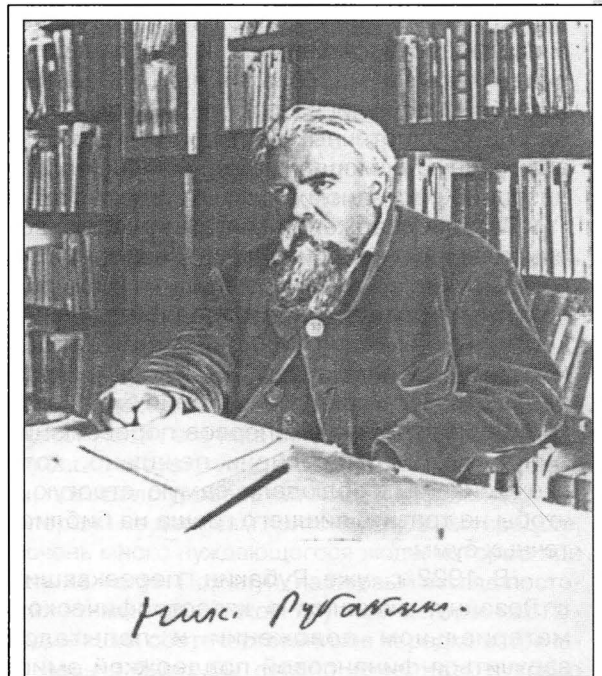

«Потребность в эмигрантских кругах в солидной русской библиотеке»

Переписка сотрудников Тургеневской библиотеки в Париже с Н. А. Рубакиным

Исследователи творческого наследия выдающегося русского библиографа, литератора и просветителя Н. А. Рубакина (1862–1946) не раз отмечали, что его неутомимое собирательство и систематизация книжных богатств, изучение и пропаганда массового чтения, после 1907 г. продолжавшиеся в Швейцарии, сопровождались тесным сотрудничеством со многими культурно-просветительными учреждениями как в России, так и по всей Европе¹. Однако длительная переписка Рубакина с Тургеневской библиотекой в Париже до сих пор оставалась вне поля зрения научной и широкой общественности. Между тем из нее можно почерпнуть немало интересных сведений по целому ряду вопросов, связанных с историей российской эмиграции начала прошлого века, а также с новыми примерами плодотворных межбиблиотечных и личностных контактов на уровне самоотверженного служения книге.

Большая часть сохранившейся переписки, которая продолжалась (с перерывами) почти четверть века, — оригинальные послания Рубакину из французской столицы. Они были написаны основными работниками русской библиотеки начиная с 1910 г., когда обновленный состав ее общественного правления (М. Еремин, Н. А. Золотарев, Н. А. Сазонов, Л. И. Шейнис и др.) предпринял весьма энергичные меры по изысканию дополнительных источников комплектования и финансирования. Принятый вскоре Устав Общества Тургеневской Библиотеки в Париже, третий с момента создания организации, подтвердил ее непартийность и общенациональный смысл деятельности². Одним из таких шагов и стало обращение к эмигрантскоотечественнику, недавно обосновавшемуся в маленьком швейцарском городке Кларан, за советом и столь необходимой помощью, учитывая его обширные связи «в литературном издательском мире».

Николай Рубакин.

Рубакин не замедлил с ответом. Его предложение об обмене книжными дубликатами с готовностью принимается правлением библиотеки, и начинается согласованный обмен десятками томов самой разнообразной тематики: художественная литература и публицистика, философия и история, искусствоведение, педагогика, психология, естественные науки. Круг авторов и названий книг, которые фигурировали в этой взаимной переписке, также чрезвычайно широк — от классических работ по каждому из указанных разделов до наиболее заметных современных сочинений русских, французских, немецких и других авторов (эти пространственные списки и денежные расчеты по ним не публикуются).

Помимо оговоренных заранее дубликатов Рубакин неоднократно посылал свои авторские работы в дар Тургеневской библиотеке, а ее сотрудники, в свою очередь, охотно откликались на конкретные запросы «последнего энциклопедиста», как называли Рубакина. В частности, его давно интересовали редкие нелегальные издания российских политэмигрантов, постоянно обращавшихся в рубакинскую библиотеку (как и в Тургеневскую).

Успешное сотрудничество двух известных европейских центров русской книги приостановила Первая мировая война. С огромным трудом преодолевались ими последствия социальных потрясений, хронического безденежья и людских потерь (трое из перечисленных выше членов правления русской библиотеки вступили добровольцами во французскую армию — Золотарев погиб в первые месяцы войны, а Сазонов и Шейнис вернулись к работе). В этот период оба библиотечных центра получали безвозмездную помощь от американской организации Христианский союз молодых людей (YMCA) для снабжения книгами русских военнопленных, находившихся в европейских государствах. «Мы посылали солдатам, главным образом, общеобразовательные книги, Рубакинские издания для народа и т. д., — вспоминала Л. В. Шейнис-Чехова. — ...Материальное положение библиотеки во время войны и в первое пореволюционное время было очень печально, хотя экономию мы соблюдали самую строгую... чтобы не тратить лишнего гроша из библиотечных сумм»³.

В 1922 г. уже Рубакин, переехавший в Лозанну, оказался в катастрофическом материальном положении и попытался заручиться финансовой поддержкой эмигрантской общественности Парижа через своего давнего знакомого и казначея библиотечного правления Д. А. Аитова⁴. Сочувственный, хотя и неутешительный ответ вызвал у Рубакина слова искренней благодарности, но письмо так и осталось в личном архиве: пришлось продолжить нелегкие для него переговоры с различными иностранными учреждениями и советскими представительскими за границей, чтобы любым способом спасти многотысячное собрание книг «для России и русского народа».

Лишь через три года, после обмена приветствиями по случаю юбилейных дат в истории Тургеневской библиотеки и в биографии Рубакина, книжный обмен между ними возобновился. А поскольку в очередной состав правления русской библиотеки в Па-

риже вошли хорошо известные Рубакину люди, в первую очередь историк и библиофил С. Г. Сватиков⁵, сугубо деловая переписка обрела вполне доверительный тон. Однако в начале 1930-х гг. она постепенно затухает и в итоге ограничивается короткими посланиями по поводу статистической отчетности о читательском спросе в Тургеневской библиотеке.

Можно предположить, что наступившее охлаждение многолетних взаимоотношений объяснялось несколькими причинами: новое руководство Тургеневской библиотеки не вполне разделяло строго научные воззрения и определенный педантизм Рубакина в библиотековедческих вопросах; не ослабевал его интерес к происходящему в СССР, откуда он стал регулярно получать книжные новинки, а с 1930 г. и персональную пенсию союзного значения для содержания и обслуживания своей непрерывно растущей библиотеки (принципиальным условием этой поддержки оставалось намерение владельца передать ее в распоряжение советского государства)⁶; развивалось сотрудничество Рубакина с другими организациями и учреждениями — эмигрантскими, иностранными, международными, — не говоря об оживленной частной переписке, также посвященной главному делу его жизни.

В дальнейшем судьбы двух уникальных зарубежных собраний русских книг сложились по-разному: Тургеневская библиотека в 1940 г. была захвачена гитлеровцами и вывезена из Парижа в неизвестном направлении, ее восстановление началось только в конце 50-х гг.; огромная библиотека Рубакина, согласно его завещанию, оказалась в Москве и составляет поныне отдельную коллекцию Российской государственной библиотеки (РГБ). Впервые публикуемые документы свидетельствуют, что много ценных томов этой коллекции поступило именно из Тургеневской библиотеки. А значит, обоюдные усилия настоящих подвижников библиотечного дела, объединенных вдали от родины общим пониманием национально-культурных задач и приоритетов, не пропали даром.

Наиболее значимая часть выявленной корреспонденции представлена в хронологическом порядке по материалам личного фонда Рубакина, размещенного в Отделе рукописей РГБ. Тексты воспроизводятся по нормам современной орфографии, с сохранением особенностей авторского стиля. Описки исправлены, в квадратных скобках помещены расшифровки сокращений и другие смысловые уточнения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См., напр.: Рубакин А. Н. Рубакин (Лоцман книжного моря). Изд. 2-е, доп. М. 1979; Хомякова И. Г. Теоретико-методологические проблемы библиографии в трудах Н. А. Рубакина. М. 1996.
- 2 Русская общественная библиотека имени И. С. Тургенева. Сотрудники — Друзья — Почитатели. Сб. ст. Париж. 1987. С. 28, 30 (ст. С. Г. Сватикова); Бойко Ю. Тургеневская библиотека в Париже в 1875–1914 годах//Русская мысль (Париж). 2000. № 4300. С. 18.
- 3 Русская общественная библиотека имени И. С. Тургенева. С. 48, 50.
- 4 Аитов Давид Александрович (1852–1933) — участник «хождения в народ», после трехлетнего заключения был признан виновным по «делу 193-х», в 1879 г. бежал из ссылки за границу. Жил в Париже, сотрудничал с французскими, а с начала XX в. и с российскими издательствами. Состоял в переписке с Рубакиным по издательским делам с 1908 г. В 1910–1917 г. был казначеем Парижского комитета помощи политкаторжанам в России, основанного В. Н. Фигнер. Потом работал в российском генконсульстве (при бывшем посольстве Временного правительства в Париже), оставаясь в правлении Тургеневской библиотеки.
- 5 Сватиков Сергей Григорьевич (1880–1942) — окончил университет в Гейдельберге, активный участник общественно-политической и культурной жизни России, с 1920 г. в эмиграции. См. о нем: Маркедоров С. М. С. Г. Сватиков — историк и общественный деятель. Ростов н/Д. 1999.
- 6 См.: «Передаёт в дар Советскому государству». Из истории библиотеки Н. А. Рубакина//Источник. 1998. № 2. С. 26–35.

№ 1

**Н. А. Сазонов — Н. А. Рубакину
[начало 1910 г.]**

Дорогой Гражданин! (не знаем, к сожалению, Вашего имени, отчества)

Настоящим нашим письмом мы обращаемся к Вам с нижеизложенной просьбой, касающейся нашей библиотеки, т. е. Русской библиотеки имени И. С. Тургенева, в Париже, о существовании которой Вам, вероятно, известно. Но прежде чем изложить сущность нашей просьбы, мы позволим себе вкратце ознакомить Вас с ее настоящим положением.

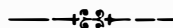
Дело в том, что в последнее время библиотека наша ведет, так сказать, полуголодное существование в том смысле, что спрос на всякого рода книги здесь в колонии с каждым годом все больше и больше возрастает, а мы, к сожалению, и десятой части его не в состоянии удовлетворить. Объясняется это тем, что эмиграционная волна, насколько это доступно нашему наблюдению, непрерывно здесь поднимается, что, с одной стороны, повысило уровень читающей публики, но что, с другой стороны, далеко не в соответственной пропорции не дает нам притока денежных средств, так как волна эта в своем течении занесла сюда очень много нуждающегося люда, которые при всем своем желании никакой поддержки нам оказать не могут. Пожалуй, на первый взгляд постороннему человеку может показаться несколько непонятным, что в таком крупном центре, как Париж, где такое множество русских, вообще, где среди наших соотечественников нередко встречаешь людей с весьма туго набитыми карманами, нельзя было бы сносно содержать русскую библиотеку! Но это кажущееся на первый взгляд загадочным станет ясным, если прибавить, что, говоря о русской колонии здесь, приходится иметь в виду не так называемых право-бережных «эмигрантов», постоянно закупоренных в своих хорамах, сквозь толстые стены которых и громы небесные, кажется, проникнуть не могут. Эта публика отстоит здесь от самой гущи русской колониальной жизни со всеми ее печальями и радостями на расстоянии пушечного выстрела, а пожалуй, — еще дальше. Так что библиотекой нашей они очень мало интересуются, да, кажется, и надобности никакой в ней не имеют. Здесь, конечно, не место останавливаться на более подробной характеристике, так как у нас в данном случае другая цель, но высказанное нами выше не является голословным суждением. Мы имели случай в этом убедиться, когда в октябре 1908 г. мы устроили литературный вечер по поводу 25-тилет[него] юбилея Тургенева¹, думая одновременно, конечно, собрать несколько денег в пользу библиотеки, но благодаря их сытому самодовольству, их тупому равнодушию ко всему тому, что не касается их личного благополучия, мы имели в результате очень чувствительный для нашей библиотеки дефицит; и это, конечно, не единственный случай; мы могли бы привести Вам много других, ярко рисующих их индифферентизм. Так что рассчитывать после этого на какую-либо с их стороны помощь не приходится. Главный же элемент, составляющий сердцевину русской колонии, который интересуется библиотекой и который имеет большую потребность в ней, как: учащаяся молодежь, рабочие, литературные труженики и проч[ие] вольные или невольные эмигранты, за исключением единиц, — живет при скромных средствах, и след[ственно], широкой помощи, такой, в которой нуждается библиотека, они оказать ей не в состоянии.

У С Т А В Ъ

Общества Тургеневской Библиотеки
въ Парижѣ.

*Утвержденъ въ новой редакціи
Общимъ Собраніемъ членовъ 23
апрѣля 1911 г.*

§ 1. Общество Тургеневской библиотеки имѣетъ цѣлью дать возможность проживающимъ въ Парижѣ русскимъ поддерживать духовное общеніе съ родиной и слѣдить за развитіемъ ея общественной жизни.

§ 2. Для этой цѣли основана Тургеневская библиотека, которая:

- а) ни въ какомъ случаѣ не можетъ перейти въ собственность частнаго лица или въ исключительное пользованіе отдѣльнаго кружка,
- б) въ случаѣ постановленія $\frac{2}{3}$ членовъ об-ва Тургеневской б-ки о ея закрытіи должна быть передана въ одну изъ русскихъ заграничныхъ библиотекъ, дѣйствующихъ на такихъ же, какъ и она, началахъ.

Первая страница Устава Общества Тургеневской библиотеки в Париже.

Год-два тому назад весьма доходную статью представляли из себя здесь разного рода лекции, рефераты, к которым часто прибегали разные существующие здесь организации, в том числе, конечно, и мы, чтоб поддерживать библиотеку, но в последнее время, по разным причинам, на которых здесь не место останавливаться, эти самые рефераты мало посещаются, и, следовательно, получаемые от них результаты весьма жалки; хорошо, когда расходы окупаются, а то еще похуже бывает.

Мы также обращались за помощью книгами в Россию к некоторым издателям, редакциям и проч.; мы с этой целью было поместили отдельно воззвание в газетах, но в результате всех этих

наших походов получился только один конфуз. Некоторые из тех, к которым мы обратились, ответили красноречивым молчанием, а некоторые ответили еще более красноречивым: «не можем». Одно издательство, правда, откликнулось и прислало нам несколько залежавших книг, так, по-видимому, чтоб, как говорят, отделаться, как обыкновенно отделяются от докучливого и назойливого просителя. Периодич[еские] издания нам приходится оплачивать почти все по полной стоимости, некоторые — по половинной стоимости, исключая журн[алы] «Русс[кое] Бог[атство]» и «Вест[ник] Евр[опы]», которые присылаются нам бесплатно в течение целого ряда лет².

Как видите, извне мы почти никакой помощи не имеем; приходится нам существовать только на те средства, какие нам удастся извлекать из самой библиотеки, т. е. на плату за чтение, которую мы взимаем с читателей. Это дает нам в учебное время года приблизительно до 100 фр. в мес[яц], а в летнее время — и половину того. Притом есть довольно много бесплатных читателей, которые не в состоянии платить³. На этом, конечно, не только что далеко не уедешь, но приходится топтаться на одном месте, ибо, если отсчитать стоимость квартиры, другие необходимые расходы и выписку периодич[еских] изданий, у нас остается самая малость, несколько десятков фр[анков] в месяц на пополнение библиот[еки] книгами, не говоря уже о том, что мы за отсутствием средств никаких коренных улучшений в библиотеке предпринять не можем. В данное время, напр., самой насущной потребностью является для нас перемена библиотеч[ной] квартиры⁴, так к[а]к настоящее наше помещение до того тесно, что, положительно, негде книгу положить. Но на это нужно несколько сот фран[ков], а их у нас нет.

Как видите, положение наше не из отрадных, но силы все-таки нас не совсем оставили; притом желание поставить на должную высоту библиотеку, унаследованную нашим поколением от великого ее основателя, И. С. Тургенева, оказывается сильнее всяких лежащих на пути к его осуществлению препятствий. По этому самому мы хотели бы испробовать еще один ход, а именно: мы в данное время думаем обратиться за матер[иальной] помощью к известной общественной деятельнице, Е. Н. Скаржинской, которая недавно в Лозанне устроила Народный Дом, санаторию для русских⁵. И Вы, вероятно, об этом знаете. Но не зная, как лучше подступить к этому, мы бы хотели Вас просить, не сумеете ли Вы оказать нам в этом Ваше личное содействие, или содействие Ваших знакомых, близко стоящих к ней, или указать нам верный путь, посредством которого мы могли бы добиться чего-либо, так к[а]к мы не думаем, чтоб обыкновенная наша письменная просьба к ней, без содействия более или менее влиятельных лиц, дала бы что-нибудь положительное в результате. В этом и состоит наша вышеупомянутая просьба к Вам, и мы будем Вам весьма признательны, если найдете для себя возможным что-либо сделать в этом направлении.

Не меньшим, конечно, благодеянием было бы для нашей библиотеки, если б Вы, благодаря Вашим связям в литературном издательском мире, могли бы вообще оказывать нам поддержку книгами и периодич[ескими] изданиями.

Надеемся, что Вы не посетуете на наше многословие и на то, что заняли Ваше внимание посторонним предметом.

В ожидании Вашего любезного ответа, свидетельствуем наше глубокое к Вам уважение.

За Правлен[ие] Русс[кой] Тург[еневской] Библиот[еки]

Секрет[арь]

Сазонов

адрес наш:

Paris, Bibliothèque russe de Tourgueneff
328, Rue St-Jacques, 328

ОРРГБ. Ф. 358 (Н. А. Рубакин). Карт. 207. Ед. хр. 58. Л. 31–32 об. Автограф.

№ 2

М. Еремин — Н. А. Рубакину

Paris, 10/III. — 910 г.

Многоуважаемый Н. А. Рубакин!

Согласно Вашему письму посылаю список дубликатов Тург[еневской] библ[иотеки]. Воспользуюсь случаем и скажу несколько слов о Тург[еневской] библ[иотеке]. К[а]к Вам д[олжно] б[ыть] известно, она включает в себе более 10.000 книг, имеет «Современник», «От[ечественные] Зап[иски]», «Дело», «Русск[ую] стар[ину]» и другие журналы; к ней присоединена библиотека бывшей «Высшей Русской школы социальных наук в Париже»⁶. Из этого можно заключить, что она является местом, где эмигрант может достать много русских книг.

Во время революции стоявшие во главе Тург[еневской] библ[иотеки] писатели разлетелись, и она за последние годы немного отстала, теперь же опять интерес, точнее, потребность в ней возродилась; она становится на твердую почву, много в ней работает Н. Золотарев (брат писателя)⁷, окончивший Моск[овский] универ[ситет], студенты-юристы; принимает участие д[октор] [Л. И.] Шейнис⁸, [М. Л.] Волонтер⁹ и другие.

Потребность в эмигрантских кругах в солидной русской библиотеке безусловно назрела, единолично русс[кий] эмигрант не может выписывать потребную ему русскую литературу, Тург[еневская] библ[иотека] к этому более приспособлена.

Я от лица Правления обращаюсь к Вам с просьбою помочь нам в этой задаче — расширения библ[иотеки] указанием, напр., лиц, которые могли бы быть полезны жертвованием денег, книг и т. д., напоминанием своим собрат[ьям]-писателям о присылке своих работ, подобно М. Горькому¹⁰, присылающему 2-ую корректуру многих книг, т[ак] ч[то] некоторые книги у нас поступают в оборот ранее, чем они являются на книжный рынок.

Благодарим Вас за желание выслать свои издания, не забудьте, пожалуйста, «Среди книг»¹¹. С почтением

М. Еремин

Там же. Л. 4–5. Автограф.

BIBLIOTHEQUE RUSSE
de TOURGUENEFF

9/IV.—910.

М[илостивый] Г[осударь]!

Ввиду предложения обмена местных библиотек с[оциал-]д[емократов], с[оциалистов-] р[еволюционеров] и частных лиц Правление обращается к Вам с просьбой сделать Тург[еневской] библ[иотеке] некоторую уступку, к[а]к учреждению, не имеющему свободных средств; пересылка тоже удорожает обмен¹².

С почтением
секр[етарь] библ[иотеки]

М. Еремин

Там же. Л. 6. Автограф.

№ 3

Н. А. Сазонов и Н. А. Золотарев — Н. А. Рубакину

BIBLIOTHEQUE RUSSE TOURGUENEFF
ТУРГЕНЕВСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА В ПАРИЖЕ
328, rue St-Jacques, 328

Paris, le 25/VI 1913.

Многоуважаемый Николай Александрович!

Правление Тургеневской Общественной Библиотеки приносит Вам глубокую благодарность за пожертвованные Вами книги: «Россия в цифрах» и «Письма к читателям»¹³.

Вместе с тем Правление уведомляет Вас о получении высланных Вами Библиотеке книг в обмен, согласно присланного Вами списка на сумму 62 руб. 55 коп. Разница в нашу пользу в 25 коп. получилась потому, что книгу [М. А.] Круковского «Южный Урал»¹⁴ Вы посчитали, как в переплете, по цене 2 р. 25 коп.; на самом же деле она стоит 2 рубля.

Правление позволяет себе еще раз просить Вас при высылке дубликатов прежде всего засчитывать за Библиотекой книги беллетристического содержания, как наиболее спрашиваемые, а не научные, как Вы сделали в настоящем случае*.

Правление просит также не отказать в высылке Вашего списка новых дубликатов. Правление, с[о] своей стороны, постарается выслать свой в ближайшем будущем.

* Абзац отчеркнут и помечено: ? неправда

Судя по Вашим запросам, Вы не прочь брать у нас и так называемые нелегальные издания. Таковых у нас очень много, поэтому и весьма затруднительно составить список. Почти наверное можно сказать, что есть дубликаты всех изданий соц[иал]-демокр[атической] партии (конечно, не 80-х гг.). Поэтому по отношению к нелегальной литературе не удобнее ли сделать так: Вы пришлете нам список тех брошюр или книг, которые Вы разыскиваете, а мы постараемся их подобрать.

С совершенным уважением
За Председателя Правления

Н. Сазонов

Секретарь

Н. Золотарев

Там же. Л. 24–24 об. Рукопись, автографы.

№ 4

**М. Л. Вельтман (Павлович) —
Н. А. Рубакину**

BIBLIOTHEQUE RUSSE TOURGUENEFF
ТУРГЕНЕВСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА В ПАРИЖЕ
328, rue St-Jacques, 328

Paris, le 3 Mai 1916.

Многоуважаемый Г-н Н. А. Рубакин.

Правление Тургеневской библиотеки очень просит Вас не отказать, если возможно, прислать 3-ий том Вашей работы «Среди книг».

Тургеневская библиотека лишена возможности выписывать книги, особенно в такое тяжелое время, и Ваша книга была бы для библиотеки незаменимым приобретением.

С искренним уважением

По поручению правления библиотеки

М. Вельтман (Павлович)

Там же. Л. 26. Автограф.

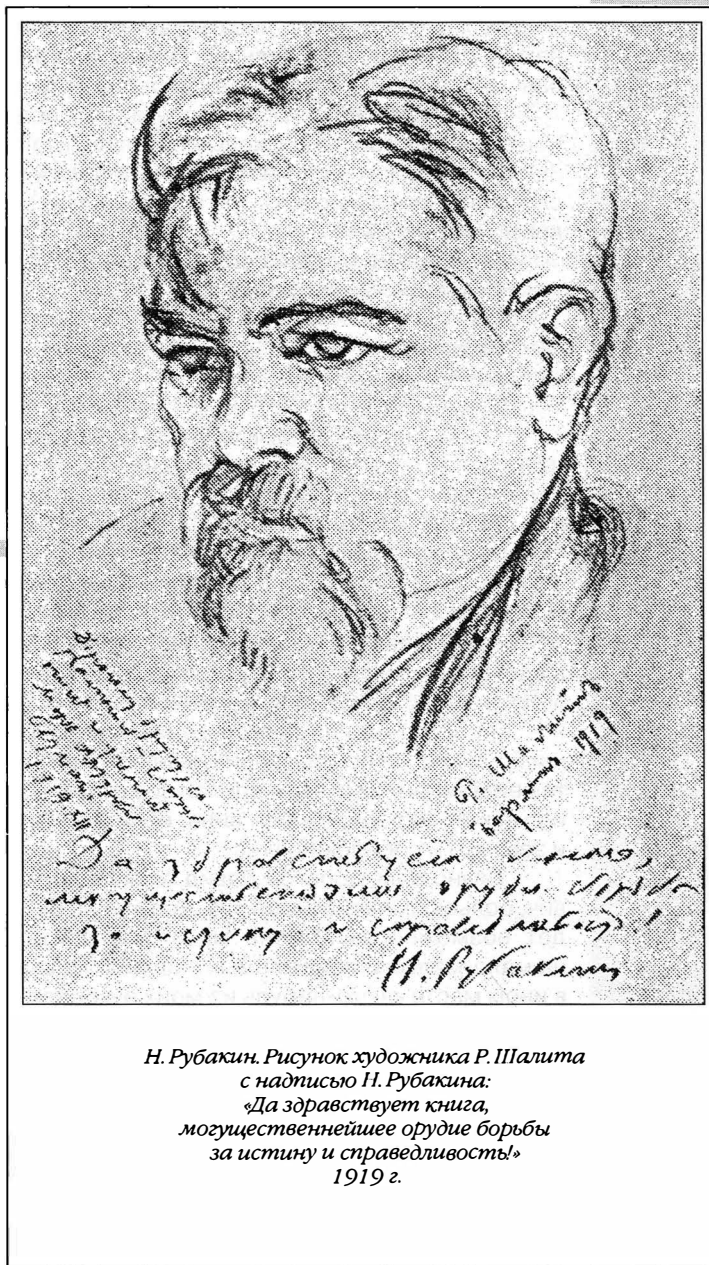
№ 5

Н. А. Рубакин — Д. А. Аитову

23. IX. 1922

Глубокоуважаемый Давид Александрович,

Считаю своим нравственным долгом сообщить Вам, а чрез Ваше посредство и Василию Алексеевичу Маклакову¹⁵, что моя библиотека, которую во что бы то ни стало надо сохранить для русского народа, находится на краю гибели. Произошло это потому, что с 1 января этого года я не имею никакого заработка, и вот уже несколько месяцев, как и моя семья и я бедствуем как никогда. Я не хочу, я не могу думать, чтобы в Вашем распоряжении не нашлось нескольких сот франков, чтобы на короткое время поддержать меня, старого работника народного просвещения, ныне буквально выбившегося из сил, — и поддержать до тех пор, пока я снова не найду заработка и пока не стану снова хранить мое книгохранилище (42.000 томов) для моей родины за мой счет.

Мне бесконечно тяжело писать Вам это письмо, но к этому меня приневольивает вид моих недоедающих детей и вид 5 больших комнат, наполненных редкими, драгоценными, тщательно подобранными книгами, которые могут быть проданы здесь на вес, — а их не найдешь и в России.

Я никогда и ни от кого не получал и не получаю пособия, но я должен теперь просить его, чрез Ваше посредство, на несколько месяцев (до января включительно) в размере, буде возможно, в 350 швейцарских франков в месяц, а пока у Вас будет решаться вопрос об этом пособии, прислать мне неотложно хоть 150 швейцар[ских] франков, чтобы мы все здесь (у меня семья из 6 человек) не голодали.

В ожидании скорейшего решения и ответа
Искренне уважающий Вас

Н. Рубакин

Лозанна
Les Mousquines, 38.

Там же. Карт. 165. Ед. хр. 6. Л. 9–9 об. Черновой автограф.

Лозанна, 5. XI. 1922*

Глубокоуважаемый Давид Александрович,

Вы душевно отнеслись к моему письму о положении моей библиотеки, не отмахнулись, а сделали, что могли¹⁶. Большое и самое горячее, товарищеское спасибо. Теперь достаточно выяснилось, что ни у кого из земляков, ни официальных, ни не-официальных, ни полу-официальных не нашлось на несколько месяцев субсидии для поддержки библиотеки. Ввиду того, что никто мне не помог, я принужден был начать переговоры о библиотеке с иностранцами. Будьте свидетелем того, что я сделал все от меня зависящее, чтобы сохранить библиотеку для России и русского народа. Не моя вина, если это не удалось. И пусть об этом факте знают и помнят все и земляки и *correligionnaires***.

Лично Вам, дорогой Давид Александрович, большое спасибо еще раз. Если у Вас будет возможность помочь мне пристроить на мало-мальски приемлемых условиях, для издания на французском языке у *Nachette*¹⁷ или где в ином месте какую-нибудь из моих рукописей (научные) о России¹⁸, не забудьте обо мне, безработном.

Искренне уважающий Вас
Н. Рубакин
<...>

* Рядом помечено: «Не отправлено».

** Здесь: коллеги, «единоверцы».

Там же. Л. 7. Машинопись, подпись — автограф.

№ 6
Н. А. Рубакин — С. А. Иванову¹⁹

Лозанна, 21 ноября 1925 г.

Глубокоуважаемый и Дорогой Сергей Андреевич,

Совершенно случайно я узнал, что Вы заведуете Тургеневской Библиотекой. Сегодня я послал ей мое телеграфное приветствие²⁰. Я очень рад был узнать, по старой и доброй памяти, что Вы по-прежнему и бодры и здоровы и работаете не покладая рук. Надеюсь, что все эти добрые слухи, до меня дошедшие, справедливы. Не так ли.

Не можете ли Вы сообщить мне адрес Веры Николаевны Фигнер²¹. Когда-то я обменивался дубликатами с Тургеневской Библиотекой. У меня накопилось много дубликатов, и этот обмен, если хотите, можно возобновить.

Шлю Вам мой душевный поклон и привет.

Там же. Карт. 167. Ед. хр. 3. Л. 10. Машинописный отпуск.

№ 7

С. Г. Сватиков — Н. А. Рубакину

Paris, 23. XI. 1925*

Глубокоуважаемый Николай Александрович.

Вот уже 4 года я состою ответственным по управлению библиотекой членом правления библиотеки имени Тургенева в Париже. С. А. Иванов, после трагической смерти д[окто]ра Шейниса, председательствует в правлении. Я извиняюсь пред Вами за дежурную библиотечаршу, вскрывшую письмо Ваше к С. А. (оно ему немедленно же переслано), но считаю долгом ответить по вопросу о дублетах.

Конечно, правление готово возобновить обмен. Не пришлете ли хотя бы часть списков по нелег[альным] пуб[ликациям] до 1917 г., по беллетр[истике], по ист[ории] и мемуарам. Или дезидерата**?! По этому вопросу пишите на мое имя или на библиотеку или прямо: М. Swatikoff, 88, В[oulevard] de Port Royal, Paris V.

* Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

** Желаемое, искомое (от фр. — desiderata).

Лично я прошу Вас сообщить, что у Вас есть за мою подписью (книги, отд[ельные]

оттиски статей), напр. «Общ[ественное] движ[ение] в России (1700–1895)», Ростов н/Д, 1905]; «Die Entwürfe der Aenderung der russ[ischen] Staatsverfassung», Heidelberg, 1904; «Секрет[ные] документы б[ывшего] Мин. Ин. Дел», Пгр., 1918, в[ыпуск] V–й, изд. «Наркомата Ин. Дел», «Весьма секрет[ный] доклад ком[иссара] Вр[еменного] пр[авительства] заграницей С. Г. Сватикова Вр[еменному] Пр[авительству]; «Всеросс[ийское] Учр[едительное] Собр[ание]», Пгр., «Книга», 1917; «Русс[кий] пол[итический] сыск заграницей», Ростов н/Д, 1918.

Пока посылаю Вам отд[ельный] оттиск своей ст[атьи] «Дон[ской] Войск[овой] Круг» из № 1 «Дон[ской] Летописи» [Вена, 1923].

В ожидании ответа, желаю Вам всего хорошего

С. Сватиков

Р. S. Библиотеке очень нужен т. III-й Вашего указателя.

Там же. Карт. 273. Ед. хр. 24. Л. 27–27 об. Автограф.

№ 8

Н. А. Рубакин — С. Г. Сватикову

Лозанна, 27 ноября 1925 г.

Глубокоуважаемый Сергей Григорьевич,

Большое спасибо за Вашу интересную статью и за скорый ответ на мое письмо к С. А. Иванову. Кроме «Общественного Движения» у меня нет ни одной из Ваших работ, которые Вы перечисляете. Я буду Вам премного благодарен за их присылку. Ныне я веду переговоры о 3-ем издании «Среди Книг», где, разумеется, я не упущу случая дать отчет о всех Ваших работах.

У меня не имеется ни одного экземпляра 3-го тома «Среди Книг». Все издание давно разошлось. Последняя часть 3-го тома не вышла из-за войны.

Я буду Вам очень признателен за присылку списка имеющихся у Вас дубликатов, если можно с указанием их цен. Не замедлю прислать тогда и наш список дубликатов.

Дошла ли до Вашей библиотеки моя поздравительная телеграмма.

Там же. Карт. 184. Ед. хр. 20. Л. 3. Машинописный отпуск.

№ 9

Н. А. Рубакин — председателю правления Тургеневской библиотеки

Лозанна, 2. V. 1926.

Глубокоуважаемый Гражданин,

Позвольте, чрез Ваше посредство, выразить Правлению Тургеневской Общественной Биб-

лиотеки мою искреннейшую признательность за приветствие в день сорокалетия моей литературной, общественной и научной работы²². Кажется, уже проходят те времена, когда для библиотекарей книги и так называемое «содержание» книги, всеми всегда понимаемое и воспринимаемое более или менее по-разному всеми читателями, в зависимости от психического и социального типа каждого из них и от разных условий места и времени, считались в с е м, а читатель и психология читателя, эта таинственная лаборатория, в которой невидимо кристаллизуется общественное мнение, — считались н и ч е м. Библиотекарь, визирующий психологию читателя и фехтующий всякою книгой в соответствии с личными и общественными особенностями этого последнего, все более и более становится величайшей силой, — одним из могущественнейших факторов, работающих над формированием общественного мнения. Хорошие книги только тогда не действительны, когда они в неподходящих руках, т. е. попали не по тому адресу, по какому должны бы быть посланы. Но ведь библиотекарь может посылать их и по подходящим и верным адресам: тогда-то он и увидит настоящую действительную силу книги, возбуждающей в психике читателя напряженнейшую работу чувства, мысли и активных стремлений.

Книга — страшная сила. Библиотекарь, осознавший основные принципы психологии книжного влияния — тоже величайшая сила²³.

Шлю самый горячий привет Вам, работникам одинаково дорогого для нас всех книжного дела. С уважением

Там же. Карт. 167. Ед. хр. 3. Л. 11–11 об. Машинописный отпуск.

№ 10

С. Г. Сватиков — Н. А. Рубакину

Paris, 22. XI. 28*

Многоуважаемый Николай Александрович.

Тург[еневская] библиотека получила Ваш дар и благодарит Вас.

А я был бы Вам бесконечно признателен, если бы Вы прислали и мой лично 1 экз[емпляр] этой библиограф[ической] брошюры²⁴.

Искренно преданный

С. Сватиков

* Датируется по почтовому штемпелю.

Там же. Карт. 273. Ед. хр. 24. Л. 6. Автограф.

12. IX. 29

Глубокоуважаемый Николай Александрович.

Спешу еще раз поблагодарить Вас за любезное разрешение поработать в Вашей библи[отеке], несмотря на каникул[ярное] время²⁵.

Список Ваших дублетов проверен Т[ургеневской] Библ[иоте]кой, переписывается и будет Вам (вместе с Вашим оригиналом) выслан послезавтра — список того, что мы желали бы получить от Вас. Было бы весьма желательно получить от Вас (хотя бы и не на машинке) список Ваших desiderata, уже Вами составленный, дабы мы могли начать фактический подбор и высылку Вам первых обменных книг. Вопросы, поставленные Вами, будут разрешены по съезде правл[ения]. Все еще на отдыхе. Обмен же может делаться без замедления.

Искренний привет доброй М[арии] А[ртуровне]²⁶.

Ваш

С. Сватиков

Там же. Л. 14–14 об. Автограф.

Париж, 24 окт. 1929

Глубокоуважаемый Николай Александрович.

Тургенев[ская] Библиотека имеет честь препроводить Вам при сем:

1) Список Ваших книг, ей желательных (на Шв. фр. 129.25) + 4.00 за «Россию»²⁷.

2) Список своих книг в оценке книжн[ой] комиссии тоже в швейцар[ских] франках. Часть их значится в списке Ваших desiderata, а часть мы предлагаем сами. Вы можете по нашему списку набрать книг на 133.25 шв. фр. (сто тридцать три).

Все Ваши произведения, какие мы нашли и еще найдем, пошлем Вам в дар. Книги нам можете высылать одновременно с получением сего. Книги Вам будут также высланы тотчас по получении Вашего списка.

По поручению правления

С. Сватиков

Там же. Л. 12. Автограф.

№ 11

Н. А. Рубакин — Н. Н. Кноррингу²⁸

2. II. 1934

Милостивый Государь,

Благодарим Вас за присылку тех №№ «Посл[едних] Новостей», в каких напечатаны отчеты Вашей библиотеки²⁹. К сожалению, нам их недостаточно. Поэтому позвольте воспользоваться Вашим любезным предложением и просить Вас о присылке рукописных, более подробных отчетов, которые будут Вам возвращены в полной сохранности и в указанный Вами срок.

Заранее благодарим.

III тома «Среди Книг» у нас не имеется. Он давно стал библиографической редкостью, как и первые два тома.

Примите уверение в моем совершенном почтении.

Там же. Карт. 167. Ед. хр. 3. Л. 15. Машинописный отпуск.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Имеется в виду 25-летняя годовщина со дня смерти И. С. Тургенева (3 сентября 1883 г., Буживаль). В 1875 г. он горячо поддержал идею создания в Париже русской библиотеки: по его инициативе и при активнейшем участии в доме семейства Виардо с успехом прошли первые благотворительные концерты в пользу «русской читальни для неимущих студентов» (февраль и май), которые стали доброй традицией «русского Парижа».
- 2 Первым дарить новой библиотеке свои книги, подписываться в ее пользу на журналы и газеты стал И. С. Тургенев. Делая это неоднократно, он призывал к тому же знакомых литераторов, в том числе М. М. Стасюлевича — издателя «Вестника Европы» на протяжении сорока лет.
- 3 Плата за чтение составляла 2 франка в месяц, но по Уставу Общества Тургеневской библиотеки в Париже его членами могли становиться и бесплатные подписчики — постоянные читатели. Кроме того, предусматривалось почетное членство в Обществе за «особо значительные услуги» библиотеке.
- 4 Тургеневская библиотека много раз меняла место-

расположение, оставаясь в районе Латинского квартала, где селились ее основные посетители. С 1900 г. она размещалась в маленькой квартирке политэмигранта П. Л. Лаврова на ул. Сен-Жак, затем в квартире побольше того же дома. Только в 1913 г. состоялся очередной переезд на соседнюю улицу Валь-де-Грас, где библиотека находилась до конца 30-х гг.

- 5 Скаржинская Екатерина Николаевна — полтавская помещица-филантропка, основательница Лубенского музея, ремесленных мастерских, тюремной школы, Народного дома и больницы при нем (Народными домами называли в России общедоступные клубы, создававшиеся городскими думами, земствами или частными лицами с культурно-просветительными целями). Обосновавшись в Швейцарии, не переставала всячески опекать малоимущих эмигрантов, способствовала изданию еженедельной газеты «Парижский листок» (март — сентябрь 1910 г.) и реализации других начинаний эмигрантской общественности, однако сведений о ее помощи Тургеневской библиотеке не обнаружено. Зато

- известно, что библиотеку открытого ею Народного дома в Лозанне помог организовать именно Рубакин, а члены его семьи часто выступали на проводимых там музыкальных вечерах. Более того, в октябре 1909 г. Рубакин заключил со Скаржинской соглашение о передаче в пользу ее общественных и благотворительных учреждений доходов от некоторых своих изданий в России при условии выплаты ему ежемесячных гонораров и так объяснил это решение: «Вступая в соглашение с Вами, с одной стороны, я имею возможность несколько повысить свой авторский гонорар, а с другой стороны, прибыль на затраченный на издание книги капитал поступит не в карман издательской фирмы, а на то хорошее дело, которым заняты Вы» (Там же. Карт. 184. Ед. хр. 37. Л. 1–3). В одном из многочисленных писем Рубакину (за 1909–1915 гг.) Скаржинская писала о себе: «Это не доброта, Николай Александрович, — ничего не поделаешь... Это любовь. Я людей люблю... людей жалко за их страдания...» (Там же. Карт. 274. Ед. хр. 68. Л. 59.)
- 6 Русская школа общественных наук была основана видными представителями либеральной российской профессуры (М. М. Ковалевским, Ю. С. Гамбаровым и др.) в 1901 г. Сотни ее слушателей специально приезжали из России во Францию, где имели возможность познакомиться с современными достижениями европейской науки из уст ее лучших представителей — их труды и составили костяк основанной при школе библиотеки. В начале 1906 г. школа прекратила свое существование.
  - 7 Очевидно, упомянут Леонид Алексеевич Золотарев, автор научно-популярных книг и брошюр о проблемах семьи и воспитания детей.
  - 8 Шейнис Лев Исаевич (1871–1924) — выпускник медицинского факультета в Монпелье, читал лекции в Русской школе общественных наук в Париже, много лет председательствовал в правлении Тургеневской библиотеки. Участник Первой мировой войны, в составе французской военной миссии находился в революционном Петрограде, вернулся в Париж.
  - 9 Волонтер (псевд.), Вельтман-Павлович Михаил Лазаревич (1871–1927) — журналист, ученый, политический деятель. Член РСДРП с 1898 г., эмигрировал, с 1903 г. меньшевик, сотрудник «Искры». Как и другие политэмигранты, дарил Рубакину свои опубликованные труды. В 1918 г. вступил в РКП(б), член делегации на советско-германских переговорах о мире в Бресте, затем член коллегии Наркомнаца, преподаватель Академии Генштаба, ректор Московского института востоковедения.
  - 10 Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) (1868–1936) — писатель, драматург, публицист, общественный деятель. В 1905 г. принимал активное участие в революционных событиях, вступил в РСДРП(б), эмигрировал, поселился на о. Капри (Италия), сотрудничал со многими социал-демократами. В 1913 г. вернулся в Россию, критически встретил октябрьский переворот, остро полемизировал с большевиками в цикле статей «Несвоевременные мысли» (1917–1918 гг.), с 1921 по 1931 г. проживал за границей, вернулся в СССР.
  - 11 «Среди книг» — основной библиографический труд Рубакина, впервые издан в Санкт-Петербурге (1906), значительно дополненный и переработанный указатель публиковался в 1911–1915 гг. (т. 1–3), пользовался громадным спросом среди книговедов, библиотечных работников и рядовых читателей. До конца жизни Рубакин продолжал ра-
- боту над третьим изданием, но замысел не осуществился.
- 12 В одном из последующих писем Еремин пояснял: «Мы купимся вследствие ограниченных средств библиотеки; ее помещение мало, нет полного Байрона, Шекспира, Шиллера, одна книга Потапенко...» (Там же. Л. 12 об.) Еще через месяц, 25 мая 1910 г., он же известил Рубакина: «Вчера получили от Вас ящик книг... За присланные Вами народные издания своих трудов Правление приносит свою благодарность». (Там же. Л. 1.)
  - 13 См.: Рубакин Н.А. Россия в цифрах. Страна. — Народ. — Словоя. — Классы. СПб. 1912; Он же. Письма к читателям о самообразовании. СПб. 1913.
  - 14 См.: Круковский М. А. Южный Урал. Путевые очерки. М. 1909.
  - 15 Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) — юрист, политический деятель, член ЦК партии кадетов. С октября 1917 г. посол Временного правительства в Париже, но в связи с октябрьским переворотом оставался неаккредитован, хотя исполнял свои обязанности вплоть до дипломатического признания Францией СССР (октябрь 1924 г.), после чего возглавлял Эмигрантский комитет и Центральный офис по делам русских беженцев во Франции. В годы Второй мировой войны занимал патриотическую позицию. Автор нескольких книг воспоминаний.
  - 16 В ответном письме Аитов сообщил, что поступаемые в генконсульство из российского посольства средства «для выдачи пособий неимущим русским, живущим в нашем консульском округе... безработным, больным и т. д. в крайне умеренном размере, должны скоро прекратиться» и что «о посылке чего-либо в Швейцарию из этого фонда нечего и говорить, потому что это было бы буквально каплей в море». К письму прилагалось уведомление секретаря посольства о решении Маклакова в связи с ходатайством Рубакина, где говорилось: «К сожалению, по содержанию его (ходатайства. — Ю. Б.) Посол не признает возможным предпринять что бы то ни было за неимением соответствующих кредитов». (Там же. Карт. 198. Ед. хр. 42. Л. 6, 7.) Еще раньше аналогичный ответ был получен Рубакиным из Парижа от Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей.
  - 17 «Nachette» — очень известная во Франции издательская фирма, с которой давно сотрудничал Аитов.
  - 18 В заключение Рубакин приводил список своих статей, публиковавшихся в европейской прессе начиная с 1917 г.
  - 19 Иванов Сергей Андреевич (1858–1927) — революционер-народоведец, в 1887 г. приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. До октября 1905 г. содержался в Шлиссельбургской крепости, затем был подчинен негласному надзору полиции. Примкнул к эсерам, в 1910 г. выехал за границу для лечения. Участвовал в работе Парижского комитета помощи политкаторжанам в России, входил в правление Тургеневской библиотеки. «Жизнь С. А. Иванова — увлекательный роман с приключениями... В наших эмигрантских предприятиях он принимал на себя, не считаясь со своими правами, самую неблагодарную работу и исполнял ее со свойственной ему редкой добросовестностью» (Алданов М. Памяти С. А. Иванова//Современные записки. 1927. Кн. XXXI. С. 387, 389).
  - 20 Полувековой юбилей Тургеневской библиотеки был отмечен торжественным заседанием в Сорбонне 21 ноября 1925 г. Председательствовал профессор

- Э. Оман, выступали П. Н. Милуков, С. Г. Сватиков, М. Н. Муромцева, А. Виардо-Гарсиа и др.
- 21 Фигнер Вера Николаевна (1852–1942) — училась в университетах Цюриха и Берна, вернувшись в Россию, посвятила себя революционной деятельности, один из лидеров партии «Народная воля». После замены смертного приговора бессрочной каторгой 20 лет провела в одиночном заключении (до сентября 1904 г.), потом в ссылке. С 1906 по 1915 г. в эмиграции, организовала международную кампанию в защиту политзаключенных в России. Живя в Швейцарии, близко общалась с Рубакиным и его семьей. После возвращения на родину занималась литературным трудом, автор широко известных в СССР воспоминаний.
- 22 Началом своей литературной деятельности Рубакин считал публикацию первой научно-популярной книги «для народа» (1886), хотя печатался еще подростком, одновременно помогая матери, которая в 1875 г. открыла в Санкт-Петербурге частную библиотеку. Очевидно, вторая дата и была взята «русскими парижанами» за точку отсчета его библиотечной и общественной работы.
- 23 Здесь Рубакин емко и выразительно изложил суть своей научной теории, названной «библиологическая психология» — ей он посвятил большое количество специальных работ, изданных в СССР и за границей.
- 24 Речь идет о брошюре «Критическая библиография. Очерк газетной и журнальной библиографии» (М. 1928) известного книговеда Н. М. Сомова. Рубакин состоял с ним в переписке, и вскоре Сватиков поблагодарил Рубакина за эту брошюру. (Там же. Л. 7.) Несомненно, она представляла для него и профессиональный, и библиофильский интерес:
- по словам Шейнис-Чеховой, с приходом в Тургеневскую библиотеку Сватиков «обратил на себя наше внимание поразительным знанием книг, в особенности по истории и общественным наукам... давал нам не раз полезные советы при составлении каталогов и инвентарей...» (Русская общественная библиотека имени И. С. Тургенева. С. 59, 60.)
- 25 В августе 1929 г. Сватиков обратился с такой просьбой и побывал в Лозанне.
- 26 Бетман Мария Артуровна — много лет была секретарем Рубакина. «Она преданно и добросовестно служила отцу, оказывая ему не только житейскую, но и рабочую помощь в библиотеке, подборе и классификации материала и т. д.» (Рубакин А. Н. Указ. соч. С. 189).
- 27 Неясно, какая из работ Рубакина имеется в виду: «Россия в цифрах» — издания 1907 и 1912 гг. (разного содержания), «La Russie qui s'en va et la Russie qui vient» (Lausanne. 1916) или другие.
- 28 Кнорринг Николай Николаевич (1880–1967) — историк, журналист, общественный деятель. В эмиграции с 1920 г., более десяти лет работал в правлении Тургеневской библиотеки, стал свидетелем ее варварского разграбления в 1940 г. После Второй мировой войны вернулся на родину, опубликовал одну из первых в советской печати статей о русской библиотеке в Париже (см.: Простор. 1961. № 8).
- 29 Речь идет о шести отчетах Кнорринга, опубликованных в 1931–1933 гг. под одинаковыми заголовками «Что читают в эмиграции (цифры Тургеневской библиотеки)». Эти вырезки из газеты «Последние новости» (№ 3690, 3828, 4229, 4264, 4369, 4523) с пометами Рубакина сохранились в его архиве.

«Ее пение много раз слышал Александр Сергеевич Пушкин»

Рассказы «бабушки-графини»

В Государственном историческом музее среди огромного количества мемуарных источников по истории России хранятся воспоминания Евдокии Константиновны Дмитриевой (1872–1958). Читателям «Источника» это имя уже знакомо: в первом номере журнала за этот год опубликованы ее воспоминания о московском Рукавишниковском исправительном приюте для малолетних преступников, первом в нашей стране. Подробные сведения о мемуаристке и членах ее семьи имеются в предисловии и примечаниях к этой публикации. Здесь, пожалуй, следует отметить, что Е. К. Дмитриева — дочь московского городского головы К. В. Рукавишникова и внучка крупнейших предпринимателей, финансистов и меценатов Мамонтовых — начала писать свои мемуары в конце 1940-х годов. В настоящее время они хранятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) и Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) в виде машинописных экземпляров рукописи, собственноручно заверенных мемуаристкой.

Часть воспоминаний Е. К. Дмитриевой, которая относится к одной из знакомых А. С. Пушкина, графине Е. П. Риччи, была напечатана в 1950 г. в восьмом томе сборника материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли

XIX века «Звенья». Надо, однако, заметить, что в настоящее время этот сборник стал редкостью и поиски его даже в крупнейших библиотеках страны далеко не сразу увенчались успехом. Из хранилища РГБ он много лет не выдается читателям в связи с капитальным ремонтом. В единственном экземпляре восьмого тома «Звеньев», имеющемся в Пушкинской библиотеке, чья-то недобрая рука вырезала именно те страницы (с. 787–794), на которых были помещены «Мои воспоминания» Е. К. Дмитриевой. Лишь в Государственной публичной исторической библиотеке удалось отыскать нужный том и сверить наконец текст публикации с подлинником.

При сопоставлении этих текстов выяснилось, что в ходе подготовки публикации в «Звеньях» воспоминания Дмитриевой подверглись серьезной редакторской правке и были сокращены на треть. Часть текста передана в пересказе редактора, часть вовсе выброшена по идеологическим соображениям того времени. К тому же отсутствуют какие бы то ни было пояснения к тексту и сведения об авторе.

Предлагаемый вниманию наших читателей текст воспоминаний Е. К. Дмитриевой о графине Е. П. Риччи здесь впервые публикуется полностью и без изменений по рукописи, хранящейся в ОПИ ГИМ.

Е. К. Дмитриева

Воспоминания

В «Вечерней Москве» от 2 авг. 1945 г. (№ 180) была напечатана статья проф. Торопова¹ под заглавием «Дом на Никитском бульваре».

Статья эта касалась наружного вида дома и его внутренней роскоши, и только вскользь упоминалось об его обитателях, а между тем в доме этом жила великолепная певица, историческая личность, единственная дочь Петра Михайловича и Евдокии Семеновны Луниных и двоюродная сестра декабриста Михаила Сергеевича Лунина².

Обладая великолепным голосом, она не захотела ограничиться такими уроками пения, какие тогда получали девицы высшего общества, почему и отправилась с матерью своей в Италию, где в городе Болонье блестяще окончила Филармоническую Академию. Сохранился ее диплом названной Академии (от 1809 г.), по которому видно, что она удостоена звания первоклассной певицы и высшей награды того времени — лаврового венка.

Вернувшись в Россию, она удивляла и восхищала всех в Москве и Петербурге не только своим прекрасным голосом, но и мастерским владением им. Ее пение много раз слышал Александр Сергеевич Пушкин, так как был знаком с семьей Луниных.

В одну из последних своих поездок за границу Екатерина Петровна Лунина познакомилась с графом Риччи³, с таким же прекрасным певцом, как она, вышла за него замуж и привезла его в Россию. Вместе они замечательно исполняли дуэты из опер Глюка и других композиторов того времени, чем приводили всех в восхищение.

Как сказано в статье проф. Торопова, «в дни Луниных концертов проезды Никитского бульвара заполнялись вереницей экипажей», — то же говорится и в «Русском Архиве» про такие же «вереницы экипажей» на Мойке, когда в Петербурге бывали концерты четы гр. Риччи.

Жили они открыто, много принимали у себя в «доме на Никитском бульваре» не только всей многочисленной родни и знакомых, но и всех выдающихся людей, талантов, писателей и ученых того времени. Знакомство с Пушкиным дало возможность Риччи переводить его произведения на итальянский язык.

Такая жизнь длилась недолго, приблизительно с 1820 года (свадьба Екатерины Петровны) до 1828 года, когда граф Риччи вернулся в Италию, покинув жену свою Екатерину Петровну. Вскоре уехала из России и княгиня Зинаида Александровна Волконская⁴, известная своим положением в высшем обществе и бывшая очень близка с Екатериной Петровной, — в Россию она и не вернулась, умерла в Италии, где после нее, как слышно, остался ценный архив. Граф Риччи продолжал переводить Пушкина, имел с ним переписку. Екатерина Петровна, как надо полагать, не пала духом после отъезда мужа, она продолжала петь и восхищать всех своим голосом.

Вообще она была очень одарена музыкально: играла на арфе, на клавесине и композиторствовала. Ездил она и за границу, имела салон в Париже, где принимала русских и иностранных выдающихся людей.

Мать Екатерины Петровны, Евдокия Семеновна Лунина, после смерти своего мужа (1820 г.) продолжала жить со своей дочерью в Петербурге и в Москве. Она увидела, что такой дом, как «на Никитском бульваре», содержать очень трудно, старалась продать его, что тоже оказалось не легко. Потому она решилась переехать к родственникам своим Прозоровским-Голицыным в имение их близ села «Раменское», недалеко от Москвы⁵. Евдокия Семеновна умерла в 1847 г. 87 лет; незадолго до своей смерти она писала кому-то из родных, что, наконец, удалось продать «дом на Никитском бульваре» банку⁶.

Екатерина Петровна более проживала тогда в Петербурге; в бытность свою там она взяла на воспитание совсем маленькую девочку Лизу (дочь двоюродного своего брата Павла Александровича Нащокина⁷, с которым была очень дружна), воспитала ее и любила, как родную. Девочка получила хорошее образование, знала языки, музыку, литературу, собирала большую библиотеку, была молоденькая, веселая, интересная.

Когда в Раменское переехала и Екатерина Петровна, еще при жизни своей матери, ей сопутствовала компаньонка ее, прелестная женщина Евдокия Михайловна Смольянинова, помогавшая ей в воспитании приемной дочки; она осталась большим другом семьи, близкие ласково называли ее «Додоша».

Также переехало несколько преданных слуг, не оставивших их. Жили они в отдельном доме. В Екатеринин день 24 ноября — именины Екатерины Петровны — наезжало много родных, друзей и знакомых (семья Акуловых, Нащокиных и др.).

В то же время тут же, на фабрике Раменской мануфактуры, которую Прозоровские-Голицыны продали в свое время некоему Павлу Семеновичу Малютину (наследниками которого явились его три сына — братья Малютины), появился молодой технолог Федор Михайлович Дмитриев⁸, только что окончивший с золотой медалью Технологический институт в Петербурге. Он приехал «на практику», как тогда полагалось, и сразу показал не только свои выдающиеся способности и знание по «волоконистым веществам», но и в особенности чуткое отношение к рабочим. Хозяева поняли, что это необыкновенно ценный человек, и быстро продвинули его по работам на фабрике вплоть до директора ее. До него были по большей части мастера из Англии, почти без всякого образования, приезжавшие в Россию, как бы на заработок⁹. В то же время Федор Михайлович вскоре получил кафедру в Высшем Техническом училище в Москве, куда ездил читать лекции из Раменского. Он продолжал и свои ученые труды. Таким образом он первый сочетал в своей работе науку с практикой. Он сумел так себя поставить с рабочими, что сразу снискал их общее уважение своим чутким и от-

звичивым отношением к трудам их и запросам. Они стали работать не из страха быть уволенными, а из чувства глубокого к нему уважения. Он первый в России отменил обыск рабочих на проходной, что имело громадное моральное действие на них. Ввел много нововведений, улучшил быт рабочих.

Познакомившись с Прозоровскими-Голицыными и Екатериной Петровной, душевно сблизившись с Елизаветой Павловной, Федор Михайлович женился на ней. Она стала, несмотря на свои юные годы (16 лет), ему хорошей помощницей по устройству бытовой стороны жизни рабочих, в яслях для маленьких детей, в школе, родильном приюте и появившейся на фабрике большой хорошей больнице. Екатерина Петровна очень уважала и любила своего зятя, который относился к ней с большим почтением. Когда же стали появляться внуки, она души в них не чаяла. Они постоянно в детстве находились при ней. Все ее стали называть «бабушка-графиня». Так и осталось за ней это прозвище.

Екатериной Петровной очень многие интересовались, к ней специально приезжал в Раменское известный издатель П. И. Бартенев¹⁰, он с большим интересом слушал рассказы Екатерины Петровны. Но только заметит она, что он за ней записывает, как сейчас же прекратит свое повествование. В то время, по ее взгляду, это считалось чем-то недопустимым.

Одна из ее внучек вышла замуж за инженера-механика, работавшего на Раменской фабрике, А. А. Филатова, так что не переменяла места своего жительства. Она была свидетельницей жизни «бабушки-графини» до самой ее смерти и больше всех слышала ее рассказы, а муж ее даже написал биографию Екатерины Петровны (находится в Гос. литературном музее в Москве). Другая внучка вышла замуж за младшего брата моей матери С. Н. Мамонтова, что послужило знакомству Дмитриевых с нами; мне было тогда 10 лет, и мы с сестрой очень подружились с младшей сестрой Дмитриевых, нашего возраста, учившейся в Екатерининском институте в Москве.

В 1896 г. я вышла замуж за сына Федора Михайловича — Николая Федоровича Дмитриева. Тут уж я много узнала, о чем рассказывала «бабушка-графиня».

Например, она любила перечислять, сколько пережила русских императоров: родилась она при Екатерине II в 1787 г. (это раз), пережила Павла (два), окончила Филармоническую Академию в Болонье в 1809 г. при Александре I (три), была покинута мужем Риччи в 1828 г. при Николае I (четыре), кстати, тут вспоминала, как ее пение так понравилось ему, что он попросил повторить, она с удовольствием это исполнила, после чего он подошел к ней, выразил ей свое восхищение и поцеловал ей руку, как великому таланту. В 1861 г. при Александре II хорошо помнила крестьянскую реформу (это уже пятый император). В 1881-м вступил Александр III (шестой) еще при ее жизни. При нем в 1886 г. она и умерла 99 лет от роду.

Больше всего она увлекалась рассказами о жизни при дворе Александра I и Наполеона I, где ей пришлось тут и там блистать, как выдающейся в то время прекрасной певице. Она пела и в Тюльери¹¹ при дворе Наполеона I и выступала в интимном кружке королевы Гортензии¹² еще будучи русской певицей Луниной. Замуж за графа Риччи она вышла уже 30 лет с небольшим.

В то время, как она рассказывала, все молодые девицы обязательно учились петь — как сам Пушкин сказал:

«Зовут соседа к самовару,
А Дуня разливает чай.
Ей шепчут: «Дуня примечай».
Потом приносят и гитару.
И запищит она (бог мой):
«Приди в чертог ко мне златой»¹³.

Так и она говорила, что результат учения пению тогда был только в пропетом тоненьким голоском в обществе небольшом романсике, да и учителя были без всякого авторитета. У нее же голос был так велик, так отличался от всех подруг, что она пожелала серьезно заняться пением, поехала с матерью в Италию — и какой получился блестящий результат!

Но главное, что было ей лестно и чем восхищались родные ее, даже и после нее, — это то, что она пела много раз при Пушкине. У нее хранилась вырезка из письма Пушкина, неизвестно даже к кому адресованного, где он пишет: «Еду сегодня в концерт великолепной, необыкновенной певицы Екатерины Петровны Луниной». Вероятно, в то время и она, и окружавшие ее знали более об этом письме.

Вспоминала она и даже гордилась тем, что Крылов¹⁴ ей первой читал в Петербурге свои басни.

Она очень сердилась на А. И. Тургенева¹⁵, когда он нечаянно уронил ее на балу: девицу в бальном туалете вдруг уронить! Как-то дико ей это показалось. И вдруг Пушкин в своем послании к Тургеневу, занимавшемуся богоугодными делами, чуть его будто осмеивая, кстати упомянул и об этом эпизоде:

«На свадьбах и в библейском зале,
Среди веселья и хлопот,
Роняешь Лунину на бале,
Подъемлешь страждущих сирот»¹⁶.

Она тогда уже совсем расстроилась, переконфузилась, не знала, как ей быть. Передавали, что она обиделась и будто некоторое время не разговаривала с Пушкиным.

В 1837 году дуэль, смерть, похороны Александра Сергеевича... она все забыла и искренне, горячо о нем страдала.

Интересен ее рассказ, как она объясняет измену своего мужа Риччи, который так восторгался ее голосом, ее энергией, так обязан был ей всеми им пожатыми лаврами из-за ее участия в их дуэтах.

Приехав в Россию с мужем и познакомив его со всеми своими друзьями и родными, она передала кн. Зинаиде Александровне Волконской, с которой была очень близка, что на вопрос: «Нравится ли ему княгиня» он ответил: «Не особенно». На это Зинаида Александровна небрежно ответила: «Вот как» и больше ничего, между тем она стала осторожно, не спеша его завлекать и поступила с Екатериной Петровной совсем не по дружбе.

Еще вспоминается рассказ «бабушки-графини», как она была на большом балу в Австрийском посольстве в Париже, данном в честь женитьбы Наполеона на дочери Франца Иосифа, Марии Терезе¹⁷. Это был как раз тот бал, где случился огромный пожар, где сгорела масса людей¹⁸. Еще девочкой помню старый-старый французский журнал, где было помещено описание этого пожара и много портретов титулованных лиц, погибших от него. Причем у каждого портрета стояла фамилия и какой смертью погиб: сгорел, раздавлен... Оказывается, что загорелись от ветра у парадного входа и по всей лестнице, ведущей в залы, бумажные разноцветные фонарики, со свечой внутри, горящие бумажки всюду разлетались, зажигая легкие дамские туалеты. Вся публика, как ураган, от испуга и ужаса бросилась бежать, падая, в горевших платьях, зажигая другие соседние и давя друг друга. Далеко от пожара, по многим улицам, были груды горевших и раздавленных.

Бабушка, к счастью, смогла выскочить на улицу раньше, почему не только не сгорела, но и не была раздавлена, как многие там присутствующие. Что она особо подчеркивала в этом рассказе, это были замечательные туфельки, нежные, мягонькие, не стеснявшие ногу, так что она в них могла очень легко бежать, спасаясь от пожара, по улицам Парижа. Туфельки эти она берегла как память, приписывая им свое спасение, повторяя свой рассказ, всегда их показывала.

Как-то она дала их поиграть своему внуку, не зная, как занять его после какой-то бывшей у него болезни, а он, чтобы их не отнял у него вернувшийся с прогулки брат, скорее спрятал их в печку (голландку) и думать о них забыл; утром печка была затоплена и знаменитые туфли сгорели. Спаслись от пожара в Париже, а в Раменском сгорели.

Внуки бабушки помнят, как она, старенькая, ездила по Раменскому в карете с лакеем, которого с юных лет звала Костей и очень любила, а он души в ней не чаял. В обращении со всеми Екатерина Петровна была очень вежлива, внимательна, никогда не возвышала голоса, комаров и мух даже не убивала, а только отмахивалась от них платочком.

В 1882 г. Федор Михайлович чувствовал себя настолько переутомленным такой громадной работой, которую взял на себя, что согласился наконец на требование врачей куда-нибудь уехать для отдыха. Отправился он по приглашению Малютиных в их имение «Быки», где заболел дизентерией и умер, несмотря на все старания вызванных из Москвы профессоров. Тело его было перевезено для погребения в Раменское.

Вдоль полотна железной дороги стояли толпы рабочих со своими семьями. Много было произнесено трогательных речей. Коробанов, местный служащий, прочитал у могилы великолепные сочиненные им стихи. Думали похоронить Федора Михайловича посреди двора фабрики, но крестьяне просили положить его около приходской церкви, где могилу его часто будут навещать.

Хозяева фабрики хотели достойным образом увековечить память своего уважаемого директора и заказали ему памятник известному скульптору Антокольскому¹⁹, который тогда жил и работал в Париже. Он требовал хорошенько узнать личность умершего, чтобы создать памятник ему подходящий.

По получения просимых сведений Антокольский сделал великолепную скульптуру Христа в сидячей позе с распростертыми вперед, как для объятия, руками и с надписью у подножия фигуры: «Придите ко мне все труждающие и обремененные и Аз упокою Вы», что как нельзя более подходило к памяти о Федоре Михайловиче.

Александр III, будучи в Париже, заехал к Антокольскому в мастерскую, был поражен красотой его работы, пожелал купить фигуру Христа для Эрмитажа, но Антокольский отказался от такой

чести, сказав, что долго работал над ней для могилы такого выдающегося человека, каким был Федор Михайлович Дмитриев, и очень хочет, чтобы работа эта, в которую он вложил столько чувств, находилась бы на могиле Федора Михайловича, такого искреннего гуманиста.

Вся семья Дмитриева с «бабушкой-графиней» во главе была сильно потрясена этой смертью. Федору Михайловичу было только 52 года. Сколько бы еще он принес пользы и добра!

Младшей дочери его было только 11 лет, когда он умер, а «бабушке-графине» уже 95. Она пережила его на четыре года и умерла в 1886 году — 99 лет. Похоронена на старом кладбище в Раменском. На могиле ее была выстроена часовня.

В 1896 году, вскоре после нашей свадьбы, мы с мужем были у матери его в Раменском. Тогда она мне передала: 1) портрет Екатерины Петровны работы Лагрэнэ²⁰, сказав: «Вот моя мать», другой матери она и не знала, Екатерину Петровну всегда называла матерью, 2) великолепную миниатюру гр. Риччи и 3) замечательной работы портрет З. А. Волконской, в раме карельской березы. Затем показала мне в своей спальне на стене портрет Павла Александровича Нащокина, сказав: «Это мой отец».

В 1919 году умерла Елизавета Павловна Дмитриева (83 года). Похоронена на старом кладбище около Екатерины Петровны, из семи внуков которой никого в живых не осталось.

Когда в 1937 году готовилась Пушкинская юбилейная выставка, я снесла туда портрет Екатерины Петровны, графа Риччи и альбомчик, писанный рукою «бабушки-графини», ее любимых романсов, русских и итальянских. Портрета З. А. Волконской, к сожалению, я уже не имела, просила купившего его у меня поставить его на выставку, так как там ни одного ее портрета не оказалось, но он отказал. Это был хирург Очкин.

Портрет Екатерины Петровны был помещен на выставке Пушкина в музыкальном зале, с подписью под ним: «Екатерина Петровна Риччи, рожденная Лунина, известная первоклассная певица, много раз певшая при Пушкине».

Портрет и миниатюру гр. Риччи поместили рядом с портретом Екатерины Петровны, подпись под ним гласила: «Граф Риччи, муж гр. Екатерины Петровны Риччи, вместе с ней великолепно исполнивший оперные дуэты. Переводил Пушкина на итальянский язык».

После выставки у меня пожелали приобрести оба портрета и тетрадочку нот для музея Пушкина. Так они там и остались.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Торопов Сергей Александрович (1882–1964), архитектор-реставратор, доктор архитектуры, профессор ряда московских высших учебных заведений, один из крупнейших специалистов в области усадебной архитектуры и реставрации архитектурных памятников Москвы и Подмоскovie. Был одним из членов-учредителей и активных сотрудников Общества изучения русской усадьбы (ОИРУ. 1822–1931). Автор многих работ по истории и проблемам архитектуры Москвы и Московской области.
- 2 Речь идет о Луниной Екатерине Петровне, в замужестве — графине Риччи (1787–1886), светской львице, содержавшей салон в Петербурге, певице-любительнице. Ее отец, П. М. Лунин, генерал-майор, богатый московский барин, гурман и сумасброд, был известен непомерным честолюбием и эксцентричностью. Однажды, решив испытать, насколько любит его дочь, в то время замужняя и беременная, он велел известить ее о своей скоростижной кончине. Дочь от этого заболела, и у нее случился выкидыш. Об эксцентричности самой Екатерины Петровны, а также ее двоюродного брата декабриста М. С. Лунина (1787–1845) можно прочитать в книге М. И. Пыляева «Замечательные чудачки и оригиналы».
- 3 Риччи Миньято (1792–1860), граф, итальянский поэт, переводчик, певец-любитель и композитор. Был знаком и состоял в переписке с А. С. Пушкиным, произведения которого «Пророк» и «Демон» перевел на итальянский язык.
- 4 Волконская Зинаида Александровна, урожденная княжна Белосельская-Белозерская (1789–1862), одна из наиболее выдающихся представительниц интеллектуальной элиты высшего общества, писательница, поэтесса, композитор и певица-любительница. В 1824–1829 гг. ее музыкально-литературный салон в великолепном дворце князей Белосельских-Белозерских на Тверской улице был культурным центром Москвы, излюбленным местом встреч московских писателей, художников, артистов, покровителей искусства. Постоянными посетителями салона были поэты Д. В. Веневитинов, П. А. Вяземский и многие другие. Часто встречался с ней и А. С. Пушкин. В стихотворении «Княгине З. А. Волконской» при посылке ей поэмы «Цыганы» (Среди рассеянной Москвы ... 6 мая 1827 г.) он называет ее «царицей муз и красоты».
- 5 Раменская волость при Петре I была пожалована графу Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину, после смерти которого перешла к его сыну Платону и вскоре была причислена к дворцовому ведомству. В 1749 г. Елизавета Петровна подарила это имение своему фавориту графу А. П. Бестужеву-Рюмину. С 1768 г. Раменское — вотчина его племянника князя Михаила Никитича Волконского. В 1809 г., после смерти его сына Павла, Раменское перешло во владение его сестры Анны Михайловны, урожденной Волконской, бывшей замужем за князем фельдмаршалом Александром Александровичем Прозоровским. После 1824 г. Раменским владела их дочь Анна Александровна, которая была замужем за князем Ф. С. Голицыным. Их потомки, получившие в 1854 г.

- право именоваться князьями Прозоровскими-Голицыными, владели Раменским до 1914 г., когда умер последний представитель рода генерал-лейтенант А. А. Прозоровский-Голицын (правнук и полный тезка фельдмаршала).
- 6 Усадьба П. М. Лунина (Никитский бульвар, 12а) является одним из самых известных архитектурных ансамблей послепожарной Москвы, возведенных в стиле ампир по проекту знаменитого русского зодчего Д. И. Жилярди в 1814–1822 г. Ансамбль состоит из трехэтажного главного дома, двухэтажного флигеля, а также нескольких одноэтажных и двухэтажных корпусов по границам усадьбы — между Никитским бульваром и Калашным переулком. Главный дом усадьбы в 1821 г. еще недостроенным был продан Коммерческому банку, который в 1823 г. приобрел и всю усадьбу полностью за 280 тысяч рублей (огромная по тому времени сумма). С 1859 по 1917 г. здесь располагалось Правление Государственного банка; в советское время — различные учреждения Министерства финансов и других ведомств. В начале 1980-х годов особняк был передан Государственному музею искусств народов Востока, первая выставка которого была открыта 15 мая 1984 г.
  - 7 Нащокин Павел Александрович (1798–1843), сын камергера, в юности лихой гусар, эпикуреец и по-веса. С октября 1816 г. корнет лейб-гвардии Гусарского полка, стоявшего в Царском Селе. Был знаком с А. С. Пушкиным, учившимся последний год в Лицее и тайком посещавшим веселые пирушки гусар (к 1816 г. относится его «Ноэль на лейб-гусарский полк»). Впоследствии П. А. Нащокин стал полковником этого полка, адъютантом великого князя Михаила Павловича и военного министра А. И. Татищева.
  - 8 Дмитриев Федор Михайлович (1829–1882), талантливый инженер и ученый-технолог. В 1851 г. начал работать на Раменской текстильной фабрике смотрителем ночной смены. Через три года получил должность техника, а в 1868 г. стал первым русским директором этого предприятия. Внес большой вклад в подготовку русских инженеров для отечественной текстильной промышленности и во внедрение на предприятиях усовершенствованной технологии и новых изобретений. С 1869 г. читал лекции в Московском технологическом училище (впоследствии — МВТУ им. Баумана) по технологии бумагопрядения и проводил практику студентов на Раменской фабрике, оставаясь ее директором. Он автор книг и статей по технологии текстильного производства, а также о гигиене труда, об устройстве жилищ рабочих и т. п. Его заслуги и человеческие качества были по достоинству оценены как современниками, так и потомками: в настоящее время одна из улиц города Раменское носит имя Ф. М. Дмитриева. Сын его, Николай Федорович Дмитриев, был мужем меуристки.
  - 9 Преобладание иностранных специалистов было характерным явлением в текстильной промышленности России XIX в., поскольку оборудование для нее завозилось в основном из Англии.
  - 10 Бартнев Петр Иванович (1829–1912), историк, археограф, журналист, биограф А. С. Пушкина. Основатель, издатель и редактор исторического журнала «Русский архив» (1863–1917), в котором публиковались документы, мемуары, письма и другие источники по отечественной истории, главным образом XVIII и XIX столетий.
  - 11 Тюильри — дворец в Париже, построенный в XI–XII вв. Служил одной из резиденций французских королей.
  - 12 Гортензия-Евгения (1783–1837), дочь виконта Александра Богарне и Жозефины (ставшей впоследствии женой Наполеона Бонапарта), сестра Евгения Богарне (с 1804 г. государственный канцлер, принц Французской империи и вице-король Италии), мать Наполеона III. В 1802 г. Наполеон выдал ее замуж за своего младшего брата Людовика, провозглашенного в 1806 г. королем Голландии. Этот брак был несчастлив, и Гортензия предпочитала жить отдельно от мужа, в Париже или в своем имении Сен-Лё, в окружении артистов и писателей. После падения Наполеона получила от Людовика XVIII титул герцогини Сен-Лё.
  - 13 «Евгений Онегин». Глава 2, строфа 12.
  - 14 Крылов Иван Андреевич (1769–1844), писатель, поэт, издатель сатирического журнала «Почта духов» и других, академик Петербургской академии наук. Автор более 200 басен, которые принесли ему общероссийскую и мировую известность.
  - 15 Тургенев Александр Иванович (1784–1845), сановник, камергер, общественный деятель, писатель, археограф, почетный член Петербургской академии наук, один из основателей литературного общества «Арзамас» (прозвище «Эолова Арфа»). Покровитель и близкий друг А. С. Пушкина, которого в 1811 г. помог определить в Царскосельский лицей, познакомил с М. Н. Карамзиным, В. А. Жуковским и другими писателями и поэтами. В 1820 г., когда Пушкину грозила ссылка в Сибирь, хлопотал о переводе его на службу в южные губернии, затем ходатайствовал за него перед М. С. Воронцовым. После дуэли Пушкина находился при нем до самой смерти и сопровождал его тело к месту погребения в Святогорском монастыре.
  - 16 Строки из стихотворного послания А. С. Пушкина «Тургеневу» (Тургенев, верный покровитель ...), относящегося к октябрю-ноябрю 1817 г.
  - 17 Неточность: имеется в виду Мария Луиза (1791–1847), дочь австрийского императора Франца I, с 1810 г. вторая жена Наполеона, императрица Франции в 1810–1814 гг.
  - 18 Во время этого пожара, случившегося в 1811 г. в доме австрийского посла Шварценберга, погибло около 20 человек, в том числе и жена самого посла.
  - 19 Антокольский Марк Матвеевич (1843–1902), выдающийся русский скульптор, автор известных произведений на исторические темы, среди которых «Ермак», «Петр I», «Иван Грозный» и др.
  - 20 Лагрэнэ Ансель Франсуа (1774–1832), французский художник, миниатюрист и живописец. В 1817–1825 гг. жил и работал в России.

«Таких снимков еще не видала страна»

Дмитрий Дебабов — основоположник «экспедиционного жанра»

1920–1930-е годы были эпохой зарождения новых жанров в фотоискусстве. Это было время поисков нового метода видения, способа показать самые отдаленные уголки нашей страны при помощи фотографической техники.

«Экспедиционный жанр» как направление в фотографии возник в это время. Одним из его основоположников был Дмитрий Георгиевич Дебабов. Он родился в 1899 г. в семье рабочего гвоздильного завода¹. Окончив четыре класса училища в 1914 г., Дебабов поступил на работу на завод Бромеля (позднее «Красный пролетарий») учеником токаря-металлиста. В 1921 году Дебабов решает круто изменить свою биографию. В 1921–1925 гг. он актер Первого рабочего театра Пролеткульта, одним из руководителей которого в то время был С. М. Эйзенштейн. Именно ему Д. Г. Дебабов обязан знакомством с фотографической и кинематографической техникой. Любительские занятия фотографией через несколько лет привели его в ГИК (Государственный институт кинематографии), который он окончил в 1930 г. по специальности «режиссер-оператор хроники»².

Все то время, пока Д. Г. Дебабов работал кинохроникером, он не оставлял занятия фотографией. Его фотоочерки выходили на страницах газет «Молодой линеец», «Рабочая Москва», «Вечерняя Москва» и др. К началу 1930-х г. Д. Г. Дебабов становится профессиональным фотожурналистом, а с 1933 г. — фотокорреспондентом «Известий». Выполняя редакционные задания, он пролетел на самолетах, проехал на поездах, в автомобилях, на собаках и оленях, а то и просто прошел пешком путь более чем в полмиллиона километров. Его журналистские маршруты пролегли через Среднюю Азию и Закавказье, Сибирь и Забайкалье, но главным увлечением Д. Г. Дебабова навсегда остался Крайний Север. География его фотоочерков обширна:

Нарымская тайга, Чукотка, Таймыр, Дудинка, Бухта Тикси, мыс Шелагский, остров Врангеля, Петропавловск-на-Камчатке, залив Св. Лаврентия и др.

В фотоархиве Д. Г. Дебабова хранятся многочисленные снимки просторов Арктики, Северного морского пути, жизни и быта народов Заполярья от Мурманска до Чукотки, добычи пушного зверя, вулканов Камчатки, рыбных и китобойных промыслов. По словам тех, кто близко знал журналиста, он проводил дома, в Москве, не более трех месяцев в году.

В годы Великой Отечественной войны Д. Г. Дебабов в качестве фотокорреспондента участвовал в полярных экспедициях в Баренцевом и Беринговом морях. Не расставался он с Арктикой и в послевоенные годы, много работал в Восточной Сибири. Ушел из жизни Д. Г. Дебабов 11 сентября 1949 г. Причиной его смерти стал укус ядовитого насекомого во время его очередной командировки в Енисейскую тайгу.

Результатом почти двадцатилетней журналистской работы стали сотни тысяч снимков и многочисленные дневники, которые Д. Г. Дебабов вел, находясь в командировках. На протяжении нескольких лет связь с домом он поддерживал через телеграммы и письма, некоторые из них сохранились в его личном архиве. В публикации представлены немногие из них, датированные 1937 г. и адресованные его жене — Дебабовой Маргарите Сергеевне. Эти лаконичные по своему содержанию документы помогают представить условия, в которых приходилось работать фотокорреспонденту, раскрывают не только его профессиональные, но и человеческие качества.

Фотодокументы, представленные в публикации, являются частью фотолетописи журналистских маршрутов Д. Г. Дебабова в 1936–1940 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 РГАЛИ. Ф. 2382. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–2.

2 Там же.

Панорама бухты Провидения. Арктика. 1936 г.

Лежбище моржей на о. Врангеля. Бухта Роджерс. 1936 г.

ТЕЛЛЕГРАММЫ

№ 1**28 марта 1937 г. Хабаровск**

Прибыл в Хабаровск двадцать восьмого, устроился у Соколовой. Второго приступаю к съемке Приморья. Очень рад твоим успехам, особенно договору Федорова. Экономь себе фотобумагу, следи за хорошей печатью Котельникова. На каждом фото пиши фамилию. Иркутские телеграммы получил. Целую. Получи негативы из «Интуриста», «Союзфото», Парижской выставки, заключи договор с французской газетой¹. Привет всем. Устрой на курорт маму. Целую крепко, крепко. Твой Дима. Телеграф в Хабаровск.

РГАЛИ. Ф. 2383. Оп.1. Д. 21. Л. 4.

№ 2**17 апреля 1937 г. Спасск-Дальний**

На пять дней выехал на лесосплав в Уссурийскую тайгу. Дорогой Снежок, закажи у Косаковского горные валенки. Сообщи, как дела с альбомом по Микояну. Привет Липскерову², Лозникову, родным: Любе, Нине, Коле, Павлу! Целую, Дима.

Там же. Л. 5.

№ 3**6 мая 1937 г. Хабаровск**

Вернулся срочно с западной границы Манчжурского края. Фотографирую интересные объекты. Первого мая хорошо заснял парад войск. Девятого еду во Владивосток. Целую всех крепко в ответ. Димука.

Там же. Л. 6.

№ 4**[июнь] 1937 г. Хабаровск**

Дорогая Ритуся, хлопотал тебе визу в НКВД для приезда в погранзону. Не дает. Причина: нет постоянной работы. В прошлом году это сделала «Правда». В виду этого я один быстро двадцатого еду пароходом «Ильич» на Камчатку на съемку китобоев и крабов. Уверен, буду раньше августа в Москве. Выставка фото не состоится, все в разъезде. Я же хочу выступить самостоятельно. «Киты», «Крабы» — темы редкие и плохо еще показаны. Таким образом, я буду разъезжать по Приморью, и ты будешь сидеть и ждать меня во Владивостоке. Зачем такая жизнь и нелепый расход? В этом причина твоего невыезда. Я тебя просил, купи хороших продуктов и поезжай в деревню. Не так там плохо, а тем более летом. Время быстро летит, твой рост не задержится. В августе едем на два месяца в Закавказье. Кисловодск полезен больше маме. Смотри, решай. Я тебя не удерживаю. Рита, сообщи, кому адресованы посылки. Как дела с альбомом Липскерова? Возьми обратно фото обязательно. Пока до свиданья. Привет всем. Пиши мне письма до востребования. Жду во Владивостоке. Целую крепко, крепко. Дима.

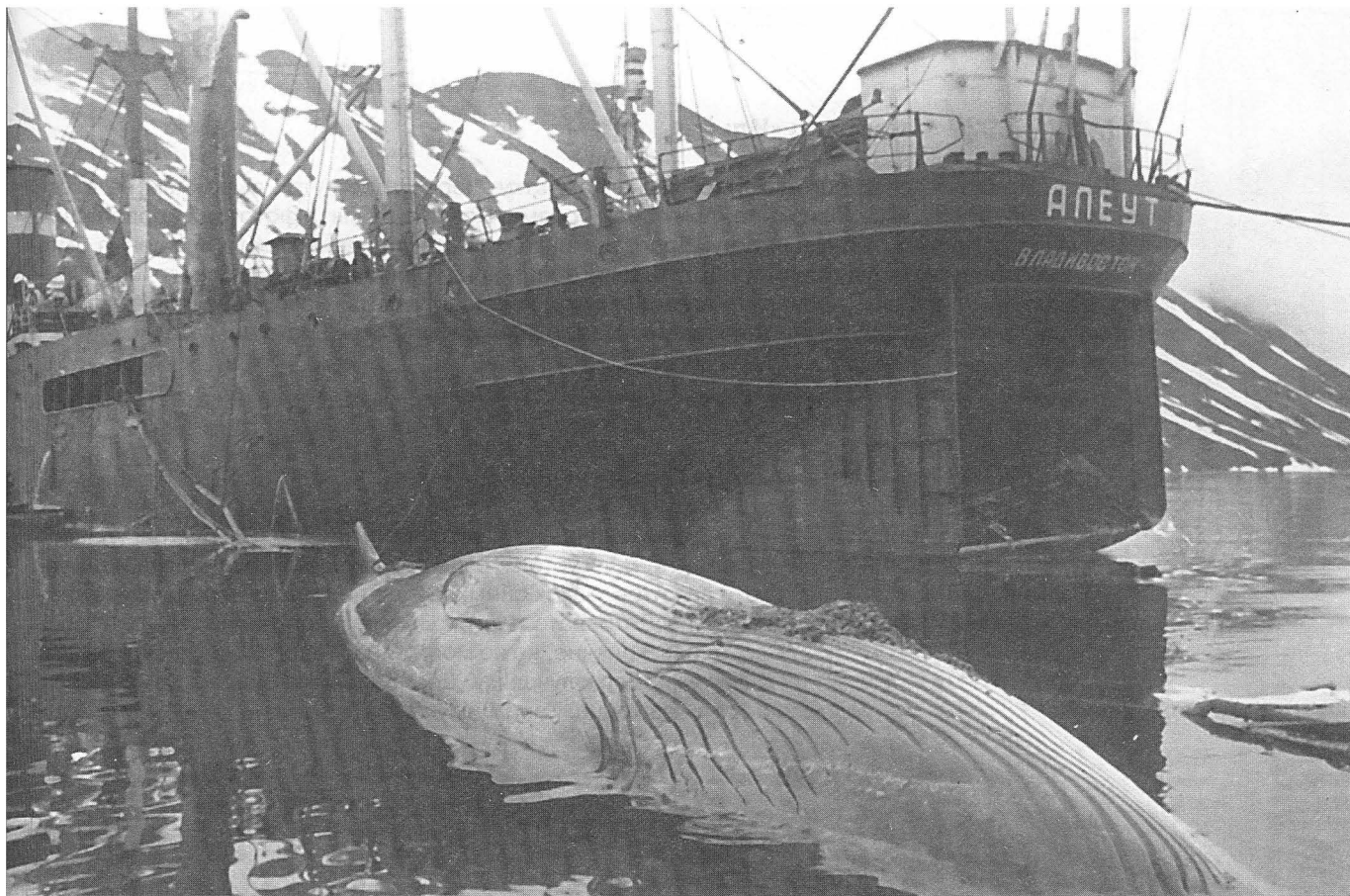
Там же. Л. 14.

№ 5**[июнь] 1937 г. Владивосток**

Итак, сегодня я отплыл пароходом «Ильич» на Камчатку. Милая Ритуся, сообщаю, что мною уже сделано: лесосплав, весна в корейском колхозе, маяки, лов иваси, краба, спрута, пантовка пятнистых оленей. На Камчатке буду один месяц. Возможно, буду снимать Колыму для «СССР на стройке». Цыпину высылаю четыре книги телеграфом. План книг уже выполнен на 30%. Работа идет хорошо, не грусти, осенью все наверстаем на сказочном Кавказе. Целую тебя крепко, крепко, твой Димука.

Там же. Л. 17.

Убитый кит-полосатик. Китобойное судно «Алеут» в бухте Петропавловска-на-Камчатке. 1937 г.

Агитатор В. П. Бояринов проводит в тайге беседу о Конституции с охотниками-ламутами. Полуостров Таймыр, Подкаменная Тунгуска. 1937 г.

№ 6**[июнь] 1937 г. Пароход «Ильич»**

Без шторма по ясной погоде прибыли на Камчатку. Через трое суток выезжаем на охоту на китов. Пробуду на матке (или мысе) Амут дней восемь. Возле самолета фотографировал Ключевский вулкан, а затем рыбную путину. Дорогая жинка, как хочется день твоего рождения быть вместе, но в этот день я буду много работать для тебя. Мария Александровна³, береги мою Снежинку, не скучайте, хорошо проведите время отдыха, навещайте отца, маму. Больше телеграфь Петропавловск-Камчатский до востребования. Целую всех Небогатовых. Ваш Димука.

Там же. Л. 18.

№ 7**29 июня 1937 г. Судно «Алеут»**

Дорогая Рита, очень рад, что ты с Любой едешь на Кавказ. Больше кушай фруктов, главное хорошо купайтесь в море, больше загорайте. В августе месяце приеду в Москву. Работа идет успешно. Заснята небывалая тема: охота на китов. Таких снимков еще не видала страна. Будет выдающаяся фотовыставка. Книга выйдет из Детиздата. Иди к Цыпину, получи тысячу. Хотелось встретиться с тобой на Камчатке. Сорвалось, конечно, не по моей вине. Телеграмма где-то задержалась. Я тебе сразу дал «молнию». Не тужи. Все к лучшему. Десятого июля буду на Командорах, сообщу. Целую маму, Павку, Колю и тебя без конца. Твой Димука.

Там же. Д. 22. Л. 2.

№ 8**[июль] 1937 г. Судно «Алеут»**

Закончил съемку охоты за китами. Материал изумительный, пленку проявил, негативы прекрасные. На днях буду на Командорских островах фотографировать лежбища котиков, двадцатого июля группу спортсменов, поднимающихся на Авачинскую сопку. В конце июля закончу рыбную путину, ход кеты. Восьмого августа заканчиваю все и выезжаю к своей Снежинке. Рита, очень прошу, обучи Любу работать с «Лейкой», пусть больше снимает себя, море, сады, пляжи. Горжусь вашей дружбой, береги себя. С тихоокеаническим приветом. Целую. Твой Димка.

Там же. Л. 4.

№ 9**12 июля 1937 г. Петропавловск-Камчатский**

Дорогая, любимая Мария Алексеевна, как проводите время, как ваше здоровье? Я очень рад, что Рита поехала на курорт вместе с Любой. Пусть отдыхает. Осенью после моего приезда в Москву всей четверкой выработаем план совместного отдыха. А сейчас я усиленно фотографирую массу тем, чтобы эта поездка на Камчатку дала возможность хорошо заработать и на следующие два года уехать на Кавказ, купив себе небольшой домик у моря. Блестяще окончил «Охоту за китами». Негативы прекрасны. Сейчас буду снимать лежбища котиков. Подъем туристов на вулкан, ход рыбы-кеты и в середине августа выеду к моей родной, вечно любимой Ритуське. Пишите как дела, успехи Коли, Павла. Целую вас крепко, ваш третий сынок Димука.

Там же. Л. 1.

№ 10**[июль] 1937 г. Камчатка**

Больше десяти дней производил съемки отдаленных районов Камчатки. Фотографировал на острове Шумшу птичьи базары. Много заснял действующих вулканов, гейзеров. Сейчас нахожусь на рыбном комбинате им. Микояна. Фотографировал рыбную путину. Десятого августа буду в Петропавловске. Как твое здоровье, моя дорогая Муська, как отдохнула? Целую крепко, твой Димка.

Там же. Л. 5.

Знатный охотник-чукча Напаурген. Чукотка, мыс Уэллен. 1937 г.

Квартет им. Спендиарова выступает перед охотниками. Чукотка, мыс Сердце-Камень. 1937 г.

«Птичий базар». Новая Земля. 1936 г.

Лов рыбы членами рыболовецкой артели. Озеро Байкал. 1947 г.

Читка газеты членам рыболовецкой артели. Озеро Байкал. 1947 г.

Сушка сетей в рыболовецкой артели. Озеро Байкал. 1947 г.

*Кино в Туруханской тайге. Полуостров Таймыр,
Нарымский край. 1937.*

*Засолка рыбы в рыболовецкой артели.
Озеро Байкал. 1947 г.*

Охота на нерту. Озеро Байкал, остров Ольхон. 1947 г.

№ 11**1 августа 1937 г. Усть-Большерецк. Камчатка**

Заснял массовый ход лососевых рыб. Из Усть-Большерецка верхом на лошади выехал на горные хребты, держа курс на Петропавловск. Десятого буду в городе. Только 18 августа будет пассажирский пароход. Вот уже накопилось тридцать кассет, которые ждут проявки.

Тебе на курорт сообщал, что буду через десять дней. Пришлось затратить месяц. Слишком мало радировал, слишком глухие районы Камчатки. Приходится много ходить пешком. Как ты отдохнула на курорте? Очень прошу, мой котик, вышли до востребования пару своих курортных снимков. Очень, очень скучаю, не забудь. Скоро, скоро твой Димука будет в Москве у моей вечно любимой Снежинки. Целую всех.

Там же. Л. 3.

№ 12**13 сентября 1937 г. Иркутск**

Проезжая знакомое тебе озеро мне хочется вырвать из скалы самую большую сосну и окунув ее в Байкале написать по всему небу «Люблю, люблю, люблю только мою единственную, вечную Ритуську». Твой Димука.

Там же. Д. 21. Л. 23.

№ 13**14 сентября 1937 г. Красноярск**

Мое счастье, моя радость, моя жинка, моя вечно золотая Снежинка. Так хочется арбузика, яблочка. Я совсем позабыл их вкус. Целую тебя без конца. Твой Димука.

Там же. Л. 24.

№ 14**14 сентября 1937 г**

Вагон первый, место шестое, семнадцатого в полдень буду в Москве. Возможно, опоздаем в Свердловске, в Вятке буду молниировать. Сообщу точно час и день прихода. Мое счастье, маме я дал все подробности. Целую, твой Димука.

Там же. Л. 25.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 «Le Journal de Moscou».

2 Липскеров Г. — фотограф-репортер.

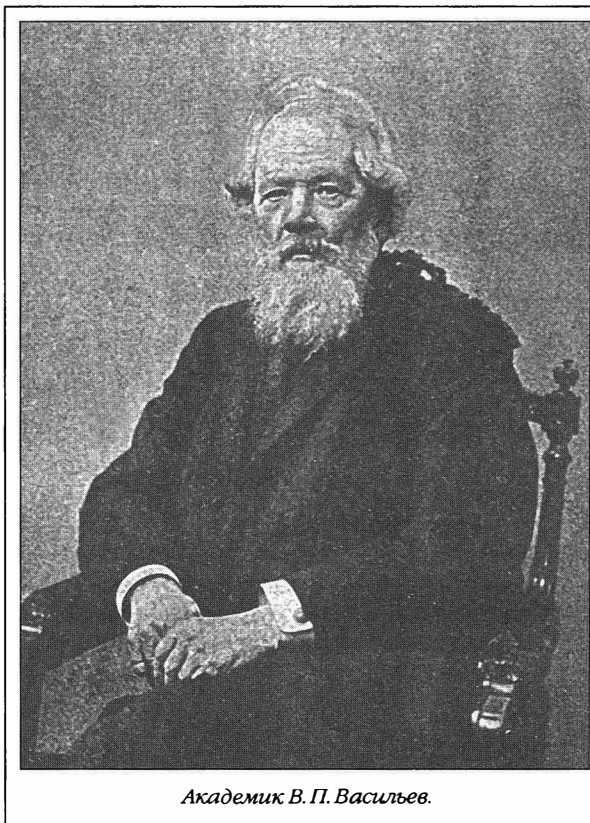
3 Небогатова Мария Алексеевна — теща Д. Дебабова.

«Весь мир будет населен одними только китайцами»

Академик В. П. Васильев о перспективах возможного будущего Китая

Одним из выдающихся русских востоковедов XIX в. являлся основоположник отечественного китаеведения и буддологии академик Василий Павлович Васильев (1818–1900)¹. По мнению современников, в его творчестве проявлялось редкое тогда «сочетание сиолога (китаиста. — Д. А.) академического склада с живым наблюдателем — публицистом, чутко отзывающимся на все общественные тревоги, имеющие то или иное отношение к его специальности»². Так, в 1867 г. в своей «блестящей по основным идеям, хотя парадоксальной в частностях» статье «О движении магометанства в Китае» Василий Павлович высказал предположение о крайне грозной, с его точки зрения, для России и Европы возможной перспективе «исламизации Китая»³. Данная идея (в конечном счете так и не ставшая реальностью) произвела тогда сильное впечатление на умы многих русских политиков и исследователей и имела немало своих сторонников в их среде в конце XIX — начале XX столетия⁴. Особый интерес представляет речь Васильева «Современное положение Азии — китайский прогресс», которая была приготовлена для прочтения на торжественном акте 8 февраля 1883 г., посвященном очередной годовщине преобразования Главного Педагогического института в Санкт-Петербургский университет (по указу императора Александра I от 8 февраля 1819 г.)⁵. В этом сочинении Василий Павлович, высоко оценивая интеллектуальный потенциал и феноменальное трудолюбие китайского народа, одновре-

Академик В. П. Васильев.

менно с большой тревогой всматривался в «возможное будущее» отношений одной из величайших стран Старого Света с окружающим ее миром. Ниже публикуется извлечение из данного труда ученого, которое воспроизводится по его изданию 1900 г.

Можно положительно утверждать, что Китай имеет все данные, чтоб достигнуть самой высшей точки умственного, промышленного и вместе политического прогресса. Его принцип глубокого уважения к науке⁶, стремление всего народа учиться с необыкновенным напряжением, не стесняясь количеством лет, показывает, что там может вырасти нация самая образованная в свете, что она может создать ученых, которые могут не только разрабатывать науку сообща с остальным миром, но даже не остановятся на общем уровне. Китайская ученость старого времени, хотя и удовлетво-

*Китайские мусульмане.
Рисунок из «Атласа к живописному путешествию
по Азии». М. 1839.*

рительна, но она приучила их к критике, к глубокой тщательной разработке предмета. Тысячелетнее существование нации, устроившей всю жизненную обстановку собственными средствами, собственным соображением, придумыванием, обещает, что и новейшие открытия других народов по физическим предметам найдут в них усердных продолжателей и изобретателей.

Китайцы могут отличаться и в артистическом и художественном отношении. Далее, нет ремесла, нет промысла, нет ни одной торговой ветви, в которой за китайца можно бы бояться, что он отстанет от других. И так как все это будет сделано тщательно и дешево, то мир может быть завален китайскими товарами. Может даже до того, что китаец захватит все рынки и промыслы всего света.

Рука об руку, или даже идя впереди этого движения, может возрасти до невероятной степени и политическое могущество Китая. До-вольнее сначала заселить все находящиеся и теперь уже под властью Китая земли, как явится обширная империя с миллиардом народа развитого и деятельного⁷. Захватив богатейшие

в мире острова Восточного океана⁸, Китай в одно и то же время может угрожать России и Индии, Америке и Западной Европе. При силе у него достигнет бессердечия вырезать всех непокорных, хоть весь мир. Весь мир будет населен одними только китайцами — вот до чего может разыгаться фантазия будущего возможного, которое теперь называется невозможным.

Васильев В. П. Открытие Китая и другие статьи. СПб. 1900. С. 162–163.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Горбачева З. И., Петров Н. А., Смыкалов Г. Ф., Панкратов Б. И. Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев // Очерки по истории русского востоковедения. М. 1956. Сб. 2.
- 2 Предисловие // Васильев В. П. Открытие Китая и другие статьи. СПб. 1900. С. VIII. Данный сборник готовится нами к переизданию.
- 3 Васильев В. П. О движении магометанства в Китае [СПб. 1867]. Переиздано под названием «Магометанство в Китае» // Васильев В. П. Открытие Китая. С. 106–138. См. также: Бартольд В. В. Исторические и географические труды В. П. Васильева // Бартольд В. В. Сочинения. М. 1977. Т. IX. С. 625–626.
- 4 Арапов Д. Ю. Русский посол в Турции Н. В. Чарыков и его «заключение» по «мусульманскому вопросу» 1911 г. // Вестник Евразии. 2002. № 2 (17). С. 155, 162.
- 5 Отчет по Санкт-Петербургскому университету за 1882 г. СПб. 1883. Переиздано под названием «Китайский прогресс» // Васильев В. П. Открытие Китая. С. 139–164.
- 6 «Одним из самых оригинальных достижений китайской политической культуры было убеждение, что на государственную службу следует отбирать не по знатности происхождения, а по личным способностям и что делать это лучше всего посредством экзаменационных испытаний» // Малявин В. В. Китайская цивилизация. М. 2000. С. 124.
- 7 Численность населения современной Китайской Народной Республики стремительно приближается к цифре два миллиарда человек.
- 8 Восточный, то есть Тихий, океан, на многочисленных островах которого впоследствии возникли Индонезия, Филиппины и другие государства современного мира.

«Я не добивался и не добиваюсь переименования Царицына в Сталинград»

Из личного архива И. В. Сталина

Как известно, с 1925 по 1961 г. город Царицын (в настоящее время — Волгоград) именовался Сталинградом. К сожалению, точная историческая картина переименования 1925 г. до сих пор неизвестна. В литературе имеются сведения о том, что, по мнению, например, Н. С. Хрущева, Сталин «силой и шантажом навязал Царицыну свое имя». Засвидетельствовавший это мнение сотрудник аппарата ЦК партии И. С. Черноуцан сообщил также, что «об этом, кстати, позднее подробно рассказывал мне сын Степана Шаумяна Лев — честнейший человек, который был в 20-х годах секретарем райкома в Царицыне и видел, какая расправа была учинена над всеми противниками переименования города»¹.

Публикуемые документы из личного архива Сталина проливают некоторый свет на действительно непростую историю пере-

именования. Они отражают альтернативные варианты (Мининград), атмосферу «закулисных» разговоров и «политическое значение» — в связи с успешной для Сталина дискуссией о троцкизме 1924–1925 гг. — переименования города. Документы фиксируют и фактическую личную санкцию Сталина на этот акт — под тем предлогом, что местные царицынские инициаторы «слишком раззвонили насчет Сталинграда» и «теперь трудно отказаться от начатого дела».

Вместе с тем эти документы, на наш взгляд, свидетельствуют в пользу отсутствия необходимости дискутируемого в настоящее время в российском обществе переименования Волгограда в Сталинград. Человека, который мог бы такое переименование «санкционировать», нет с нами уже пять десятилетий — он и носивший его имя город стали историей.

№ 1

Письмо Генерального секретаря ЦК РКП(б) И. В. Сталина секретарю Царицынского губернского комитета РКП(б) Б. П. Шеболдаеву.

25 января 1925 г.*

СЕКРЕТАРЮ ЦАРИЦЫНСКОГО ГУБКОМА

тов. Шеболдаеву².

Я узнал, что Царицын хотят переименовать в Сталинград. Узнал также, что Минин³ добивается переименования его в Мининград. Знаю также, что Вы отложили съезд советов из-за моего неприезда, причем думаете произвести процедуру переименования в моем присутствии. Все это создает неловкое положение и для Вас, и особенно для меня. Очень прошу иметь в виду, что:

- 1) Я не добивался и не добиваюсь переименования Царицына в Сталинград;
- 2) Дело это начато без меня и помимо меня;
- 3) Если уж так необходимо переименовать Царицын, назовите его Мининградом или как-нибудь иначе;
- 4) Если уж слишком раззвонили насчет Сталинграда и теперь трудно Вам отказаться

* На официальном бланке ЦК РКП(б).

от начатого дела, не втягивайте меня в это дело и не требуйте моего присутствия на съезде советов⁴, — иначе может получиться впечатление, что я добиваюсь переименования;

5) Поверьте, товарищ, что я не добиваюсь ни славы, ни почета и не хотел бы, чтобы создалось обратное впечатление.

С коммунистическим приветом

И. Сталин

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 831. Л. 44. Машинопись, подпись — факсимиле.

№ 2

Письмо секретаря Царицынского губернского комитета РКП(б) Б. П. Шеболдаева И. В. Сталину.

5 февраля 1925 г*.

Лично.

Т. СТАЛИНУ**.

На Ваше письмо от 25/ I с. г. отвечаю следующее:

1) Считал и считаю невозможным связывать переименование г. Царицина с именем т. Минина, т. к. это оживило бы ряд нездоровых настроений (местничество, анархистские уклоны), которые в Царицине и без того достаточно сильны.

2) Вопрос о переименовании города в Сталинград поднят партийным активом и поддержан на всех беспартийных рабочих собраниях (единогласно). Вопрос о Минине нигде не поднимался, имелись частные, «закулисные» разговоры только в связи с его приездом на конференцию, который вообще считаю не совсем удачным.

* На бланке «Царицынский губернский комитет РКП. (большевиков). Служебная записка».

** Помета на документе: «ПБ. Лич. архив Сталина. 16. II. Мехлис».

3) Переименование увязывалось с шефством Ленинграда и дискуссией о троцкизме, т. е. партийцы и рабочие понимали его как некоторое выявление линии и принятие обязательств перед партией. Поэтому пере-

именование имело для нас и политическое значение.

4) Переименование города согласовано в ЦК с т. Антиповым⁵ и прошло уже на горсовете и всех уездных съездах, т. е. окончательное переименование на губсъезде считаю необходимым.

5) Приглашение Вас на съезд явилось результатом искреннего желания членов горсовета видеть Вас. Иначе, конечно, и быть не могло.

На приезд Ваш не рассчитывали и не рассчитываем.

Съезд отложен не по причине невозможности быть Вам на съезде, а благодаря задержке с утверждением бюджета, который проводит председатель ГИКа т. Неждвецкий в Москве.

С коммунистическим приветом

Б. Шеболдаев

Там же. Л. 56. Подлинник. Машинопись, подпись — автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Бурлацкий Ф. Вожди и советники. М. 1990. С. 88.

2 Шеболдаев Б. П. (1895–1937) — член РСДРП с 1914 г., после 1917 г. на военной работе в Закавказье, с 1920 г. там же на партийной работе, в 1924–1925 гг. секретарь Царицынского губкома РКП(б).

3 Минин С. К. (1882–1962) — член партии с 1905 г. В

1918 г. член Революционного военного совета Южного фронта вместе со Сталиным и Ворошиловым, председатель Царицынского совета.

4 15 февраля 1925 г. Сталин послал приветствие VII Царицынскому губернскому съезду Советов.

5 Антипов Н. К. — член партии с 1912 г. В 1925 г. заведующий одним из отделов ЦК.

«Все арестованные принадлежат к одной банде грабителей и речь идет даже об одном и том же ограблении»

Новые документы из Архива парижской полиции

13 июня 1907 года в Тифлисе незадолго до полудня кассир Государственного банка, счетчик того же банка с тремя караульными и пятью казаками эскорта получили на Тифлисской центральной почтовой станции 250 000 рублей ассигнациями и, погрузив их на двух извозчиков, возвращались в банк. Путь их пролегал через Сололакскую улицу и Эриванскую площадь, где в то время располагался штаб Кавказского военного округа. Путь конвоя был недалек, хорошо знакомый и в силу того, что пролегал буквально перед воротами военного штаба, безопасный. Казалось, ничто не предвещало беды.

Позже на допросе один из трех караульных, А. Жилев, сообщил: «Не доезжая до Сололакской улицы, почти у поворота на эту улицу, неизвестными злоумышленниками и неизвестно откуда были брошены три бомбы в сопровождающий конвой... Брошено всего восемь снарядов. Первым снарядом разбило кузов фэтона и выбросило кассира Курдюмова на мостовую. Конвоировавшие казаки от взрыва получили тяжелые ранения... Злоумышленники, пользуясь общей паникой... схватили мешок с деньгами и скрылись неизвестно куда. От взрывов снарядов выбиты стекла домов и магазинов по всей Эриванской площади...»¹

Тотчас, как стало известно обо всем произошедшем, полиция империи была поставлена на ноги. О случившемся были тут же извещены первые лица Департамента полиции. Как это делалось всегда в подобных случаях, номера украденных купюр были переданы по телеграфу во все коммерческие и государственные банки Российской империи и за границу. В свою очередь Департамент полиции поставил задачу перед охран-

ными отделениями внутри страны и за границей в максимально короткие сроки выявить организаторов и пособников тифлисского «экса», а также выяснить предполагаемые дальнейшие действия экспроприаторов.

Вскоре картина стала проясняться. Из агентурных источников стало известно, что еще в январе — феврале 1907 г. в связи с подготовкой предстоящего съезда РСДРП и предполагаемой организацией вооруженной борьбы с самодержавием лидер радикального крыла российской социал-демократии В. И. Ульянов, более известный под псевдонимом Ленин, поставил перед соратниками задачу: провести «психологическую подготовку» к предстоящим революционным событиям. Для этого планировалось осуществить какую-нибудь крупную террористическую акцию. После более детального обсуждения этой идеи было решено осуществить «экс» в Тифлисе. Как сообщал в связи с этим в одной из своих депеш заведующий заграничной агентурой русской полиции А. М. Гартинг, помимо чисто политического резонанса, эта акция должна была обеспечить финансовые потребности партии лет на пять-шесть². Непосредственным организатором планируемой акции был назначен уроженец г. Гори Тифлисской губернии Семен Аршакович Тер-Петросян, также знакомый полиции под псевдонимом Камо. Общее руководство операцией от имени ЦК РСДРП осуществлял Л. Б. Красин (Никитич)³.

После налета краденые деньги были доставлены в Финляндию, где на даче «Ваза» в Куоккале в то время жил Ленин. По сообщению А. М. Гартинга, весь июль и первую половину августа 1907 г. там проходили совещания большевистского руководства, на которых решался единственный вопрос: что делать

с деньгами? В этих совещаниях принимал участие и Камо⁴. Трудность состояла в том, что основная масса краденых купюр была в крупных пятисотрублевых купюрах, поменять которые внутри России не представлялось возможным в силу указанных выше обстоятельств. Однако у организаторов этой авантюры еще оставалась надежда (как мы теперь знаем, совершенно призрачная), что царские власти еще не успели передать номера купюр за границу. В связи с этим деньги было решено менять именно за рубежом.

Ключевой фигурой в планировавшейся большевиками операции должен был стать все тот же Камо. К содействию ему были привлечены некоторые члены заграничной большевистской организации: Ольга Равич, Мигран Ходжамирянц, Тигран Богдасарян и Ян Мастер⁵. Координировать действия Камо и его подручных должны были член ЦК РСДРП И. Ф. Дубровинский⁶ и Меер Валлах, вошедший впоследствии в советскую историю под одним из своих революционных псевдонимов — М. М. Литвинов. Последний к тому же должен был поменять некоторую сумму денег в банках Франции. На вырученные таким образом деньги планировалась закупка крупных партий оружия, которое предполагалось доставлять в Россию морским путем через Одессу. Перевалочным пунктом служили порты Болгарии⁷.

В конце августа 1907 г. Камо выехал в Европу по фальшивому паспорту на имя австрийского подданного Дмитрия Мирского. 10–11 октября в Вене состоялась его встреча с М. Литвиновым. Оттуда они вместе ездили в Софию, на встречу с русским инженером С. В. Величко, работавшим на болгарское военное ведомство и согласившимся продать для нужд РСДРП партию капсулей для особо мощных адских машин. Уже 17 октября Камо с нелегальным грузом появился в Берлине, где поселился на ул. Эльзасштрассе, 44.

Согласно донесениям еще не разоблаченного к тому времени провокатора царской охраны Я. Житомирского, встречавшегося с М. Литвиновым в Женеве, Камо и в Германии продолжал заниматься нелегальными закупками оружия. Так, им было приобретено 50 револьверов системы «Маузер» со 150 патронами к каждому стволу для дальнейшей транспортировки в Россию⁸.

По доносу того же Я. Житомирского 9 ноября 1907 г. немецкая полиция провела обыск на берлинской квартире Камо. Там было найдено большое количество оружия, а также чемодан с двойным дном, заполненный взрывчаткой, и литература революционного содержания. Камо был арестован и несмотря на различные ухищрения, в том числе

и симуляцию безумия, был выдан России. По приговору суда он был помещен в Метехский тюремный замок в Тифлисе, откуда впоследствии совершил дерзкий побег⁹. Операция же по обмену денег началась и проходила без него.

В течение 1908 г. в разных концах Европы при попытке обменять находящиеся в розыске билеты Государственного банка Российской империи было арестовано в общей сложности 6 человек. Четверо из них были привлечены к уголовной ответственности по законодательству тех государств, на территории которых они пытались обменять краденые деньги. Двое (М. Литвинов и его жена Ф. Ямпольская) были высланы за пределы Франции, где были пойманы с поличным.

Ход следствия по делу об ограблении в Тифлисе и о попытке обмена краденых денег в Европе достаточно хорошо изучен в советской историко-партийной литературе. Обширный материал, включая переписку русской и иностранных полиций, содержится в полицейском деле, хранящемся ныне в ГАРФ и цитировавшемся нами выше. Как показывают эти источники, главной проблемой европейских полиций в связи с расследованием этого дела было не доказательство вины попавшихся с поличным экспроприаторов, а установление реальной личности подследственных, ибо система партийной конспирации не позволяла это сделать сразу же.

Публикуемые ниже документы как раз и отражают ход следствия и координацию усилий по означенному делу в европейских полициях, в первую очередь немецкой и французской. Хотя изложенные там факты в принципе известны специалистам по затрагиваемому нами сюжету, тем не менее они еще раз конкретизируют и дополняют наше знание об этой не самой лицеприятной страничке из истории русского революционного движения.

Кроме того, в самом начале XXI века эта история, давно ставшая достоянием прошлого, вновь обрела актуальность. Вслед за совершением террористических актов в современной России их участники, организаторы и вдохновители вновь разъезжают по Европе с целью сбора средств и покупки оружия для новых преступлений против российской государственности. И вновь, как сто лет назад, европейская Фемида показывает свою беззубость в деле борьбы с этим международным злом и экстрадиции пойманных террористов в Россию.

Нам остается добавить, что публикуемые ниже документы хранятся в Архиве парижской полиции под шифром BA 1705 Maxime Litvinoff в той последовательности,

в которой они публикуются ниже. Большая их часть написана на французском языке и представляет собой машинописные тексты. Немецкая же часть публикации (документы № 2–3) создавалась на немецком языке, переписана каллиграфическим почерком

и сохранилась в Архиве парижской полиции в литографированном виде.

Автор публикации хотел бы выразить благодарность Надежде Канищевой за помощь в переводе этих документов с немецкого на русский язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Цит. по кн.: Бибинейшвили Б. Камо. М. 1934. С. 124–125. 2 ГАРФ. Ф. 102. О. о. 1907 г. Д. 637. Л. 1. 3 Там же. Л. 3 об. 4 Арибджанян Г. Камо за рубежом. Ереван. 1982. С. 58. 5 РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 153. Л. 1.	6 Дубровинский И. Ф. (1877–1913) — член ЦК РСДРП, организатор и руководитель вооруженного восстания в Москве в декабре 1905 г. 7 Арибджанян Г. Указ. соч. С. 74. 8 ГАРФ. Ф. 102. О. о. 1907 г. Л. 2. 9 Безиргани Г. Коба и Камо//Перспективы. 1991. № 6. С. 57.

№ 1

Доклад Начальника 3 следственной бригады Директору Следственного управления Префектуры парижской полиции

На бланке Следственного
Управления Префектуры
Парижской полиции

Париж, 22 января 1908 г.

По поводу ограбления,
совершенного в Тифлисе
в ущерб Русскому
Правительству

Я передаю в приложении к настоящему рапорту копию депеши, адресованной Службе Тайной полиции, которая была мне передана Начальником полиции Мюнхена.

Из этой депеши следует, что обнаруживается связь между арестами, совершенными в Мюнхене и в Париже; все арестованные принадлежат к одной банде грабителей и речь идет даже об одном и том же ограблении. Действительно, в ходе следствия я был вынужден произвести 18 января обыск, после ареста Валлаха, у Голденштейна, по адресу 85, бульвар Порт-Ройал, чья фамилия и адрес были обнаружены, с другой стороны, в руках у арестованных в Мюнхене.

Тогда было известно, что билеты (банкноты), украденные в Тифлисе, должны были быть обменены в тот же день у перекупщиков в разных городах Европы.

Хотя доказательств этому в ходе обыска у Гольденштейна обнаружено не было, 16 января вероятно собралось несколько вышеупомянутых злоумышленников, там билеты были распределены между несколькими эмиссарами.

Комиссар Полиции

№ 2

Секретное сообщение Полицей-президента Мюнхена О. Дилмана префекту парижской полиции

№ 9693 I

Мюнхен, 27 января 1908 года

Секретное сообщение
Касательно ограбления в Тифлисе
С 10 фотографиями

В июне, вероятно 26 июня, 1907 г. утром, на Ереванской площади в Тифлисе было соверше-

но нападение с целью грабежа на автомобиль, сопровождаемый казаками и солдатами, в котором перевозилась значительная денежная сумма из почтового отделения в филиал Государственного банка. В ходе нападения грабители, взорвав несколько бомб, убили нескольких человек и многих ранили и похитили деньги, принадлежащие русскому Императорскому Государственному банку в Санкт-Петербурге.

Было похищено 250 000 рублей, в том числе 100 000 рублями в 200-х банкнотах достоинством в 500 рублей, которые имеют серию AM и номера 02901-63000 и 63701-63800.

В субботу, 18 января 1908 г., в первой половине дня одна русская поменяла в Мюнхенском частном банке Зигмунда Клопфера, расположенного по адресу в Мюнхене Карлсплац № 25, 500-рублевую купюру серии AM с номером 063792 на 1065 немецких марок. Вскоре она предъявила к обмену в Баварском банке торговли и промышленности по адресу ул. Ленбахплац № 4 в Мюнхене другую 500-рублевую купюру серии AM № 063791. Служащий банка Август Штраулино обнаружил, что эта банкнота относится к украденным в Тифлисе, подал сигнал и распорядился о задержании русской.

Арестованная, которая имела семейный паспорт № 739, выданный 18 марта 1906 г. в Могилеве на имя Берки Хайнин с госпожой Этой и дочерью Сарой, сообщила следующее:

Равич Сара, еврейка, не замужем, студентка философии из Витебска в России, родилась в Витебске 1 августа 1879 г., дочь проживающего в Витебске лавочника Ноэxima Лейба и его жены Гольды, урожденной Иахним.

Сестра Сары Равич, Фанни Равич, 27 лет, зубной врач, должна проживать в Санкт-Петербурге на Коло-Колонной улице.

Равич показала, что она приехала в Мюнхен из Женевы только 18 января 1907 г. в 7 часов утра, точнее, в 6 часов 58 минут, на скором поезде из Швейцарии (что тоже кажется достоверным). Она живет в Женеве, бульвар де ла Клуз № 57, где и находится ее паспорт. Прошлым летом она со своей замужней приятельницей по имени Дивитров, настоящее местонахождение которой ей не известно, останавливалась (арендовала жилье) в Мархисси, рядом с местечком Обон (кантон Во) в Швейцарии, у одной домохозяйки, имя которой она не может вспомнить. В Мархисси она познакомилась с одним русским, имя которого она не назовет ни при каких обстоятельствах. Она утверждает, что принадлежит к русской социал-демократической партии, и в январе 1905 г. находилась по политическим обвинениям несколько месяцев в Санкт-Петербургской тюрьме. В июне 1906 г. она уехала со своей родины (Витебск) в Париж, в Париже провела 6 месяцев, а затем переехала в Женеву, где она, так же как и в Париже, изучала философию и жила, получая помощь от родителей. В Мюнхен она приехала непосредственно из Женевы и собиралась поехать дальше, в Вену.

18 января 1908 г. в Мюнхене утром, по пути в картинную галерею Шак-Галерея, она случайно встретила своего знакомого по Мархисси, который передал ей русский паспорт на имя Берки Хайнин (Шайнин) с госпожой «Этой» и дочерью «Сарой» и две купюры по 500 рублей, с просьбой поменять обе банкноты в банке на немецкие деньги. Если при этом потребуются документы, удостоверяющие личность, она должна была предъявить переданный ей паспорт.

Позднее один человек встретил ее на улице, название которой она не может назвать, и они договорились о возможной встрече на следующий день на Главном вокзале Мюнхена между 8 и 10 часами утра. Она спросила его, в чем дело с банкнотами, однако господин ответил ей, что все объяснения он даст позднее. Имя этого человека и его адрес она не хотела называть ни при каких обстоятельствах, даже когда на нее был наложен большой штраф. О происхождении обеих 500-рублевых купюр она не имела никакого понятия.

Женщина, называющая себя Сарой Равич, была взята полицией под стражу. Во время личного досмотра женщиной-надзирателем Равич попыталась, снимая туфли и чулки, незаметно уничтожить лист бумаги, разорвав его и засунув обрывки в рот.

Обрывки были отняты, и выяснилось, что на бумаге была сделана карандашная запись на русском языке. Перевод выявил следующий текст:

«7 часов вечера Базель — Цюрих 10 часов 38 минут. Из Цюриха в пятницу в 11 часов 30 минут вы поедете в Мюнхен, прибудете в субботу в 7 часов утра, попросите адрес участников. Они поедут из Штутгарта в Мюнхен и прибудут в 5 часов 6 минут. Из Мюнхена вы вместе поедете дальше в Вену. В Мюнхене не ходите все вместе в буфет 2-го класса. С Восточного вокзала прибытие в Париж в 10? часов. Метрополь, Франц-Иозефштрассе, Тегетхоф, Иоханнсгассе, Кэртнеринг, отель Пост Альтмаркт. Отель Габсбург в понедельник в 10 часов».

Эта записка позволяет заключить, что Сара Равич (в неустановленный день) выехала из Базеля в 8 часов 50 минут утра и прибыла в Цюрих в 10 часов 38 минут утра; в пятницу 17 января 1907 г. выехала из Цюриха в 11 часов 35 минут вечера и в субботу 18 января в 6 часов 35 мин. утра прибыла в Мюнхен и что 18 января она должна была встретиться на главном вокзале Мюнхена «с участниками», которые в 5 часов 6 мин. вечера прибудут из Штутгарта (откуда они выйдут в 12 часов 47 минут дня).

Сара Равич имела: 1073 марки 51 пфенниг немецких денег (из них у нее было 10 купюр досто-

инством в 100 марок, 3 монеты достоинством в 20 марок и одна 5-марковая монета, в сумме 1065 марок, остальное спрятано на груди в портмоне из красной кожи); 20 франков 50 сантимов французских денег и 95 сантимов швейцарских денег. Кроме того, у нее были одни черные стальные часы на серебряной цепочке, одно пенсне на шнурке, ручка с каучуковым наполнителем, 5 открыток с видами Парижа, одна книга: новеллы Леонида Андреева «Проклятие зверя» (на русском языке), одна папка с почтовой бумагой, сумочка из темно-красной кожи, в которой находились записная книжка без записей, упомянутый заграничный паспорт на имя Хайнин (Шайнин) и расписка Мюнхенского Главного вокзала в приеме на хранение 2-х багажных мест. Багаж состоял из цветного, шерстяного пледа и дорожной сумки из парусины в черную, зеленую и желтую клетку, в которой, кроме маленького пустого портмоне, маленькой записной книжки без записей, щетки для платья, двух невзрачных носовых платков, находились лишь несколько дешевых, частично порванных, платьев. Одежда, которая была на ней, состояла из зеленой шляпки, блузки в серо-зеленую и белую полоску и костюма в серо-зеленую полоску. При личном досмотре, кроме упомянутой наличной денежной суммы в 1065 марок и уже упомянутого вырванного листа бумаги, были также обнаружены театральные билеты (в театр Режан-Тотей-Пурту, датированный январем 1908) и записка с адресом: улица Порт Рояль 85 М-ен Гольденшайн (наверняка, парижский адрес).

Приметы женщины, называющей себя Сарой Равич, следующие: рост 1,61 метра, привлекательные черты лица, лицо овальное, узкое, густые, темно-каштановые, гладко подстриженные волосы, темно-каштановые, густые брови, прямой нос (не еврейского типа), светло-карие, зеленоватые глаза, мочки ушей совершенно приросшие, умное выражение лица, большие ноги, говорит по-русски, недостаточно хорошо, но все же понятно для слушателя, по-немецки и совсем немного по-французски.

В результате инспекции поезда, который прибыл в Мюнхен из Штутгарта 18 января 1908 г. в 5 часов 6 минут вечера были арестованы двое мужчин, которые назвали себя Тиграном Багдасаряном¹ и Миграном Ходямирянцем².

Указанные лица являются: Багдасарян Тигран (с литературным псевдонимом «Константин Царьян»), армянин, католик, холост, студент из Тебриза, Азербайджанской губернии в Персии, родился в Тебризе 8 сентября 1884 г., сын умершего торговца Христофа Багдасаряна и его супруги Софьи, урожденной Петросян, проживающей в Тебризе. Тигран Багдасарян утверждает, что имеет сестру по имени Моша (Мариан), двоюродного брата, по имени Леон Егиасарян, проживающий в г. Икселле (Бельгия), по адресу: пл. Промышленности, номер дома не известен (вероятно 47), и еще одного двоюродного брата по имени Иван Егиазаров, инженера в Баку на Кавказе. От этого Егиазарова Багдасарян, по его словам, получает каждый месяц 20 рублей, которые переводятся через Федеральный банк в Женеве.

После проведенного дознания выяснилось, что в полицейском отделении Икселля Леон Егиасарян не зарегистрирован, дом № 47 на площади Промышленности также не существует. Однако есть студент Константин Егиасарян, родившийся 8 февраля 1883 г. (он же в 1885 г.) в Шемахе (Кавказ), сын Христофа Егиасаряна и Софии, урожденной Степанян. Константин Егиасарян приехал в Бельгию в январе 1907 г. и с 22 июня 1907 г. зарегистрирован в полиции по адресу Брюссель, шоссе Ванвр № 52. Однако в «Новом Университете» в Брюсселе этот Константин Егиасарян не числится, в то время как Леон Егиасарян числится в «Новом Университете» как проживающий якобы в Брюсселе, улица де Лонрде № 20, но в полиции не зарегистрирован.

Тигран Багдасарян имел при себе денег: 17 банкнот достоинством в 500 рублей с номерами 063771-063780 и 063784-063790, все серии АМ (украденные в Тифлисе), три банкноты 100-рублевого достоинства, пять — 25-рублевого, две — 10-рублевого, две — 3-рублевого и одна рублевая купюра (всего 8952 рублей), 1123 марки 60 пфеннигов немецких денег (из них одиннадцать купюр достоинством в 100 марок, одна купюра в 20 марок, 3 марки 50 пфеннигов серебром и 10 пфеннигов медью), 90 франков 5 сантимов французских денег (четыре монеты достоинством в 20 франков, одна — 10 франков, одна 5-сантимовая монета) и 1 швейцарский франк.

Кроме того, у Багдасаряна имелись при себе: 1 портмоне из желтой кожи, 1 черные часы из стали с черным циферблатом, 1 программка театра Режан, д. 15, ул. Бланш в Париже, две книги «Обзор драматического искусства», № 170 и 173, две тетради на русском языке, пять рисунков карандашом, один карманный нож, одна щеточка для бороды, три русские открытки (так называемые шуточные открытки с карикатурами на представителей власти), одна короткая курительная трубка, один блок бумаги для записок с зашифрованными записями, два ключа от дома, три трамвайных билета из Вены, одна записка с пометками: Отель Люксембург, ул. Важиар № 12 и «Арвид Мерн», билет в метро, № 0068 14, 2-й класс, цена 0,15 фр., дорожная сумка из светлой кожи фирмы «Ж. Тимп». При Багдасаряне было: мягкая черная фетровая шляпа фирмы «Ф. Конради», коричневое зимнее пальто с коричневым бархатным воротником и подкладкой в серую и белую клетку фирмы «М. Нойман, К. Хофиеферан. Вена», черный костюм, кашне из коричневого плюша,

стоячий отложной воротничок фирмы «Лютеция Конде 38», черный галстук в белую крапинку фирмы «Генри Бонзон», желтые лайковые перчатки, два грязных воротничка фирмы «Гранд Магазины де Лютеция», ул. Монж, авеню Гобелинов и ул. Базель в Париже». Другой одежды у Багдасаряна не было. Документа, удостоверяющего личность, при нем найдено не было.

Приметы называющего себя Тиграном Багдасаряном следующие: рост 1,74 метра, стройный, густые волнистые черные волосы, черная короткая борода, густые черно-коричневые брови, нос с горбинкой, каштаново-коричневые глаза, морщины на лбу, ямочка в подбородке, выражение лица мрачное и хитрое, говорит по-русски, хорошо по-французски, утверждает, что по-армянски и по-турецки, но ни слова по-немецки.

Багдасарян показал следующее: он никогда не останавливался в Тифлисе, но был в Баку. 2 года назад он уехал из Баку, затем был в Александрове, Берлине и Брюсселе, прожил один год в Икселле (Брюссель), ул. де Лондре д. 42, зарегистрирован в полиции под своим настоящим именем (однако по справке, присланной официальными властями Брюсселя, на улице де Лондре не существует дома № 42 и о Тигране Багдасаряне в Брюсселе совершенно ничего не известно; вероятно, речь идет о так называемом условном адресе на имя Леона Багдасаряна — Брюссель, ул. де Лондре, 20). Затем он перебрался в Женеву и изучал в местном университете социальные науки. Последнее время он жил по адресу: бульвар Георга Фавна д. 25-II, у одной дамы по имени Верне или похожего имени.

С арестованным вместе с ним в Мюнхене Миграном Ходямирьянцем он познакомился раньше, в Женеве. Недавно он поехал в Париж и там случайно встретил Миграна Ходямирьянца. Сару Равич или Сару Хайнин (Шайнин) он не знает.

(Сара Равич также заявила, что она не знает ни Тиграна Багдасаряна, ни Миграна Ходямирьянца, которые ей были показаны.)

Тигран Багдасарян показал далее, что один русский, с которым он недавно случайно познакомился на прогулке и имени которого он не назовет, сказал ему, что имеет много денег и не может найти им применение. Этот русский передал ему пакет с русскими банкнотами и сказал, что не может поменять такую сумму, не привлекая внимание. Этот неназванный русский дал ему поручение — передать банкноты своему спутнику, Миграну Ходямирьянцу, в Мюнхене для обмена.

В ответ на предположение, что 500-рублевые банкноты, возможно, уже были обменены в Штутгарте и Карлсруэ, Багдасарян пояснил, что Ходямирьянец поменял по одной банкноте в Штутгарте и Карлсруэ.

Багдасарян утверждает, что из Мюнхена он собирался возвратиться обратно, в Женеву. О том, что бумажные купюры, найденные при нем, были в свое время похищены, он не знал. Он утверждает, что принадлежит к русской социал-демократической рабочей партии, однако по политическим мотивам к ответственности не привлекался.

Два месяца назад он был в Вене, чтобы встретиться там с «братом». Тогда он жил в отеле Москва. Под каким именем он останавливался в отеле Москва, он уже не помнит.

Багдасарян отказался подписать данные им показания и протокол.

Данные, сообщенные о личности второго арестованного мужчины:

Ходямирьянец Мигран, армянин, католик, холост, студент литературы и философии из Верхних Акулис Ереванской губернии на Кавказе, родился 1 ноября 1882 г., сын транспортного и торгового агента Хачатура Ходямирьянца, проживающего в г. Нухе Елизаветпольской губернии, и его супруги Февронии, урожденной Вардхой.

У мужчины, называющего себя Ходямирьянцем, имеется денег: одна немецкая имперская банкнота достоинством в 1000 марок № 085689 А, 60 марок немецким золотом, 17 марок 85 пфеннигов немецким серебром и никелем (всего 1077 марок 85 пфеннигов немецких денег) и 30 франков 25 сантимов (из них две 10-франковые французские монеты, 9 франков французским серебром, 40 французских сантимов, один бельгийский полуфранк и 35 сантимов швейцарских денег). Из этих денег позднее 1065 немецких марок были выданы в качестве компенсации для получения обратно 500-рублевой банкноты серии АМ № 063781, обмененной Ходямирьянцем 18 января 1908 г. утром в Штутгарте на 1065 марок.

Ходямирьянец имел при себе жесткую черную шляпу, коричневый костюм, темно-серое летнее пальто фирмы «Шварц», купленное в Женеве, в магазине по адресу ул. Леврие 7, черное пальто на меховой подкладке, черный цилиндр с коробкой фирмы «Карл Гешка», купленный в магазине в Вене, ул. Кайзерштрассе 123, белье с монограммой «М.Х.», туалетные принадлежности, дорожную сумку из коричневой парусины, один бумажник из красной кожи, одни серебряные часы с заводной головкой и желтым циферблатом, один лист с пометкой, без даты, частного банка «Вернер и Вехель» (Карл-Фридрихштрассе № 2, Карлсруэ), одну маленькую карту Австрии из русского атласа путешествий, на которой карандашом подчеркнуты названия городов: Карлсбад, Прага, Вена, Штегер, Грац, Истрия в Крайне, Трист, Адельсберг, Краков, Вилица, один путеводитель по Вене с планом Вены, список адресов банков в Вене, один план Парижа, один пу-

теводитель и один план Лиона, открытки с видами Парижа, книга «Бельгийские рабочие» (Социалистическая библиотека) Эмиля Вандервельда и заграничный паспорт, выданный 23 ноября 1906 года в губернии Вильно № 4972 на имя мещанина Янкеля Данцига, далее, две записки с зашифрованным текстом. Мигран Ходямирьянц показал, что он до сих пор жил в Женеве, по ул. Шемин де гран философ № 81 у мадам Кашо, а последние три дня провел в Париже. Ранее он также был в городах: Ницце, Альварбен (департамент Изер), в Люцерне и Лозанне. В Штутгарте он напоследок поменял одну 500-рублевую купюру. Эту пятисотрублевую купюру он получил в качестве подарка от одного, лично ему незнакомого, господина, о котором он не может сказать ничего, кроме того, что его зовут Петр и он познакомился с ним ранее, в Лозанне, а затем совершенно случайно встретился с ним на улице в Женеве. Деньги предназначались на поездку в Германию, затем Ходямирьянц должен был вернуться в Женеву, чтобы вместе с господином Петром... «выполнить кое-какую работу». Место встречи в Женеве, однако, согласовано не было.

Приметы мужчины, называющего себя Миграном Ходямирьянцем: рост 1,72 метра, стройный, густые вьющиеся черные волосы, узкая черная бородка, черные брови, большой нос с горбинкой, светло-зеленые красноватые глаза, большие уши с совершенно приросшими почками ушей, мрачное выражение лица, говорит по-русски и по-французски, как утверждает, по-армянски и немного по-турецки, но не говорит по-немецки.

Сара Равич 20 января 1908 г. утром передала одной из арестованных, которую в тот же день отправляли в Вену, тайное письмо (так называемая «тайная записка»), написанное на русском языке на туалетной бумаге, которое арестованная должна была положить в конверт с адресом: господину Симачко, ул. Бланш 4, Женева — и отдать на почту. В этом письме Равич пишет своему «любимому Витику», сообщает ему о своем аресте из-за рублевой банкноты, о тех показаниях, которые она на сегодняшний день дала полиции, об аресте двух других русских, просит помощи, Витик должен обратиться к своим знакомым, таким как «Гольденберг», затем «Минин» и немец «Эрдман» (или Артман, или Ортман), Витик также должен выяснить, кому она может доверить «библиотечные деньги». Из текста этого тайного письма можно заключить, что Симачко, точнее Николай Семачко (родился 8 сентября 1873 г. в Задонске, Воронежской губернии) — любовник так называемой Сары Равич. Письмо подписано «твоя Сара», но постскрипtum — «Ольга».

В дальнейшем было установлено, что 17 января 1908 г. вечером один из двух арестованных (согласно показаниям Багдасаряна, это был Ходямирьянц, в то время как последний оспаривает это; согласно же приметам, это был Багдасарян, т. к. мужчина, о котором идет речь, носил лайковые перчатки) поменял в Карлсруэ, Карл-Фридрихштрассе № 2, у банкира Виктора Верле 500-рублевую купюру, АМ 063783, одну из банкнот, похищенных в Тифлисе. Владелец купюры хотел из 500 рублей получить 250 рублей русскими купюрами. Но так как у банкира Верле было только 152 рубля, то он выдал эту сумму русскими деньгами, а 348 рублей обменял на 737 марок 75 пфеннигов (из них 7 банкнот достоинством в 100 марок, остальное — немецким золотом и серебром).

Человек, который поменял эту 500-рублевую банкноту и говорил по-французски, написал свой адрес следующим образом: «Бельгия, площадь Промышленности, г-ну Стефану Мануэляну» (очевидно, имелся в виду Брюссель. Багдасарян был якобы ранее в Брюсселе и дал адрес своего «кузена», Леона Багдасаряна, Иксель (Брюссель), площадь Промышленности, 47. Багдасарян при задержании в Мюнхене имел также при себе одиннадцать купюр достоинством в 100 марок, одну монету в 20 марок и 3 марки 60 пфеннигов мелочью. У Ходямирьянца, напротив, была только одна банкнота в 1000 марок, которую он получил в Штутгарте).

Далее было установлено, что называющие себя Тиграном Багдасаряном и Миграном Ходямирьянцем ночь с 17 на 18 января 1908 г. провели в Штутгарте в привокзальной гостинице Хайлер (совместно, в номере 19), и заполнили листки для проезжающих именами: «Петрос Капиан, студент, бельгиец, Брюссель» и «Костя Петков, студент, Ницца». 18 января 1908 г. в 11.30 утра Мигран Ходямирьянц поменял у банкира Эрнста Тирера в Штутгарте, Кенигштрассе 21, 500-рублевую купюру АМ 063781, одну из числа похищенных в Тифлисе, и получил за нее одну банкноту достоинством в тысячу марок (которая была обнаружена у него при аресте в Мюнхене) и 65 марок золотом и серебром, всего 1065 марок. (По соглашению с Ходямирьянцем и банкиром Тирером эти 1065 марок пошли в счет компенсации для получения 500-рублевой купюры серии АМ 063781 из королевского полицейского управления Мюнхена.) При этом обмене Ходямирьянц расписался как «Иван Петров».

Мигран Ходямирьянц признал, что 18 января 1908 г. в Штутгарте он поменял у одного банкира банкноту достоинством в 500 рублей, однако утверждает, что уже не помнит — ни под каким именем он расписался, ни под какими именами они с Тиграном Багдасаряном жили в гостинице в Штутгарте в ночь с 17 на 18 января 1908 г. Факт совместного проживания в гостинице Штутгарта в ночь с 17 на 18 января 1908 г. оба признали.

Императорско-королевским полицейским управлением в Вене было установлено, что в отеле «Москва» в Вене, Клайне Штадтгуггассе № 4, с 23 по 26 ноября 1907 г. проживали в двух сосед-

них номерах, а именно, в номере 25 — господин, зарегистрированный как «Иван Егисеров, торговец из Баку с женой», а в номере 26 — «Мигран (не Тигран) Багдасарян, студент из Женевы». Также выяснилось, что в номер 25 (соответственно номер «Егисерова») слуга торговца шляпами Карла Гешки, Вена IX, Альзерштрассе 6, доставил две купленные шляпы, а именно, один цилиндр и одну черную шляпу, которые следовало доставить в отель «Москва». Ко времени доставки этих шляп в номере (25) находились пожилой господин и дама, а также молодой господин. Молодого человека принимали за сына пожилого. Цилиндр был заказан для молодого человека. (При Мигране Ходямирьянце имелся черный цилиндр вместе со шляпной коробкой фирмы Гешки.) Называющий себя Иваном Егисеровым из Баку с женой и выдающий себя за Миграна Багдасаряна из Женевы тогда выехали в одно и то же время и направлялись: Иван Егисеров с женой якобы в Милан, а Мигран Багдасарян будто бы в Дрезден.

Тигран Багдасарян показал 18 января 1908 г. при своем аресте в Мюнхене, что два месяца назад (т. е. в ноябре 1907 г.) в Вене он останавливался в отеле «Москва», чтобы встретиться там своего «брата». Он оставил свои данные в регистрационной книге отеля, однако уже не помнит, какое имя он тогда написал.

Является ли проживавший с 23 по 26 ноября в гостинице «Москва» в Вене Мигран Багдасарян и арестованный теперь Тигран Багдасарян или арестованный вместе с ним Мигран Ходямирьянец одним и тем же лицом, установить пока еще не представляется возможным.

Примечательно, что так называемый Тигран Багдасарян после ареста просил разрешения послать телеграмму «двоюродному брату», Ивану Егисарову, инженеру в Баку, а когда ему было отказано, он подал жалобу (безуспешно).

Этот инженер, Иван Егисаров, скорее всего, является тем самым купцом Иваном Егисеровым из Баку, который с 23 по 26 ноября 1907 г. проживал в гостинице «Москва» в Вене.

Императорско-королевским полицейским управлением в Вене было далее установлено, что студент Мигран Ходямирьянец, 25 лет, холостой, исповедует армянскую религию, родился в Нохе (Нухе, Нукке) 23 сентября 1907 г., был зарегистрирован в мужском ночлежном доме в Вене XX, Мельдеманштрассе № 27, и провел там две ночи.

Арестованный Мигран Ходямирьянец в ответ на это заявил следующее: два года и четыре месяца тому назад он, направляясь из Тифлиса в Лозанну, провел ночь в одном отеле в Вене. Название и местоположение этого отеля он не может назвать, но он знает, что владелец отеля поляк и говорит по-русски. В сентябре 1907 г. он ездил из Женевы в Вену, а из Вены обратно в Женеву по следующим причинам: в Женеве стала выходить под редакцией Мухега (Мишеля) Адамиана (армянское имя, по-русски его должны звать Адамов), имеющего жилье в Баку, но проживающего в настоящее время в Женеве, научно-политическая (ежемесячная) газета под названием «Радуга». В сентябре 1907 г. деньги для издания газеты кончились. В это время в одной гостинице Вены остановился двоюродный брат Мухега Адамиана, очень богатый нефтяной магнат из Баку Николас Адамиан. Мухег Адамиан послал поэтому Миграна Ходямирьянца в Вену, в качестве секретаря редакции «Радуги», чтобы попросить у Николаса Адамиана денег на издание «Радуги». Мигран Ходямирьянец встретился якобы в Вене с Николасом Адамианом, но не помнит, в какой гостинице он в то время проживал и где произошла встреча. Мигран Ходямирьянец якобы не получил тогда от Николаса Адамиана (Адамова) денег, но тот заверил, что позже пошлет деньги в Женеву, в редакцию «Радуги».

Мигран Ходямирьянец остановился тогда якобы в том же отеле (принадлежащем поляку, говорящему по-русски), что и два года и четыре месяца назад (но он не может вспомнить название отеля), он провел там будто бы только одну ночь, на следующую ночь он отправился в мужской ночлежный дом, заплатив там за две ночи, но проведя только одну, а следующую (третью и последнюю) ночь провел в другой гостинице, о которой помнит только то, что она расположена на Таборштрассе в Вене.

Примечательно, что Мигран Ходямирьянец хотел из заключения отправить письмо своему так называемому отцу Хачатуру Ходямирьянцу и распорядиться, чтобы адресованные ему письма и денежные переводы направлялись в Женеву, бульвар Георга Фавона 33, господину Мухегу Адамову («для Миграна»).

По сообщению женевской полиции, а также юридического и полицейского департаментов Швейцарской Конфедерации в Берне, по тому же поводу (из-за ограбления в Тифлисе) в Женеве был арестован некий Вячеслав Карпинский из Пензы под Москвой, родившийся в 1880 г., который жил в доме арестованной в Мюнхене Сары Равич, и Николай Семачко, родившийся в Задонске 8 сентября 1873 г. (которому Сара Равич пыталась тайно отправить письмо). Были также конфискованы на почте в Женеве письма, поступившие на имя Сары Равич из России, Франции и Австрии.

По неподтвержденным сообщениям в печати, в Стокгольме был арестован некий Владимир Крушинский³, прибывший 19 января из Финляндии, уличенный в том, что имел при себе 500-рублевые банкноты, значащиеся как украденные. Далее, в Париже арестованы студент медицины

по имени Меер Валлах⁴, он же Авраам Бориссука, Боррисюк, Дретьярк, Дитерих и студентка медицины Фанни Янпольска⁵ (Янтульска, Иванпольска), у которых также были найдены 500-рублевые купюры, однако они были опущены и 23 января 1908 г. утром пересекли бельгийскую границу. Официальных сообщений касательно указанных задержаний в Стокгольме и Париже к нам не поступало, и эти газетные сообщения приведены здесь для полноты картины.

Сара Равич и Тигран Багдасарян 19 января 1908 г., Мигран Ходямирьянц 20 января 1908 г. были сфотографированы в отделении королевской полиции Мюнхена, а их приметы зафиксированы.

3 фотографии каждого: Равич, Багдасаряна и Ходямирьянца прилагаются.

Королевское управление полицией Мюнхена

Диллман

№ 3

№ 50133 I

Мюнхен, 22 января 1908 г.

Королевское управление полиции

Мюнхен

В префектуру парижской полиции

Кабинет г-на префекта

Париж

36 Набережная Офевр

Касательно ограбления в Тифлисе

Вместе с посылаемыми 2 автографиями⁶ от 27 и 30 января и 10 фотографиями позволю себе нижайше попросить уважаемую префектуру быть столь любезными и по возможности скорее предоставить данные касательно следующего вопроса:

Поступили сведения, что в середине января 1908 г. в Париже двое российских подданных, некий Авраам Борисюк, он же Меер Валлах, и некая Фрейда, она же Фанни Янпольска были уличены в хранении 500-рублевых банкнот, которые 13/26 июня 1907 г. были похищены у Государственно-Императорского русского банка в результате нападения в Тифлисе с применением бомб.

У Сары Равич, арестованной в Мюнхене 18 января 1908 г., была найдена, помимо одной похищенной 500-рублевой банкноты, также записка с адресом: «Авеню Порт-Ройал 85 М-ен (Мсье, Мадам или Мадмуазель) Гольденшайн».

Арестованные здесь трое российских подданных, Сара Равич, Константин Егиасарян (который до 16 января 1908 г., возможно, останавливался в Париже под именем Тиграна Багдасаряна, студента из Тавриды, Персия) и Мигран Ходямирьянц очень скоро предстанут перед королевским судом земли Мюнхен за пособничество или укрывательство для вынесения приговора, поскольку они хотели обменять на территории Германии с преступными намерениями деньги, украденные в Тифлисе.

Местная прокуратура придает большое значение выяснению, до предварительного слушания, следующих пунктов:

1) Когда и при каких обстоятельствах были арестованы в Париже Авраам Борисюк (он же Меер Валлах) и Фрейда (Фанни) Янпольска?

2) Какие из похищенных в Тифлисе банкнот они имели при себе? (серия и номер банкнот).

3) Можно ли проследить связь между двумя вышеупомянутыми арестованными в Париже русскими и арестованными в Мюнхене русскими Сарой Равич, Константином Егиасаряном (он же Тигран Багдасарян) и Миграном Ходямирьянцем?

4) Какие особые обстоятельства связаны с адресом: Авеню Порт Ройял 85 (М-ен Гольденшайн)?

Заранее покорно благодарю за Ваш любезный ответ и разрешите выразить Вам мое весьма высокое уважение (мое совершенное почтение).

Полицай-президент

Диллман

№ 4

Запрос в префектуру парижской полиции от английских властей по поводу ареста в Париже Максима Литвинова

Английская военная миссия в Париже

Мы получили телеграмму Военного ведомства, содержащую два отрывка из статьи «Times»

от января 1908 г. Первое сообщение корреспондента «Таймс» из Парижа датировано 19 января и опубликовано в «Таймс» 20 января, сообщает следующее:

«Двое русских, предположительно террористов, мужчина и женщина, как утверждают, замешанные в Тифлисской краже, были арестованы 17 января на Северном вокзале, едва они сели в поезд по направлению к побережью. Русская полиция знает номера 500 рублевых банкнот, входящих в Тифлисский трофей. Один из русских, проживающий в Париже, попытался обменять одну из банкнот в одном из Парижских банков».

Второе сообщение, отправленное из Парижа 23 января, вышло в «Таймс» 24 января и сообщает следующее:

«Двое русских, предполагаемых террористов, арестованных и подозреваемых в совершении ограбления в Тифлисе, были освобождены вследствие решения Генерального Прокурора Республики, заявившего, что «преступление, совершенное иностранцами на территории другой страны, не попадает под юрисдикцию французского закона». Банкноты достоинством 500 рублей, находящиеся у них, переданы на хранение в парижскую магистратуру как документ, могущий послужить раскрытию преступления. Двое русских были сопровождены до бельгийской границы».

Британские власти были бы признательны за сведения о том, известна ли фамилия указанного человека французским властям и если да, то не располагают ли они какими-либо доказательствами его сходства с ЛИТВИНОВЫМ, или какими-либо его фотографиями.

Я был бы вам очень обязан если бы префектура полиции удостоверила это как можно быстрее, ибо дело не терпит отлагательств.

Военный атташе посольства Ее Величества во Франции

№ 5

На бланке
Префектуры
парижской полиции

Париж, 16 марта 1908г.

Префект парижской полиции — Министру Внутренних Дел
По поводу Литвинова

27 февраля текущего года вы мне передали для сведений ноту английской миссии, которая, напоминая о покушении, освещенном в газете «Таймс» от 19 и 20 января 1908 г. и совершенном парой русских террористов, тотчас же арестованных, а потом отпущенных в Париже, спрашивает — не является ли арестованный мужчина ЛИТВИНОВЫМ и не владеет ли французская полиция документом, устанавливающим личность этого человека.

Имею честь сообщить вам, что никаких следов ареста, упомянутых в январе 1908 года в «Таймс», не обнаружено ни в полицейском участке Северного вокзала, ни в Прокуратуре департамента Сены.

По поводу так называемого ЛИТВИНОВА, я к тому же не владею никаким документом, кроме газетной статьи, воспроизводящей его фотографию, и я не смог собрать никаких сведений о подозреваемом участии этого русского в Тифлисском нападении.

Префект парижской полиции

№ 6

**Доклад Начальника 3 бригады Директору Следственного управления
Префектуры парижской полиции о результатах дознания по поводу
причастности Меера Валлаха и Фриды Ямпольской
к обмену украденных в Тифлисе 250 000 рублей.**

Париж, 2 июня 1908 г.

По поводу так называемых
БОРИСЮК Абрахам (Валлах)
и ЯМПОЛЬСКАЯ Фрида

Возвращая прилагаемые документы, имею честь сообщить господину Директору Следствен-

ного Управления следующее. Письмом, датированным 2 января 1908 г., посол России в Париже уведомил Префектуру Полиции, что инициаторы грабежа 250 000 рублей в банковских билетах, совершенного вооруженным путем в Тифлисе, в июле 1907 года, имели намерение обменять в Париже часть украденных денег.

Это письмо было передано мне и в ходе расследования, которое я вскоре провел, я обнаружил, что часть указанных билетов находилась в руках одного иностранца, которого мы знаем только под именем Меер Валлах, который имел в качестве любовницы женщину под именем Фанни Ямпольская, проживающую по адресу: 15, авеню де Гобелинс.

В отношении этих индивидуумов было установлено постоянное наблюдение и по просьбе Посольства России Прокуратура назначила одного следователя вести это дело.

17 января в 8 часов 30 минут вечера, как только Валлах и его спутница сели на Северном вокзале в поезд в направлении Лондона, они были подвергнуты аресту на основании выданного ордера.

В ходе немедленного обыска, при М. Валлахе были обнаружены двенадцать билетов достоинством 500 рублей каждый (что соответствует примерно 16 000 франкам), принадлежащим двум сериям AM 62900 и AM 63700, указанных Посольством России, точные номера которых:

AM 062951	AM 062952	AM 062953
AM 062954	AM 062955	AM 062956
AM 062957	AM 062958	AM 062959
AM 062960	AM 063717	AM 063718

Также при нем была обнаружена сумма в 503 франка.

Его багаж, как и багаж его спутницы Ямпольской, был сразу же тщательно досмотрен, но не было обнаружено ничего подозрительного.

Так называемая Ямпольская, также подвергнувшаяся обыску, не имела при себе никаких подозрительных предметов.

Вышеназванные обозначили свое гражданское положение как следующее:

БОРИСЮК, Абрахам, родившийся в городе Каменец-Подольский (Подоллия — Россия) 4 января 1877 года (он обладал паспортом на это имя), не имея вида на жительство в Париже;

Ямпольская Фрида, родившаяся в г. Глухов (Россия), 11 ноября 1881 года, доктор медицины факультета в Берне (Швейцария).

Так как во время наблюдения за данными индивидуумами, Борисюк был замечен приходившим по адресам 85 и 39, бульвар Порт-Ройал, и 107, бульвар Сен-Мишель, я наведался по данным адресам.

По адресу 85, бульвар Порт-Ройал, проживал г-н ГОЛДЕНШТЕЙН, Николай, утверждавший что он родился 30 июня 1880 г. в Акерманне (Россия).

Ничего подозрительного у этого субъекта не было обнаружено, так же как и в доме по адресу 39 на том же бульваре, где проживали вместе двое русских, назвавшихся ВАСИЛЬЕВЫМ Михаилом и САКСОМ Эфином, и в доме 107 по бульвару Сен-Мишель, где две персоны также русского происхождения проживали под именами Александры КЕМЕРЕР и Элизабет ШМИДТ.

БОРИСЮК и так называемая Ямпольская, переданные в распоряжение следователя, получили постановление о прекращении дела, и были высланы из Франции согласно министерскому постановлению от 22 января 1908 года, оповещенные в тот же день.

22 января в 9 часов вечера они покинули Париж в направлении Кале, чтобы оттуда перебраться в Англию.

В ходе нескольких операций по данному делу ничего не было найдено, что подтверждало бы, что вышеназванные состояли в отношениях с так называемой Сарой Равич и ее со-обвиняемыми Константином Егиазаряном (именующим себя Тиграном Багдасаряном) и Миграном Ходямиянцем, задержанных в Мюнхене.

Моя служба никогда не занималась этими последними, так же как и другими субъектами (в частности, Гольденштейном), о которых идет речь в прилагаемых циркулярах.

Начальник 3 бригады

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Багдасарян Тигран, он же Константин Егиазарян (наст. имя Зарян Константин) (1885–1969) род. в г. Шемахе (в Азербайджане). Образование получил в Париже. Член женевской секции РСДРП(б). Выполнил различные задания партии за границей,

но потом отошел от активной политической деятельности. После победы советской власти в Армении жил и работал в Ереване. В 1922–1924 гг. преподавал историю армянской литературы в Ереванском государственном университете. В 1925 г.

- эмигрировал в Париж, а затем в США. В 1952–1954 гг. был профессором по истории искусства в Бейрутском университете. В 1961 г. репатрировался в СССР и до 1969 г. работал старшим научным сотрудником в Ереванском музее литературы и искусства. Автор большого числа научных и литературных трудов по истории армянской и мировой литературы.
- 2 Ходямирязц Мигран (наст. имя Бекзадян Армен) (1881–1939) — один из руководителей Бакинской партийной организации. С 1906 г. в эмиграции. Член Цюрихской группы РСДРП(б). В 1912 г. входил в состав делегации большевиков на Базельском конгрессе II Интернационала. В 1915 г. вернулся в Россию. После Октябрьской революции находился на дипломатической работе.
  - 3 Крушинский Владимир, он же Мастер Ян (наст. имя Стоянс Янис) (1884–1938) — бывший студент Рижского политехнического института, участник революции 1905–1907 гг. В 1906 г. арестован и сослан в Тобольскую губернию, бежал, прибыл в Санкт-Петербург, где работал в столичной военной организации РСДРП(б) под кличкой «Андрей». В 1907 г. уехал в Швейцарию и учился в Цюрихском университете. Был секретарем цюрихской латышской секции РСДРП. В 1908 г. выехал в Стокгольм для обмена денег, арестован в Стокгольме, провел в заключении 6 месяцев. По освобождении жил в Брюсселе и Париже. Летом 1917 г. вернулся в Россию, участвовал в Октябрьской революции, затем работал на различных должностях в Коминтерне. С 1920 по 1924 г. был первым секретарем советского посольства в Италии. В 1924–1928 гг. собственный корреспондент ТАСС в Италии. Затем занимался литературной и журналистской деятельностью.
  - 4 Литвинов Максим, он же Борисюк Авраам, он же Валлах Мейер (наст. имя Валлах Макс) (1876–1951) — в революционном движении с 1899 г. Член Киевского комитета РСДРП, был арестован и в 1902 г. бежал за границу. Участвовал в работе Заграничной Лиги русской революционной социал-демократии. С 1904 г. на нелегальной работе в России. Активный участник революции 1905–1907 гг. Один из организаторов планировавшейся доставки в Россию большой партии оружия на пароходе «Джон Графтон». Член делегаций РСДРП на Штутгартском конгрессе II Интернационала (1907), представитель большевиков в Международном социалистическом бюро. После Октябрьской революции на дипломатической работе в Великобритании. С 1921 г. член коллегии Наркоминдела и заместитель наркома иностранных дел, в 1930–1939 гг. нарком иностранных дел. Входил в состав советской делегации на Генуэзской и Гагской мирных конференциях. Член ЦК ВКП(б) (1934), депутат Верховного Совета СССР 1 и 2 созывов. С 1946 г. на пенсии. Автор многих работ по вопросам внешней политики СССР.
  - 5 Речь идет о Фриде Ямпольской — гражданской жене и соратнице М. М. Литвинова по революционной борьбе.
  - 6 Текст документов № 1 и 2 был написан от руки полицейским каллиграфистом и поступил в префектуру парижской полиции в литографированной копии.

«Мы не были уничтожены. Мы жили»

Из воспоминаний актрисы Елены Вишневской

Елена Ивановна Вишневская принадлежала к богатому дворянскому роду, корни которого уходят в Сербию. Во время революции 1917 г. жила в Киеве, в 20-е гг. устроилась на работу во Второй МХАТ, затем служила в Центральном театре Красной Армии. С началом войны вместе с театром была эвакуирована в Свердловск, в мае 1943 г. в составе театральной бригады выехала на Юго-Западный фронт и там попала в окружение. В результате была депортирована в Германию, сидела в лагере, работала

на заводе и прислужкой у немецкого предпринимателя. В конце войны вместе с пленным французом бежала во Францию. В 1946 г. возвратилась в СССР, работала в драматических театрах Лиепайи и Вильнюса. Подробнее о роде Вишневском можно будет прочитать в сборнике «Скитания по родословным», который скоро выйдет в издательстве БСГ-ПРЕСС. Ниже публикуется отрывок из мемуаров актрисы, повествующий о ее жизни в Германии и возвращении домой.

СРОДНИЦА

Дело главным образом теперь не в критике, от которой все именуемые здесь лица ушли уже в царство теней, а в сохранении на память потомству удивительной непосредственности их характеров и прихотливой оригинальности их жизни.

Н. Лесков. Эпопея о Вишневском и его сродниках

При чем тут Лесков?

Сейчас объясню, а пока напомним:

«Степан Иванович был атлет и богатырь, а также хлебосол, самодур и преужасный развратник, но имел образование...»

Каленая, соленая, Гоголем опрокинутая в зенит русская классика!

Так вот: среди дальних потомков преужасного Степана Вишневского уже в наше время, в век двадцатый, тоже преужасный и тоже имеющий образование, обнаруживается артистичная натура, именем Елена, фамилией — в пращуров — Вишневская, чья мемуарная повесть, смею думать, достойна войти в синодик свидетелей новейшей истории.

В ее слоге нет, конечно, лесковской дьявольщины. Это чистый, ясный и высокий голос прямостойкой души; качества этой души, в сочетании с явной литературной ода-

ренностью, и держат повествование: рука чувствуется.

Вот о раннем детстве. Страх — основное самочувствие *«того существа, которое в дальнейшем стало мною»*.

А вот — из фронтовых записей 1942 года — о трупах в зеленых мундирах: *«впервые я увидела немцев, вернее, то, что когда-то ими было»*.

Это уже не Гоголь, конечно. Это уже XX век, рассекающий реальность на пласты. «Вещество существования», — называл эту слоистость вещун катастрофического века Андрей Платонов. Актриса, лицедейка, красавица, не чаявшая братья за перо, — когда и как она поймала эту рефлексию шизофренического времени?

«Меня нет, есть только моя спина»... Это — когда при выходе из окружения сзади

раздается: «Хальт!» — «Понимаю, что надо повернуться... Сейчас я увижу немцев, — проносится в мозгу...»

Она их увидела потом столько, что повесть ее о немецком плене достойна встать в летописи Второй мировой войны в ряд с повестями Вайвериса, Элии Визеля, — но сейчас я только о «хрусталике». О самом типе видения. О том, как передано.

«Через проволоку влюбленные сплетают руки... застывают в поцелуе, неизбежно целуя и разделяющую их проволоку».

Интересно, какими словами схватил бы эту «психопатическую» реальность Лесков?

Вишневская увидела ее не только в облике солдат вермахта, поливающих огнем массу русских окруженцев. Она ее увидела в чистеньком интерьере квартиры «герра директора», каковую пришлось скрести, мыть, убирать, когда послали в прислуги. Нашла записку, случайно оставшуюся от любовной игры хозяев: «Мой любимый муж, я хочу спать. Твоя Герта. Хайль Гитлер!»

Не выдержала. *«При чем тут Гитлер?!»*

Автор «Железной воли», живописавший подвиги далекого предка Елены Ивановны, мог бы ответить на этот вопрос: «Таковы были дикие поступки... которые теперь, в наше порицаемое время, были бы невозможны, или их наверное нынче зачли бы за психопатию».

Впрочем, вот картинка из того самого времени, которое порицает Лесков. В доме — экономка, закоренелая старая дева. *«Мальчики Трубецкие (внуки старой княгини) суют ей в постель чучело мужчины, после чего эта экономка окуривает свою каморку и кропит ее святой водой».*

Надо ли что-нибудь прибавлять к этой зарисовке, чтобы она вросла в лесковский текст? Меж тем это — из повести Елены Вишневской. Причуды старо-барского быта диктуют ей интонацию «пожатия плеч»: интеллигентка советских времен смотрит на ту реальность из этой, в которой она.

Итак, истоки. Родословное древо, раскопанное сотрудниками «Киевской старины» при Александре Третьем, а корнями уходящее во времена петровские, обнажает то ли венгерские, то ли сербские истоки. Шаг в сторону: тетка отца выходит замуж за князя Долгорукого, от брака с которым рождается дочь Катрин, впоследствии чуть не ставшая императрицей при Александре Втором. Шаг в другую сторону: сестра отца выходит замуж за князя Трубецкого, то ли Рюриковича, то ли Гедиминовича, там царят легенды, а главное: брат князя — декабрист.

Таким образом, на родословном древе Вишневских переплетаются ветви венценосные и бунташные, над коим парадоксом и за-

Елена Вишневская с дочерью, мужем и матерью.

думывается Елена Ивановна, извлекающая имена из старых гербовников.

Лесков объясняет парадокс:

«В мире все причинно... и потому в цепи могут изменяться фасоны звеньев, но тем не менее звено за звено держится, и одно к другому непременно находится в соотношении».

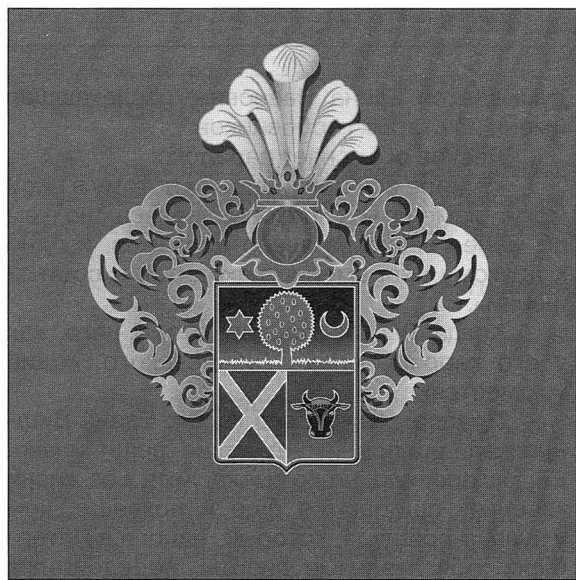
Когда Лесков говорит это, у него, как у его героя Степана Вишневского, «один ус смеется».

Прапра...внучка его героя, Елена Вишневская, воспринимает такие вещи иначе. Ей, как правило, не до смеха. Хотя в ее жизни «звенья» сшибаются еще и похлеще, чем у чудака-пращура, который, нанося в Петербурге обязательные визиты, передвигался на малороссийском возу, запряженном волами. Елена Ивановна ни возов, ни волов не видела, хотя родилась на Украине. Детство ее прошло «среди сдобных праздничных куличей и розовых гиацинтов», в загородном поместье ее деда-камергера либо в киевской квартире родителей, за тяжелыми занавесями, отгораживающими богатую сытую праздную семью от случайных контактов с нищими, шарманщиками и обитателями сырых подвалов.

Жизнь, опасным потоком текущая за окнами, в конце концов, по законам интуитивно

Имение Вишневских «Фарбоване» на Полтавщине. 1910-е годы.

Дворянский герб Вишневских.

выстраиваемой художественной системы оборачивается потоком окруженцев 1942 года, криком «хальт!» за спиной, быстрым шепотом украинок, выдергивающих из потока тех, кого они надеются спасти.

В центре этих скрецающихся потоков — я имею в виду художественную структуру «неструктурированного», «простодушного» мемуарного текста — потрясающий образ.

«Я выросла в атмосфере дворянских, помещичьих интересов. Слово «большевики» в то время произносилось в нашей семье с большой тревогой. «Кто такие эти большевики?» — все чаще и чаще стала я думать. Так хотелось их увидеть. Однажды в один из дней затишья я вышла на нашу улицу. На тротуарах стояли толпы прохожих. Все смотрели в сторону Крещатика, и я увидела, как оттуда по мостовой Фундуклеевской улицы поднимается в гору какая-то темная масса людей. По мере приближения затихали оживленные разговоры горожан и, когда первые ряды идущих поравнялись с нами, установилась на улице уже полная тишина. И в этой тишине плечо к плечу тесным строем, с винтовками за спинами, в темных, рваных кепках, картузах или с забинтованными головами, со следами крови на бинтах тяжелым шагом шли какие-то серьезные, очень усталые люди. Что-то простое, ясное и вместе с тем чрезвычайно значительное было в их лицах, необычайная сила исходила от них. Это была какая-то мощная лавина людей, уверенных в своей правоте.

Как зачарованная смотрела я на них. Кто-то за моей спиной восторженно произнес: «Большевики!»

Более это слово не появляется в мемуарах Елены Вишневской. Но что-то отзывается в ткани повествования — когда командование части успокаивает приехавшую театральную бригаду, еще не знающую, что

происходит: «Положение очень серьезное, мы в окружении, но попытаемся помочь вам, товарищи артисты, вырваться», а когда вырваться не удастся, раненый командир части подымается во весь свой богатырский рост и выкрикивает проклятья подступающим гитлеровцам — автоматная очередь прекращает его мученья. В его последней решимости откликается решимость тех усталых людей, что шагали по Крещатику.

О Советской власти писали всякое: оды, разоблачения. Или «Железный поток», или адская дьяволиада. А это — показания очевидца только. И ни слова — ни о «власти», ни о «партии», ни о «планах и программах». Артистка Вишневская живет вне этих идеологем, она чувствует, как чувствует, — нервами, пластикой души. «Лавина людей, уверенных в своей правоте...» Лавина окруженцев, превращающихся в толпу...

В таком контексте ее собственная жизнь обретает новый смысл. Она кажется изначально путаной, сбивчивой, полной неясностей. С самого раннего детства — ощущение «унизительной неразберихи»: в куче братьев-сестер, воспитывающихся матерями и тетками, собранными вокруг деда, — невозможно понять, кто кому кем приходится. Все отчества подложны, и все покрыто завесой: тайные связи, тайные усыновления, чья-то импотенция, чья-то амурная неудержимость.

«Зачем и кому была нужна эта дурацкая конспирация, эта унизительная неразбериха?.. По-видимому, неписанные законы высшего света требовали сохранять в тайне отклонения от добродетельного образа жизни, а отклонений этих в дворянских семьях было предостаточно».

В дворянских?

А мы-то думали, что практика вольного эроса занесена в 20-е годы в наши добродетельные палестины: безумными революционерками вроде Александры Коллонтай... Выходит, и в благодатной старорежимности расцветали все те же цветы? Кто это объяснит?

Лесков, конечно. Ибо в его «эпопее» верная супруга Степана Вишневского не только усердно поставляет неистовому мужу дворовых девушек в постель, но и выхаживает его внебрачных детей, по каковому поводу автор «эпопеи» невозмутимо констатирует «редкий дар любви со стороны Степана Ивановича, потому что великое множество его детей были писаны за ним «душами» и благополучно исправляли паньщину на его полях».

Елена Вишневская подобной «паньщины» не застает. Она констатирует с честным

Елена Вишневская в детстве.

пожатием плеч: *«Отцы и матери не признавали своих детей и не несли за них никакой ответственности... Мой дед полностью содержал их, да не только их, но и других возможных родственников...»*

А в свой час — без прямой связи — тихий голос девочки в колонне угоняемых в Германию «остарбайтеров»:

— Тетя, скажите, шо вы — моя мама. Я боюсь...

Лейтмотив — это связь потаенная, не зависящая от доводов, неуловимая, и потому — неодолимая.

Вот так же — без видимой связи — о том, что дедушка и окружающие его бабушки «проявляют необыкновенное хладнокровие и выдержку»: они во время обстрелов никуда не прячутся, а играют в карты. За окнами лавина людей, уверенных в своей правоте, сметает старый строй, дедушка вот-вот потеряет все, а он только велит перенести ломберный стол из гостиной в столовую...

Через все занавески и барьеры сквозит фаталистическое ощущение общего потока, и именно оно, это ощущение слитности со всеми, перешедшее от царского камергера к его внучке, артистке Театра Красной Армии, помогает ей сохранить личное достоинство.

Личное достоинство — во все сметающем потоке?

Да. И это — самая потаенная, интуитивно постигаемая загадка исповеди, оставленной Еленой Вишневской.

Вот два эпизода, срифмованные чистым нравственным чутьем.

Первый. Середина октября 1941 года. Театр Красной Армии срочно эвакуируется из Москвы. Артистка Вишневская первым трамваем едет на пункт сбора. *«Я смотрела на суровые лица рабочих, едущих со мной в трамвае, и мне как-то стыдно было за свои чемоданы, будто я бегу от опасности...»* В самом деле, как должны реагировать рабочие на эту отъезжающую даму, когда по улице Горького дома застают вытряхивают из машин намылившись бежать начальников и возвращают их в город?

А вот как:

«...Но вот надо выходить из трамвая. Один из рабочих — пожилой, широкоплечий человек коротко сказал мне: «Я помогу вам», взял часть моих вещей, донес их до подъезда и поставил на тротуаре. Я хотела крепко пожать ему руку, но, повернувшись, увидела уже его спину, удалявшуюся от меня. Вдогонку я крикнула слова благодарности, человек дружески помахал в ответ рукой...»

Второй эпизод. Осень 1943 года. Германия. Завод. Остарбайтеры.

«...При выходе из цеха я почувствовала, как в мою руку кто-то вложил небольшой сверток. В столовой я развернула его и обнаружила дивный бутерброд с колбасой. Кто мой благодетель, я не могла понять, он ничем не выдал себя в толпе. На следующий день все повторилось. Я была начеку, ждала и заметила человека, который приблизился ко мне. Это был старик — немецкий рабочий. Быстро сунул мне сверток и, не глядя,

не сказав ни слова, прошел мимо. Я прощептала слова благодарности, но он не оглянулся...»

Какое запредельное чутье продиктовало перу эти переделки: помог... не оглянулся...

Через линии разрывов, окопов, обстрелов звучит сквозная мелодия человеческой солидарности, спасающей души на грани жизни и смерти.

Вот еще одна, последняя очная ставка. Пунктуальная немка, хозяйка квартиры, оставляет прикомандированную к ней домработницу убрать комнаты, а сама отбывает за покупками.

Убравшись, прислуга вдруг замечает, что квартира пронизана солнцем, что в тишине послеобеденного часа она в квартире одна, что обстановка такая, будто никакой войны вообще нет.

Размечтавшись, прислуга со знаком «OST» на одежде садится за пианино в будуаре фрау и, вспомнив уроки детства, играет «Патетическую сонату».

Дальше:

«Я почувствовала на себе чей-то взгляд. В дверях холла стояла Эффа... Невозможно передать выражение ее лица! Изумление и растерянность чередовались на нем с недовольством и... оскорбленностью. Секунду мы смотрели друг на друга в молчании, затем она процедила сквозь зубы: «Не так быстро надо играть Бетховена» — и ушла с покупками на кухню...»

Еще раз вслушайтесь в развертку смелых чувств в душе хозяйки, принадлежащей к высшей расе: изумление... растерянность... недовольствие... оскорбленность.

Вы можете что-нибудь добавить к этому скальпельному срезу?

Читайте исповедь Елены Вишневской.

Л. АННИНСКИЙ

Елена Вишневская

ПОД СЧАСТЛИВОЙ ЗВЕЗДОЙ

Довезли нас до города Ольденбург и затем автобусом к месту нашего назначения: Фарель у Ольденбурга — общий рабочий лагерь моторного завода...

Завод был замаскирован лесом. Кроме того, над крышами была протянута сетка из искусственной зелени. Все это мы увидели позже, а сейчас в конце дороги заметны были только ворота. Нас туда не повели, а сдали полицейскому и погнали в лагерь. Мы шли по шоссе, обрамленному высокими тенистыми деревьями, за ним расстились поля и раскинулись два крестьянских хозяйства, владельцы которых, увидев нашу группу, бросили работу и с любопытством рассматривали нас. Мы прошли мимо аккуратного домика одного из начальников завода герра Кеффеля и впереди увидели лагерь.

Здесь предстоит нам поселиться и жить долгие дни.

Лагерь. Ровная, без зелени территория, обнесенная колючей проволокой. По ее краям деревянные, одноэтажные бараки зеленого цвета, в центре — умывальная, баня, служебные помещения. Каждый барак разделен на отдельные секции с отдельными выходами. Секция — это общая комната с кладовкой, тамбуром при входе и тремя деревянными ступеньками с улицы. В комнате двухэтажные нары, два длинных стола, чугунная, круглая печка-временка и табуретки с вырезом в форме рогалика в центре сидения.

Мужчин поместили в первый барак, а нас, двадцать пять женщин, — во второй...

Как только мы расселились, появился наш лагерфюрер, полицай Эмиль, глупое, грубое животное, и стал орать, чтобы мы шли набивать мешки соломой. Это были наши матрацы и подушки. Затем каждая из нас получила простыню из бязи, байковое одеяло, пододеяльник и наволочку в синюю клетку. Между нарами стояли высокие шкафики на два отделения. Такие были у нас в России в провинциальных банях. На комнату полагалось два эмалированных больших кувшина для воды, несколько тазов для стирки, чайники, ложки и кружки по числу живущих. Все это коричневого цвета. В кладовке — щетка, швабра, тряпки, помойное ведро. Вот весь ассортимент вещей каждой «штудэ» — комнаты. Этот практичный стандарт, по-видимому, был распространен по всей Германии в лагерях подобного типа.

В непосредственной близости от задней стены нашего барака была натянута колючая проволока, и за ней ходил часовой. Мы узнали, что там помещены военнопленные французы. Иногда мы их видели из своих окон. Бараки гражданских французов находились по другую сторону двора напротив нас, а поблизости от них располагались поляки.

Первые дни мы проходили карантин, были заперты в лагере. Устраивались, мылись в душевых, убрали территорию, знакомились друг с другом, осваивали непривычные условия жизни. В громадном котле привозили нам некое, дурно пахнущее варево из брюквы и моркови, слегка заправленное мукой. Каждый получал миску этой бурды. Девчата ругали немцев, посылали в их адрес проклятия и доедали свои домашние запасы, но вскоре последние кончились, и пришлось перейти на лагерное питание...

Пока мы были свободны от работы на заводе, наш фюрер Эмиль стал совершать сделки с бауэрами (крестьянами), нуждавшимися в рабочих. Вероятно, это было выгодно ему, так как он очень активно взялся за поставку бесплатной рабочей силы. Назначил и меня. Пожилой, тучный немец повез меня и поляка на своей телеге в глубь леса. Высадил нас возле красного кирпичного дома, а сам куда-то исчез. Нас окружал дремучий лес, по-осеннему тихий, без птичьих голосов, шелеста ветвей. У меня было ощущение сказочности. Если бы из дома вышла Баба-Яга, я бы не удивилась. Но вышла вполне реальная, пожилая немка и довольно приветливо поманила нас в дом. Она дала понять, что от нас требуется. Я должна была убрать помещение кухни, лестницу, вымыть посуду. А поляк — очистить конюшню и нарубить дрова.

Впервые я находилась на такой кухне. Пол ее был выложен плоскими натуральными камнями неправильной формы, у одной из стен — большой, закопченный очаг, внутри которого на цепях висит медный котел, деревянная лестница ведет вверх в жилые комнаты, на ней у бокового оконца стоит громадная бочка с каким-то жидким химическим раствором. Заглянув, я увидела, что в него погружены куриные яйца, меня ошеломило их грандиозное количество. Различная старинная кухонная посуда висит на стенах и стоит на полках. Она поблескивает красной медью и кое-где уступает место тяжелым фаянсовым мискам и высоким пивным кружкам. Окна кухни, маленькие, глубокие, смотрят в лес. Дневной свет скупо проникает оттуда в помещение и окрашивает все внутри в зеленоватые тона.

Я принялась за уборку. Поляк ушел в конюшню. Провозились мы часа три. Нас на славу накормили, и крестьянин отвез нас обратно в лагерь.

Поездка эта внесла разнообразие в серенькую, монотонную лагерную жизнь. Я увидела кое-что новое, побывала несколько часов в атмосфере мирного крестьянского быта Германии. Очень он был своеобразен, интересен, будто я посетила один из разделов этнографического музея, где меня, к тому же, отлично еще и накормили!

...Наступил конец карантина. На рассвете в барак вломился Эмиль, будя нас своими выкриками. Мы построились в колонну и пошли на завод. Авиамоторы САМ и БМВ, приходившие в негодность, требовали ремонта. Этим ремонтом и занимался Мотореверк. Рабочие из всех оккупированных Германией стран, а также мобилизованные немцы заполняли цеха завода. Мы оказались в среде голландцев, бельгийцев, французов, итальянцев, поляков, чехов и немцев. Несмотря на то, что Франция и Бельгия в то время уже капитулировали, военнопленных этих стран не отправляли на Родину. Германии нужны были рабочие руки. Итальянцы были пленные из армии Бадольо.

Мы были первые из Советского Союза, так что наше появление вызвало всеобщий интерес. Кроме того, на заводе, за исключением нескольких немцев, не было женщин. Наши девушки не го-

ворили ни на одном иностранном языке, только большеглазая Тамара Т. знала немецкий, да я — французский. Поэтому в цех, где я очищала какие-то детали, стали регулярно наведываться французы, чтобы посмотреть на русскую женщину и перекинуться с ней несколькими дружескими фразами на родном им языке.

Первое время нас рассовали по мелким цехам и конторам, а впоследствии некоторых из нас, в том числе и меня, перевели в громадный цех, где работали иностранцы. Мы стали участниками всеобщего тайного саботажа. Надо полагать, что завод имел план, что происходил учет работы и с кого-то спрашивалось выполнение этого плана, но нам никаких норм не ставили. Надо было только создавать видимость работы, чтобы проходивший по цеху полицай не подгонял. О его приближении сообщали обычно французы, громко произнося какое-нибудь условное двухзначное число: «Двадцать два» или «Сорок четыре». Скоро этот сигнал стал понятен всем нам и принимался во внимание. Прекращались разговоры, оживлялась работа. Но стоило полицая удалиться, как вновь замирала всякая деятельность. Кто-то шел покурить, кто-то продолжал беседу со своим соседом.

Поначалу мы опасались немцев, но потом увидели, что они точно такие же саботажники, как и мы. Мастера, к которому я была прикреплена, звали Август. Это был небольшого роста, смешливый немец среднего возраста и уродливой внешности. Я не могу вспомнить, чем он, в сущности, занимался. То подолгу отсутствовал, то жевал свой завтрак, то посмеивался, слушая анекдоты. Редко его можно было увидеть работающим. По-моему, он избрал надежный способ производить впечатление работяги: при приближении полицая хватал первую попавшуюся деталь и начинал усердно ее рассматривать, глубококомысленно закатывая к потолку глаза, как бы решая сложную техническую задачу. Я с удовольствием наблюдала за его наивными хитростями. Как-то он сказал мне, что у него есть земля, хозяйство, и я поняла, что на заводе он не по своей воле.

В таком же положении, очевидно, были и другие немцы. К нам они относились на редкость дружелюбно. Я не помню ни одного грубого жеста или слова в наш адрес, но держались они изолированно, не искали общения с нами, как, скажем, делали это поляки и французы. Жители северо-запада Германии, они говорили на своем наречии, трудном для понимания. Всегда аккуратно одетые, сдержанные и скромные, как были они не похожи на разнuzданных оккупантов, на тех, кто бесчинствовал на земле моей Родины! В перерыве для завтрака все они одновременно, как по команде, вынимали свои термосы с кофе или чаем, а также пакетики с аккуратными бутербродами, в то время как мы глотали свою голодную слюну или раскуривали на троих одну случайную сигарету.

Рабочий день длился мучительно долго. Он лишен был смысла, лишен цели. Было голодно, холодно! Конец дня завершался кормлением в нашей столовой — бараке на территории завода. И бурда из традиционной кормовой брюквы была желанной. Она все-таки согревала, все-таки немного насыщала.

Однажды Эмиль принес почтовые открытки и сказал, что разрешает написать родственникам на Украину. Я знала, что в Киеве остались при немцах наши старинные друзья старики Пироговы. Послала им двойную открытку со штампом нашего лагеря. На одной открытке я сообщила им о себе и просила «при первой возможности дать знать моей маме по старому адресу». Они поняли мою просьбу. Оторвав вторую открытку, они прислали на ней несколько ободряющих строчек. До тех пор, пока Киев не был освобожден, я обменялась со стариками несколькими такими открытками. Как только они замолчали, это стало добрым знаком: немцы выгнаны из Киева и сообщение Пироговых обо мне пошло на Москву. Так и было! Как счастлива была моя мама, узнав, что я жива!

Со временем нам немного увеличили вечерний паек. Хлеба выдавали по-прежнему крошечный кусочек — грамм восемьдесят на целый день, да и с примесью картофеля или гороха он был, хотя иногда прибавляли немного маргарина или ложку мармелада. Мне хватало выдержки съесть вечером только половину своей порции хлеба, а вторую я глотала утром с кружкой суррогатного кофе. А девчата не выдерживали и до обеда ходили с подтянутыми животами. Выдали нам и спецодежду: блузу и брюки на шлейках уныло серого цвета. Мы их перекрасили сами в черный цвет. Целую неделю наша штубэ в бараке превращалась вечерами в красильню. Нами руководило желание выглядеть аккуратно, подтянутыми. Мы не хотели опускаться и вызывать насмешки немцев. В трудных условиях мы стремились сохранять достойный вид. Затем получили мы фланелевые ночные рубашки и платья, а также резиновые передники. Всем работавшим на заводе выплачивалась зарплата. Даже мы ее получали в именных бумажных мешочках с порядковым номером. Мой № 1234 (он сохранился у меня), на нем написано 17М (марок). Получали мы смехотворно мало, но нам это было безразлично. Ведь мы ничего, кроме открыток, пудры, зубного порошка и сырой моркови, не могли купить в Фареле, если нам туда удавалось попасть. Обычно эти конверты с зарплатой раздавали нам мастера, но иногда надо было получать в кассе, возле кото-

рой неизменно дежурил полицей. Он орал: «Эрсте дойч» (первые — немцы!) и грубо отталкивал иностранцев, если не все немцы успевали получить свою зарплату. Особенно доставалось украинцам и полякам.

Девушки, жившие и работавшие у бауэров, иногда приносили в лагерь сворованное сало. Его мы покупали у них на наши марки. Сало было ценным добавлением к нашему голодному пайку. Поляки нередко продавали нам свои старые пиджаки. Такой пиджак приобрела и я. В цехе было холодно, и пиджак поверх спецодежды был очень уместен. В воскресенье девушки надевали платья, привезенные из своего дома. Мой «туалет», в котором я приехала, изодрался в клочья. Как-то я получила из склада на заводе кучу тряпок для вытирания деталей, среди них попало целиком шелковое черное платье в белые точки — оно, конечно, было здорово изношено, но я выбрала куски и на руках сшила себе блузку. У меня сохранилась фотография, где я как раз в этой блузке.

Как-то со временем все мы начали приспосабливаться к этим новым, трудным условиям жизни. Систематически воровали сырую картошку, если назначали нас чистить ее в воскресенье. Особенно ловко делали это самые молодые. Я долго не решалась, предпочитала быть голодной. Шустрые С. добывали продукты, недоступные другим, очень были они инициативные и лихие. Из них мне особенно нравилась самая молодая — Вера. Она была похожа на цыганочку, всегда веселая, приветливая и полная юного обаяния.

Но вот вдруг странная болезнь стала поражать одну за другой этих девчонок С. Начались у них на руках какие-то громадные, долго не проходившие волдыри. Их отправили в изолятор. Когда мы шли в столовую, то проходили под их окнами и видели их веселые, озорные лица — мало были они похожи на больных. Потом мы узнали, что это была чистокровная симуляция: кто-то научил девушек вызывать нарывы компрессами из чеснока, что они систематически и проделывали. Это изобретение привело в панику лагерного врача (немцы очень боялись эпидемии), а девочек надолго освободило от работы на заводе. К счастью, никто их не выдал, а я радовалась их смелой хитрости.

Странная жизнь началась у меня в Германии. Часто мне казалось, что это вымысел, что это не реальность. Как будто я играю новую роль в неожиданных, доселе мне неизвестных обстоятельствах новой пьесы — пьесы смешанного жанра, где драма, комедия и лирика тесно переплелись в единое целое.

Вот начало дня. За окнами совсем еще темно. Быстро одеваемся, моемся, выбегаем в темный, пронизанный холодной сыростью двор. Вдали мелькают там и здесь огни ручных фонарей — это собираются к отходу на завод поляки, гражданские французы. Наш полицей тоже стоит с фонарем, мы группируемся возле него. Воздух настолько влажный, что вокруг фонаря — кольцо радуги. Голоса в темноте приглушенные, на востоке светлеет полоса неба, с шоссе навстречу нам от утреннего ветра начинают шуметь деревья, и мы двигаемся темной массой в строю по белому асфальту.

Полицей едет рядом на велосипеде и бесцеремонно наезжает на того, кто нарушил строй. Полицей любит порядок, но он любит также и пение в строю. Командует, чтобы мы пели. Поем «Москва майская», с особым чувством подхватываем припев: «Кипучая, могучая, никем непобедимая...» А то поем и военные песни: «Гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход...» Диву даюсь, как мог наш полицей не понимать, какого характера песни мы поем! Ведь мы произносили имена Ворошилова, Сталина — а он никогда нас не обрывал. На завод мы приходили после наших песен повеселевшими, приободрившимися.

Иногда, подходя к перекрестку, где в шоссе вливается вторая дорога из лагеря, мы слышали приближающийся мощный свист пленных французов. Их группу вел фельдфебель Вольф. Французы не пели, а всегда свистели свои песни. Так наше пение и их свист постепенно сближались и на перекрестке должны были слиться. Боже мой, какая суматоха началась у Вульфа и нашего полицей! Оба они, охваченные паникой, принимались в два голоса выкрикивать слова остановки, запрета: «лосс» и «хальт» чередовались с быстротой и силой выстрелов, оба стража суетились, один подгонял свою группу, другой задерживал на месте свою, чтобы помешать нашему столкновению, как будто оно могло угрожать нам трагическими последствиями. И нас, и французов эта паника смешала до слез.

На территории завода мы расходились по разным направлениям, по своим рабочим местам.

Я вхожу в громадный цех, похожий на авиационный ангар. Мне всегда кажется, что он внутри голубой — это утренний свет просачивается через стекла. Тишина. Станки и машины застыли в ожидании. Острый запах машинного масла смешивается с запахом лесной зелени. В тишине цеха слышен каждый шаг, каждое движение. Кто-то неторопливо готовит свое рабочее место, кто-то вполголоса беседует со своим товарищем. Вот один из них мелодично засвистел. Постепенно прибывают поляки, французы, немцы. Проходят мимо меня: «Дзень добрый, пани!», «Бонжур, ма-

дам! Са ва?», «Морген!» Охотно отвечаю на их приветствия. Мы все — товарищи. Я чувствую себя частью коллектива. Это бодрит как утренняя зарядка.

Но часто я представляла себе, с какой самоотдачей и гордостью за свое дело я работала бы у себя на своей родной земле! Все было бы иначе, все не так, как здесь — на чужбине! Здесь эта так называемая работа только помогала несколько забыться, убить мучительный день. Да и не работал ведь никто по-настоящему. Больше делали вид. Кому было интересно выкладываться? Во имя какой цели? Никому! Даже немцы не старались. «Криег ист шайзе», — любили говорить они (война — это г...о). Мы с ними были более чем согласны.

В один из сумрачных осенних дней, когда мелкий дождь лил, не переставая, с утра до конца работы и настроение было более чем подавленное, при выходе из цеха я почувствовала, как в мою руку кто-то вложил небольшой сверток. В столовой я развернула его и обнаружила дивный бутерброд с колбасой. Кто мой благодетель, я не могла понять, он ничем не выдал себя в толпе. На следующий день все повторилось. Я была начеку, ждала и заметила человека, который приблизился ко мне. Это был старик — немецкий рабочий. Быстро сунул мне сверток и, не глядя, не сказав ни слова, прошел мимо. Я прошептала слова благодарности, но он не оглянулся.

Ежедневно после конца рабочего дня я получала эту желанную милостыню. Я ждала этого момента с волнением, потому что сильнее его материальной ценности была ценность моральная. Глубокая сердечность этого очень старого человека трогала меня до слез. Днем я никогда не видела его. По-видимому, он приходил ко мне из другого цеха перед самым уходом с работы и, слившись с толпой, незаметно делал свое доброе дело. Так длилось больше месяца. Потом внезапно прекратилось, и я больше не видела этого чудесного человека. Узнать, что с ним случилось, я не имела возможности.

У нас в цехе была одна высокая, хорошенькая немка. Типичная «Гретхен» или «Луиза» с большими голубыми глазами на всегда улыбавшемся лице. Не помню, чтобы она хоть единым словом обмолвилась с нами, но однажды поманила меня в укромный уголок и сунула две пары вполне пригодных для носки туфель. После голубых «хольцшувэ» — ботинок на деревянной подошве, выданных нам вместе со спецодеждой, — эти туфли показались мне божественно красивыми. Опять я была растрогана актом человеческой доброты. Это была не только бескорыстная, но еще и опасная помощь, т.к. если бы на эту немку был донос в гестапо, ей бы не миновать самого сурового наказания за помощь восточной рабочей.

И, наконец, еще два случая. Месяца через два после нашего поселения в лагере у меня начались какие-то странные нарывы на ногах. Возможно, возникли они от систематического голодания, начавшегося еще на Украине, а может быть, я заразилась, испулавшись в грязном пруду, или застудила ноги в ключевой воде; не знаю, что это было, но похожи эти нарывы были на оспу. В лагере медицинское обслуживание осуществлялось малограмотным фельдшером. Это был молодой, наглый немец, позволявший себе грубые шутки с нами и чаще всего выгонявший нас, своих пациентов, с бранью из медпункта, если мы приходили к нему за каким-нибудь лекарством. Нечего говорить, что я совсем не стремилась обращаться к этому типу за помощью, но вызывал его в барак Эмиль, т.к. у меня начался жар, кружилась голова и я не могла выйти на работу. Фельдшер пришел с пинцетом, разорвал им все мои бесчисленные нарывы, что было адски больно, и удалился, даже ничем не продезинфицировав образовавшиеся раны. Я ждала после этой возмутительной операции самых пагубных последствий, но судьба была ко мне благосклонной: заражения крови не последовало. Нарывы покрылись струпьями, которые постепенно подсыхали, а температура стала нормальной. Я начала ходить на завод, но еле могла передвигать ногами, они стали тяжелыми, распухшими. Кровь пульсировала и отдавалась острой болью в каждой пораженной воспалением точке.

Эмиль решил показать меня врачу и погнал в числе других больных в Фарель. Помню, что, дойдя до города, я совсем выбилась из сил и стала отставать. Дурак Эмиль оглядывался на меня и во всю глотку, голосом бешеного осла орал: «Вишневецкая, лосс, лосс, шнеллер!» Проходящие мимо нас горожане вздрагивали от этих воплей и пугливо озирались на нашу странную процессию. Так добрались мы до врача. В приемной у него сидело несколько пациентов. Я рада была отдохнуть и прийти в себя после тяжелого, унижительного пути. Когда подошла моя очередь и я, прихрамывая, поплелась к кабинету, то увидела, что один из пациентов внимательно, с выражением взволнованности смотрит на меня. Настолько выразительно было его лицо, что, выходя из кабинета, я захотела еще раз увидеть его. Он стоял спиной к окну и в упор смотрел на меня. Мне показалось, что он провожает меня взглядом до самых дверей. Я вышла на улицу, посмотрела в окно, человек пристально смотрел на меня, приблизив свое лицо к самому стеклу.

Странное чувство охватило меня. Чем могла заинтересовать я того человека? Больная, бледная, плохо одетая, со знаком «Ост» на пиджаке — вряд ли я была похожа на женщину, с которой хочется познакомиться.

Прошло несколько дней. Был поздний вечер. Наш барак гудел разговорами, вспыхивающими ссорами, догорали угли в чугунной печи, кто-то доедал свой скудный паек, кто-то стирал свою спецовку, словом, был обычный вечер после работы. Со двора вошла одна из девушек и сказала, что меня хочет видеть какой-то немец. Я вышла из комнаты и в темном тамбуре столкнулась с тем человеком. Через полуоткрытую дверь нашей штабэ его лицо было освещено. Я видела, как он взволнован, и мне сделалось не по себе. Так мы стояли друг против друга несколько секунд без слов, а затем он протянул мне сверток и прошептал по-немецки: «Здесь... Я сам сделал для Ваших больных ног...» Не совсем понимая, что это такое, я поблагодарила его, и тогда он спросил: «Не могли бы Вы пройтись со мной? Я хотел бы с Вами поговорить!» Я пыталась объяснить ему, что нам запрещено и я здесь почти как пленная, но от смущения все слова вылетели у меня из головы, и я смогла только сказать: «Я не свободна». С оттенком большого разочарования человек выдохнул: «Ах зо!», почтительно попрощался со мной и исчез в темноте лагерного двора.

Трудно было понять, как он проник в лагерь, как разыскал меня. Все это было таинственно. А в свертке оказались наивные, кустарной работы шлепанцы из рыжего плюша. Они так пригодились моим больным ногам! И я долго вспоминала с благодарностью этого странного человека, который подарил мне кусочек своего сердечного тепла.

Много позже, когда я некоторое время работала служанкой в доме директора завода, мне поручала его жена кое-что купить в городе. В частности, систематически ходила я в булочную за хлебом. В Германии была карточная система. Однажды я получила хлеб, но карточку мне вернули с неотрванными талонами. Первое мое побуждение было исправить ошибку, но более сильное желание — вдосталь наесться — пересилило его, и я ничего не сказала продавщице. В тот же день к вечеру я получила по этим талонам дополнительный хлеб, спрятала его в своей каморке и с наслаждением ела два дня. Я радовалась рассеянности продавщицы и моей удаче.

В следующий раз я получила хлеб, получила от нее карточку, взглянула на нее... и не поверила своим глазам! — талоны опять не были оторваны. Продавщица заметила мое замешательство. Подобие ободряющей улыбки скользнуло по ее строгому лицу, она протянула руку, вновь взяла мою карточку, вырвала талоны и... выдала вторую порцию хлеба. Я чуть не бросилась ее целовать от радости. Так систематически я подкармливалась ею. Ее благодеяние могло быть замечено хозяином булочной или кем-нибудь из посетителей, но она смело шла на риск и, как только была удобная минута, делала свое благородное дело.

Все эти люди были друзьями среди врагов. Может быть, они были коммунистами, антифашистами, может быть, просто добрыми людьми. Забыть их невозможно!

Декабрь, как и все зимние месяцы на северо-западе Германии, совсем не похож на нашу русскую зиму. Из-под тонкого слоя изредка выпадающего снега ярко зеленеет трава, воздух мягкий, всегда влажный, больших морозов нет. Мы были плохо одеты, и такой климат вполне нас устраивал. Правда, досаждали частые, затяжные дожди, когда мы насквозь промокали в своих пиджачках и курточках по дороге к заводу или к лагерю. Но так или иначе мы высыхали, и это было менее мучительно, чем если бы пришлось страдать от мороза.

Дошли слухи о великих Сталинградских событиях. Весь лагерь забурлил, возбужденный радостными известиями. Эмиль стал злым как бешеная собака. В свете новых обстоятельств немцы решили укрепить руководство лагеря. Однажды мы не услышали отвратительного голоса Эмиля ни днем, ни вечером. На следующий день — то же самое. Эмиля отозвали, переместили, а может быть, послали на Сталинградский фронт? Так или иначе, но мы его больше не видели. К нам прислали молодую фашистку — фрейлен Анни. Она собрала нас в бараке русских и нагло заявила: «Когда с вами говорит немецкая женщина, вы должны встать!» К счастью, я не сидела. Девочки нехотя встали с мрачными лицами. Фашистке что-то не понравилось в лагере, и она не осталась командовать нами.

Вскоре прибыл новый полицаи — герр Эумэ. Это был интересный тип. Лет сорока пяти — пятидесяти, плотный, энергичный, аккуратно затянутый в свою черную форму, он сразу же внес дисциплину и строгий порядок в наш сумбурный лагерный быт. Он был умен как вышколенный сторожевой пес. Его холодные светло-серые глаза успевали заметить любую неполадку в лагере или в нашем поведении. В его действиях чувствовался опытный надсмотрщик. Вечером все бараки закрывались, во двор на ночь выпускались две овчарки. С этими овчарками Эумэ входил и к нам по утрам с возгласом: «Ауфштэен!» (вставать!) Он приблизил к себе украинца Васыля, подхалима и доносчика, который помогал ему быть в курсе всех лагерных дел. Были назначены постоянные банные дни. Регулярно проводилась серная дезинфекция барачков. К нашему питанию были прибавлены — маргарин, ложка мармелада или сахара.

На Рождество завод не работал. Мы занялись уборкой лагеря. Длительно пребывать в тесном мирке нашей штабэ было для меня тягостно. Избыток свободного времени я заполняла шитьем, мастерила себе что получалось из разных тряпок или заучивала по словарю немецкие слова.

Приближался новый, 1943-й год. Я предложила девочкам отметить его приход. Они с радостью согласились. Вечерние пайки мы отложили до 12 часов ночи. Кто работал на кухне, принес краденной картошки. Мы сварили ее. Без пяти минут двенадцать я выключила свет и предложила посидеть всем в темной тишине каждая со своими мечтами, желаниями и надеждами. В полночь я начала бить ложкой по тазу и после двенадцатого удара включила свет. Эмоциональный заряд этой скромной театрализованной процедуры превзошел все ожидания. Многие плакали. А потом мы съели свои пайки, вареную картошку, выпили по кружке суррогатного кофе и пожелали друг другу счастья, возвращения на Родину, прекращения войны. Было ощущение подлинного единения, крепкой дружбы и настоящего праздника. Мы были переполнены добром и светлыми надеждами. Заснули мы с верой в близкое счастье.

...Каждое воскресное утро мы шли чистить картошку на кухню завода. Эумэ назначал состав человек из десяти — пятнадцати. Сидели в тесной каморке подсобного помещения над подвалом. Нас обслуживал военнопленный француз Макс. Это был красивый, горбоносый блондин, на обязанности которого была грязная кухонная работа. Он поднимал нам из подвала очередные порции картошки. Заодно мы просили его достать нам оттуда брюкву или морковь и ели их как лакомство. Макс был влюблен в Иру М. и старался чаще появляться в нашей компании. Тут шли у нас беседы, воспоминания или пелись любимые песни, в то время как наши ножи мелькали над картошкой. Два громадных котла заполнялись не скоро. Иной раз руки трудно было поднять от усталости, но так или иначе конец этой работе приходил. Перед отходом в столовую представлялась возможность немного своровать очищенной картошки, но требовалось тщательно замаскировать ее, т. к. повар Пампель и повариха Анна всегда стояли в это время в дверях кухни и следили за нами. Несколько раз девочки попадались, получали хорошего тумака от старого Пампеля и выслушивали брань Анны. «Русишэ швайнэ! Швайнерайн», — орала она и отбирала картошку, а то еще доводила до сведения Эумэ, и тогда в наказание он заставлял чистить сортир или лишал виновниц выхода из лагеря. Эти репрессии по борьбе с хищениями, конечно, не останавливали девочек. Перед сном сваренная в бараке картошка была так вкусна, так необходима!

Я долго терпела, не решалась на подобное воровство, но один раз попробовала и — о, ужас! Уже благополучно пройдя мимо коварного контроля, услышала «Хальт» Пампеля. Остановилась, спросила, чего они хотят. Оба они смотрели на мою тряпичную сумку и не отвечали. Я издала протянула им ее и спокойно спросила: «Хотите посмотреть?» Они что-то тихо сказали друг другу и ответили: «Найн». По-видимому, мое поведение рассеяло их подозрение. Как мне повезло! Помню, что я сильно переволновалась. Представить, что меня мог ударить этот повар, — это приводило в дрожь. Слишком это было бы унижительно!

...Наступил март. Как-то рано утром я вышла во двор и вдруг почувствовала сладкое волнение. Отчего это? Что со мной? Что это за звуки несутся с вышины, из-под облаков? Да ведь это летят журавли! Их нежное курлыканье говорит о весне, о том, что есть на земле счастье, есть настоящая жизнь! С этого дня вся природа стала прихорашиваться, и очень рано вступила в свои права весна. Бурно зазеленели кустарники, деревья. Воздух стал прозрачным, ароматным, настроение у всех нас повысилось. Раздвижные двери цеха стояли весь день открытыми, и сосны приветливо махали нам мохнатыми лапами своих ветвей.

Однажды во время перерыва я села на пенек под лучами солнца. Подошел скромный, незнакомый француз и предложил мне сигарету. Покурили, немного поговорили и разошлись по своим цехам. На следующий день этот француз появился в цехе. Я видела, как он разговаривал со своими товарищами, а сам посматривал в мою сторону. Подойти ко мне ему не дал обход полицая, но он сделал это на следующий день.

Это был Рожэ Дессайн, военнопленный. Его жена Леон недавно умерла во Франции от чахотки, а дети — девочка Шанталь и мальчик Клод — жили с родственниками. В связи с этими обстоятельствами Рожэ надеялся на свой отъезд во Францию, но единственно чего он добился — это перевода из военнопленных в группу гражданских французов. Покинуть Германию ему не разрешили. Рожэ перебрался в барак нашего двора и теперь мог время от времени видеться со мной, передавать новости о положении на фронте, делиться своими мыслями. Так началась наша дружба.

Рожэ проявлял необыкновенно трогательную заботу обо мне. Сколько раз на него наткнулся Эумэ, когда Рожэ стоял под нашим бараком с миской еды для меня! Эумэ грубо прогонял его. Я просила Рожэ не делать этого, но он не мог преодолеть растущего чувства ко мне и шел на любые унижения ради того, чтобы хоть как-нибудь облегчить мне существование. Ко дню моего рождения он смастерил деревянную коробочку в форме книги, на крышке которой вырезал слово «сувенир» и вставил свой маленький портрет. Несколько позже преподнес такую же вторую, с моим именем, изысканно инкрустированную цветным деревом. Затем подарил рамочки для фото, одна из них представляла подкову, которую держат хоботами два слона, их клыки были сделаны из зубцов обыкновенной расчески. Работа отличалась изяществом и тщательностью, хоть и производил

он ее примитивными инструментами. Эти сувениры теперь всегда находятся на моем бюро. Множество знаков его внимания согревали мои дни: нашел где-то удобную стальную ложку № 00013 и подарил на счастье, купил мне ножик, кошелек, выписал из Франции два словаря, да всего и не перечтешь. Все эти мелочи так нужны мне были, так хорошо служили мне в лагере! А как приятны были его ободряющие записки! Если же приходила продуктовая посылка, он неизменно делился ею со мной, ну а я, в свою очередь, с Надей.

Я понимала, как трогательно заботлив Рожэ, какой он добрый, отзывчивый человек, но чувства мои к нему были скупые, я как бы вся душевно высохла в том огне бурных переживаний и лишений, которые выпали на мою долю. Постоянное ощущение глубокого горя не покидало меня, хотя и смягчилось заботами Рожэ.

...Подходил август месяц. Однажды меня вызвал герр Кеффель, один из многочисленных начальников завода, и сообщил о моем переводе на работу в дом директора. Эта перемена испугала меня. Но Кеффель улыбался и повторял: «Абэр, гут эссэн! Гут эссэн!», словом, ободрял меня предстоящим хорошим питанием. Что-то было стариковски заботливое, доброе в его тоне, и сам он выглядел весьма живописно в своей бархатной куртке, гольфах, пестрых чулках до колен и зеленой шляпе чуть ли не с павлиньим перышком. Этакий старик-тиролец, альпинист! Или, вернее, дедушка в маскарадном костюме!

На следующий день меня отправили в Фарель. Так началась еще одна новая полоса в моей германской жизни. Я стала работать служанкой в доме у Шнайдера.

...Итак, осенью 1943-го из казарменной обстановки лагеря я попадаю в обжитую, уютную квартиру Шнайдеров. По контрасту она мне показалась роскошной, но, конечно, это было преувеличенное восприятие. Никакой роскоши там не было. Обыкновенная квартира интеллигентной семьи среднего достатка. Карл Шнайдер был директором моторного завода. Весной 1943 года у него умерла от родов жена. В самом начале нашей лагерной жизни мы однажды видели ее, она оживленно двигалась по нашему двору и щелкала своим фотоаппаратом, делала снимки наших барачков и всей территории. Это была миловидная маленькая брюнетка лет 40–45. Было что-то ослепительное в ее веселой, энергичной бесцеремонности, как будто она находилась не среди голодающих, усталых людей, а в зоопарке и фотографировала экзотических животных. Возможно, для нее мы и были ими.

Теперь Шнайдер остался вдовцом с 8-летней дочкой Ирмгардт. Две старшие — Инге и Эффа учились и жили в Мюнхене. После смерти их матери Эффу отец вызвал в Фарель вести хозяйство в доме, ей пришлось бросить на время учебу. Меня она встретила довольно приветливо, очевидно, видя во мне свою избавительницу от тяготивших ее обязанностей хозяйки. Эффа не отличалась красотой, скорее ее можно было назвать дурнушкой. Черты лица она унаследовала от отца: острый нос, маленькие глаза в неизменных очках, большой рот с узкими губами. Только цвет волос она взяла от матери.

В первый день я занималась уборкой достаточно запущенной квартиры. На лестнице в белом шкафу находился пылесос с набором всевозможных к нему щеток, тряпки, порошки, мыло — словом, все то, что помогает соблюдать чистоту. В нижней части шкафа хранилась обувь. В России перед войной редко какая семья имела пылесос, а уж скромная наша и подавно, так что я с удовольствием ознакомилась с ним и с арсеналом его рожков и щеток. Кажется, Ирмгардт где-то гостила. По разрешению Эффы, я после уборки комнат могла принять ванну и осталась сторожить квартиру, так как Шнайдер уехал в Берлин, а Эффа отправилась за покупками в город. Перед отходом она выдала мне скромные постельные принадлежности. Я отнесла их в предназначенную мне каморку. Там стояла ветхая железная кровать, небольшой стол и стул. Скошенный потолок круто спускался за изголовьем кровати к полу. Высоко над ним, с выходом на крышу — маленькое оконце, через которое можно было увидеть только жалкий кусочек неба. Отопление отсутствовало. «Камера одиночного заключения», или, если не терять чувство юмора, нечто вроде «Под крышами Парижа».

Приготовив свою постель, я спустилась в нижние комнаты, с упоением приняла ванну и вышла в холл. Был тихий послеобеденный час начала августа. Квартира была пронизана солнцем и блистала чистотой. Я бродила по комнатам в каком-то обновленном душевном состоянии. Легко понять, как я истосковалась по нормальным, культурным условиям жизни. И вот теперь я попала в обстановку, соответствующую моим привычным вкусам. Отчетливо помню все комнаты, их расположение и характер мебелировки. Вся квартира уютная, удобная. Она напоминала о мирной довоенной жизни, будто не было горя, не гибли на фронтах люди, не творили чудовищные злодеяния фашисты! В казенной обстановке лагеря мы ощущали войну, хоть и шла она за границами Германии; здесь же, в квартире Шнайдера, время как бы остановилось на рубеже, не дойдя до войны. В тишине послеобеденного часа я находилась одна в этой квартире и так забылась, так размышлялась, что, как свободная, полноправная хозяйка своей жизни, села за пианино в будуаре фрау и на-

Сохранившаяся лагерная нашивка.

не был произведен в появившихся на дороге немцев. Французские солдаты плакали как дети от бессильной к ним ненависти. А потом, в лагере для военнопленных, Рожэ видел зверские расправы над советскими воинами: фашисты по несколько дней морили их голодом, затем швыряли сырой картофель, и каждого, кто бросался его поднять, тут же расстреливали.

Живя у Шнайдера, я чувствовала себя более свободной, чем в лагере. Не было маршировки в строю, не было окриков, команд, даже знак «Ост» я никогда не надевала. Шнайдер никогда со мной не говорил, только здоровался, да и видела дома его я редко. Эффа вела хозяйство кое-как, не контролировала мою работу, не требовала особой тщательности. Я была сыта и могла отдохнуть от лагерного шумного быта. Плохо ли, хорошо ли, но у меня был теперь свой угол — это не отопляемая каморка под самой крышей, где я после трудового дня начала вести дневник или совершенствовала знания французского и немецкого языков.

Наконец появилась в доме Ирмгардт. Острая мордочка, быстрые, хитрые глазки. Сперва она приглядывалась ко мне, помалкивала, но часто ссорилась с сестрой, очевидно, не желая ей подчиняться. Но вот наступил день, когда приехала новая жена герра Шнайдера — мачеха его дочерей, и все в доме резко изменилось.

Я помню это утро, когда она вошла на кухню, любезно улыбаясь, поздоровалась со мной за руку и выдала мне два куска хлеба и ложку мармелада на завтрак. Банку с остальным мармеладом она отнесла в чулан, дав мне этим понять, что одной ложки с меня хватит. А я уже привыкла к тому, что Эффа не делала подобных ограничений, и взяла из банки еще одну ложку. На следующее утро моя порция ждала меня на кухне, а чулан и холодильник были на запоре. Это было очень неприятно. Я сухо извинилась, и доверие ко мне было восстановлено. С этого дня двери чулана и холодильника всегда были открыты.

Фрау Шнайдер, урожденная Герта Молли, была дочерью близкой Шнайдерам семьи. Шнайдер знал Герту много лет, на его глазах она из молодой девушки стала женщиной лет сорока. Как я поняла из ее рассказов, она жила в Берлине отдельно от своих родителей, вела свободный холостой образ жизни, работала в рентгеновском кабинете медицинского учреждения. Шнайдер был старше ее лет на 12. Она была умна, интеллигентна, сдержанна. Среднего роста, стриженная блондинка с карими глазами, пухлым ртом и вздернутым носом. Не красивая, но пикантная женщина с красивой фигурой. Думаю, что брак этот был не по любви, а по обоюдному расчету. Ему срочно нужна была хозяйка и воспитательница для Ирмгардт, а ей, вероятно, надоел холостяцкий образ жизни, да и возраст уже требовал обзавестись своим настоящим семейным очагом.

Войдя в дом, она сразу же крепко забрала хозяйство и воспитание падчерицы в свои руки, как будто стремилась выдержать экзамен на звание образцовой жены, очевидно, это так и было. Однажды она мне сказала, что покойная жена Шнайдера была прекрасной хозяйкой, по-видимому, Герте хотелось во всем восполнить Шнайдеру его утрату. Эффа пробыла с мачехой всего один день и безоглядно умчалась к себе в Мюнхен.

В первый же вечер без Эффы, когда Ирмгардт отправилась спать наверх в детскую, а я за-

чала играть «Патетическую» сонату. Отрезвление не замедлило наступить. Я почувствовала на себе чей-то взгляд. В дверях холла стояла Эффа... Невозможно передать выражение ее лица! Изумление и растерянность чередовались на нем с недовольством и... оскорбленностью. Секунду мы смотрели друг на друга в молчании, затем она процедила сквозь зубы: «Не так быстро надо играть Бетховена», — и ушла с покупками на кухню. Она постеснялась быть со мной грубой.

Прошло несколько дней. Эффа покупала продукты, готовила еду, препротивно облизывая ложку после каждого помешивания, а я занималась черной домашней работой. По воскресеньям ходила в лагерь или встречалась с Рожэ и гуляла с ним в дивном, начинающем желтеть лесу. Нам было о чем поговорить. Помню рассказ Рожэ о том, как в Арденнах он сидел в засаде со своими солдатами, ожидая появления немецкой мотоколонны. Все было готово для разгрома врага, и вдруг был объявлен приказ о капитуляции Франции. Ни один выстрел

канчивала уборку кухни, молодожены в кабинете пили вино, я долго слышала смех фрау и урчание ее Карла. А наутро, убирая кабинет, я нашла на полу смятую записку: «Мой любимый муж, я хочу спать. Твоя Герта. Хайль Гитлер!» Меня сразило! При чем же тут Гитлер?! Я чуть громко не расхоталась.

В кабинете на низком шкафу стояли в рамках портреты Гитлера и Геринга. Шнайдер был национал-социалистом, по убеждению или вынужденно — не знаю. При новой жене он стал со мной общительнее. Однажды не поленился даже притащить ко мне на кухню глобус и стал объяснять, что немцам не хватает жизненного пространства — поэтому они воюют. Он как бы оправдывался!

Моя фрау установила строжайший порядок в доме. Она умела планировать, распределять, контролировать, экономить, придерживаться расписания и распорядка дня, поэтому жизнь в доме пошла как хорошо отрегулированный механизм. Мне были выданы ключи от квартиры, которыми я закрывала на ночь дверь, уходя к себе на мансарду. В 7 часов утра я должна была открыть ее и уже стоять у белого шкафа на лестнице, чистя обувь семьи, а затем шла на кухню, ставила чайник на плиту и варила Шнайдеру неизменный жидкий «геркулес» на воде. Шеф страдал язвой желудка. В восьмом часу через холл в ванную кокетливо скользила фрау в нарядном ночном пеньюаре. Затем она появлялась на кухне с неизменной сияющей улыбкой на лице. Она входила с таким видом, как будто преподносила себя мне в подарок. Таким мог быть выход актрисы в роли молодой, счастливой хозяйки. Фрау начинала свой трудовой день, она молола и затем варила в стеклянном сосуде кофе, превращая этот несложный процесс в подобие торжественного ритуала. Я придирчиво следила за ее действиями, меня раздражала ее усердная экономность, казавшаяся мне тогда скаредностью. Случайно упавшие на пол зерна кофе она тщательно разыскивала, старый хлеб не выбрасывала, а складывала в определенное место, сушила в духовке и затем давала мне колоть сухари, уходя из комнаты, она никогда не забывала гасить свет.

В России моя семья жила скромно, но безалаберно, без плана. Иной раз «густо», иной раз «пусто», словом, по принципу «как получится». Экономить, считать каждый кусок было скучно, непривычно. Весь круг наших друзей и знакомых отличался такой же бездумной расточительностью. Можно ли считать это достоинством? По-моему — нельзя. И вот, несмотря на мое внутреннее сопротивление, я в результате отдала должное разумности фрау и ее умению рационально вести хозяйство. В дальнейшем я кое-что взяла от нее на свое «вооружение». Сколько раз, придя ко мне, она переставляла на столе кухонные принадлежности так, чтобы мне удобнее и быстрее было работать, делать меньше движений. Это было, когда я чистила картошку, или лушила горох, или пербирала ягоды. Во всем ею руководили рационализм и экономия. Так она была воспитана своими родителями, всем укладом их семейной жизни. А может быть, это и национальная черта?

После завтрака я пылесосила все комнаты и вытирала пыль с предметов. Комнаты блистали чистотой. В установленные дни были генеральные уборки, когда я выносила на балкон матрасы и мягкую мебель, выбивала их, обметала потолки, стены, шкафы и мыла всю кухню. Круг моих обязанностей был велик: я чистила кастрюли, мыла посуду, стирала и вываривала белье, гладила его, чистила овощи, частично готовила еду, покупала продукты, ходила в город по разным поручениям и выполняла множество дополнительных услуг.

Мой день был загружен до предела. Фрау не выносила пауз в моей работе и тут же искала мне новое дело. К вечеру я до такой степени уставала, что плелась в свою каморку, едва передвигая ноги. Может быть, именно поэтому из всей квартиры мне больше всего нравилась лестница. По ней поднималась я, закончив утомительный рабочий день, а если и работала на ней, то находилась в одиночестве и чувствовала себя свободнее и спокойнее, чем в комнатах квартиры. Лестница давала мне возможность побыть наедине с самой собой и обрести душевное равновесие, которое нарушалось в течение дня моей требовательной фрау.

И тем не менее у меня остались добрые воспоминания о моей энергичной, зажимистой хозяйке. Она была умна, деловита, достаточно тактична со мной и интеллигентна. Эти ее качества меня устраивали. Конечно, и у меня, и у фрау бывали срывы во взаимоотношениях, но — как исключение, а в основе мы уважали друг друга.

...Открылся второй фронт. О высадке американцев в Шербурге я услышала на улице, когда покупала молоко...

Начались систематические налеты на Фарель. При первых звуках воздушной тревоги вся семья спускалась в подвал. Фрау Шнайдер никогда не забывала прихватить с собой маленький чемоданчик, очевидно, в нем находились все ее драгоценности. В подвале была прачечная с большим котлом и две больших кладовых, у Шнайдеров там всю зиму стояли на полках банки с домашними маринадами, соленьями, бутылки с соками, даже из бузины фрау делала сок. Так на фоне этих аккуратных заготовок во время воздушных налетов торжественно располагалась вся семья. Я же с упорством фаталистки оставалась в своей каморке. Как-то ночью была особенно сильная бомбежка, я лежала в своей постели, снизу из подвала меня настойчиво звала фрау, а мне не хо-

телось двигаться. Надо мной, казалось, разламывалось небо от грохота взрывов, а в душе росло ликование. Приближался конец войны!

20 июля 1944 года — день великой надежды — покушение на Гитлера. Хорошо помню, как обе мои фрау возбужденно о чем-то говорили, затем вошли ко мне на кухню и, пытаясь спрятать свое радостное воодушевление, сообщили, что Гитлер убит. Я реагировала сдержанно. А на следующий день читали в газете, что «бог спас фюрера», — какие постные, разочарованные были у них лица! Впервые я оценила этих двух немок по-новому.

Лето 1944 года несло ощутимые перемены. Казалось, сам воздух насыщен обещанием близкого освобождения от наших бед. Каким волнующим был день, когда мощный, торжественный гул заполнил Фарель! Звено за звеном, в течение получаса, строгими квадратами проплывали над городом сотни могучих американских бомбардировщиков, вероятно, их курс лежал на Берлин. Фрау распахнула балкон, лихорадочно закурила, позвала меня и срывающимся от волнения голосом крикнула: «Гелене, берите сигарету, курите! Здесь курите!» Первый раз я закурила в комнатах. Так мы стояли в будуаре, на пороге балкона, задрав головы к небу и дымя сигаретами, — хозяйка-немка и я.

...В начале осени фрау объявила, что меня отзывают в лагерь. Так я простилась со Шнайдеррами. У меня нет оснований посылать проклятия в адрес этой немецкой семьи. В меру своего положения и возможностей все они были человечны со мной, не считая глупой маленькой Ирмгардт, да и та в день моего ухода из дома подарила мне открытку с нежной надписью. Что-то человеческое пробудилось и в ней.

Фашистская пропаганда искалечила не одно поколение. Я с содроганием наблюдала из окна кухни, как на городской лужайке за нашим домом происходила муштра гитлеровской молодежи. Это были мальчишки возраста наших пионеров. Надо было видеть, что вытворяли «командиры» из их же среды со своими подчиненными, сколько жестокости и высокомерия проявляли они, требуя беспрекословного повиновения от своих товарищей! На моих глазах формировались характеры будущих палачей.

Итак, я вернулась в лагерь. На память о фрау у меня сохранился обрывок забракованного ею фото, который я вынула из мусорной корзины. На меня смотрит энергичное, в чем-то немного смешное лицо женщины, которая имела возможность быть моей мучительницей, но не стала ею и оставила о себе все-таки хорошие воспоминания.

...Пожалуй, к этому времени можно отнести наш концерт самодеятельности в помещении кантины, где обычно обедали французы и немцы. Не помню, по какому поводу он состоялся, но сам концерт ярко запомнила, потому что после длительного перерыва в моей актерской профессии я впервые выступила с чтением. Перед отъездом на фронт, в марте 1942 года я познакомилась со стихотворением К. Симонова «Жди меня», которое, если не ошибаюсь, первоначально было напечатано в одной из газет. Оно сразу же пленило меня своей искренностью и горячей сердечностью. Простые, точные его мысли были так естественны, так органичны, как будто я сама их выразила именно этими словами. Оно сразу входило в душу. Учила текст в поезде Москва — Юго-Западный фронт. Несколько смущала его интимность. Не потеряется ли она перед особой аудиторией воинов действующей армии? Но первые же концерты рассеяли мои сомнения. Слушали меня всегда с большим вниманием, я поняла, что это стихотворение зажило новой жизнью, оно теперь посвящалось не одному человеку, а сотням, от имени этих сотен бойцов я произносила его. Выразительницей их желаний и надежд, их доверенным лицом делалась я. Между мной и аудиторией возникла дорогая, духовная связь. Стихотворение вселяло веру в то, что любящие дождутся возвращения с войны своих любимых. Позже, когда я осталась одна и терпела бедствия в скитаниях, то в трудные минуты отдельные его строки иногда беззвучно напоминали о себе и поддерживали веру в то, что я выживу. Сейчас это может показаться преувеличением или даже вымыслом, но это действительно было так. Сила подлинного искусства неизмерима. В те минуты сам по себе возник образ моей мамы, и, конечно, это к ней мысленно обращалась я словами стихотворения, этими заклинаниями — «Жди меня, и я вернусь!». В опасные моменты дети зовут только мать. Связь с матерью и потребность в ее поддержке остаются на всю жизнь, хоть иной раз мы этого и не осознаем.

Было это стихотворение и пропуском в доверие. Прочитав его разведчице Наде и ее проводнику Паше, я стала им понятнее, ближе, они ответно открылись мне, поверив в то, что я действительно актриса, попавшая в эти сложные обстоятельства.

И, наконец, концерт в лагере.

Трудно передать ощущение, мною тогда испытанное. Это было не выздоровление после болезни, а, скорее, новое рождение умершей моей профессии. Перед концертом у меня и в мыслях не было того, что я буду чувствовать в нем. Но вот мы расселись на скамейках кантины, вот заиграли поляки на скрипках. Музыка разбудила давно забытые эмоции. Потом на эстраду вышла Ал-

лочка П. В самодельном одеянии из каких-то прозрачных тряпочек. Ей казалось, что она балерина. Ее неумелые, по-юному угловатые движения и позы были трогательны своей наивностью и искренней увлеченностью. Потом кто-то из девушек пел, затем выступил хор из нескольких человек, после чего образовалась пауза, по-видимому, состав номеров концерта был исчерпан. И тут на сцену вышла я. Нет! Я не вышла, меня неожиданно понесло туда, потому что непреодолимая потребность высказаться внезапно возникла во мне. Я очутилась перед знакомыми лицами своих товарищей по лагерю, они ждали, что я скажу. Волнение перехватило мне горло. Глухим, чужим голосом я произнесла первые слова, а потом горячее чувство влилось в строки, и я стала единым целым с моими бедными, страдавшими соотечественниками. Они слушали меня, и слезы текли по их лицам. Плакали даже мужчины. Когда я кончила, ко мне бросились, обнимали, благодарили, просили переписать на память это стихотворение. Каждому казалось, что это именно его мысли, его слова! Видя, какое волнение охватило весь зал, наш лагерфюрер Эумэ потребовал у меня объяснения. Я, как могла, перевела ему по-немецки смысл, он успокоился. Так стихотворение Константина Симонова жило разными жизнями. Посвященное одной женщине, оно перешагнуло барьер интимности и стало моральной поддержкой многих. Если бы Константин Михайлович узнал об этом, я думаю, он был бы доволен.

Последний день 1944 года мы отпраздновали хорошо. С шоссе принесли кувшин молока, сделали крем, испекли лепешки, получился торт с кремом. Пригласили на кофе в наш барак военнопленных французов, те подкупили часового и пришли на полчаса к нам, торжественные, счастливые.

У меня хранится галантное письмо на мое имя с благодарностью за этот праздник. Вот его перевод: «Дорогая Мадам! От имени всех моих товарищей, присутствовавших вчера на славном празднике, так хорошо удавшемся, от всего сердца я Вас благодарю за теплый прием, которым Вы нас удостоили. Мы глубоко тронуты Вашим уважением к нам и молим Бога, чтобы однажды оказаться в горячо любимой Франции или Бельгии, в стране подлинной Свободы. Поблагодарите от нас всех русских девушек за их милое отношение к нам. Деганземан, Фрезен, Вилле, Баптист, Милон. 1-1-1945 г.».

...В начале апреля отправили из лагеря группу гражданских французов. Взволнованный Рожэ пришел проститься и заверил, что будет ждать меня и держать со мной связь, где бы он ни оказался. Оставшиеся в лагере, мы с нетерпением стали ждать отправления в новое место, казалось, отъезд приблизит освобождение.

Наконец, наступил этот день. Радостные и возбужденные, мы погрузились в автомашину. Нас сопровождала молчаливая наша новая смотрительница. Куда нас везут? Она ответила, что не знает. В беспечном, приподнятом настроении, с ощущением близости желанной развязки мы въехали в город Вильгельмсгафен. И тут произошло то непостижимо чудовищное, то невероятное, что готовила нам чья-то злая, черная воля. Проехав через открывшиеся ворота, мы увидели высокий глухой забор, опутанный сетью из колючей проволоки, по углам вышки с часовыми, прожекторы, несколько бараков и в центре двора большой открытый плац. На нем исхудавшие, с очень белыми лицами люди по команде женщины в полицейском мундире то падают плашмя на землю, то поднимаются на ноги, чтобы вновь по команде упасть.

Нас привезли в концлагерь. Онемевшие, парализованные страшным зрелищем, мы выгрузились из машины, и она тут же уехала вместе с нашей фрау, мне показалось, что она плакала, а мы остались в этой зловещей западне, беззащитные, потерявшиеся, тщетно пытающиеся осознать происходящее. Нас загнали в барак, мы столпились в его коридоре, не зная, что нам делать. Появилась уродка, полубезумная русская, лет 16. Невозможно забыть ее страшное лицо: крошечные глаза, как пуговицы, глаза не выросшие, не развившиеся, они близко посажены к переносице, как у птицы, и лишены осмысленности, пустые, ничего не выражающие крошечные «гляделки», рот искривлен в идиотской улыбке — она начальница барака, зовут ее Маруся. Кто-то из заключенных шепнул нам, чтоб мы остерегались ее. Мы старались не смотреть на нее, так она была отвратительна и страшна. По ее команде мы вышли во двор, построились в очередь, получили по железной миске и побежали к котлу. По нашим спинам гуляла дубинка Маруси, и она неистово визжала от наслаждения. Все заключенные бежали в своих очередях, отстающих били. Двор представлял из себя водоворот стремительно движущихся фигур, вырваться из этой цепи не было возможности. Получив баланду, мы вернулись в барак и, хоронясь в полумрачном коридоре, как будто он мог изменить нашу участь, зажав руками рты, беззвучно рыдали.

И вдруг чье-то дружеское похлопывание по плечу и ободряющие слова по-немецки: «Не плачьте! Все будет хорошо! Я беру вас к себе, на кухню». Это была фрау Марта — повар концлагеря. Ольгу и меня она взяла к себе, и мы целый день были под ее крылом. Это было спасение! С раннего утра до позднего вечера мы укрывались на кухне. Она была для нас своего рода крепостью, защитой от страшной жизни концлагеря. Ни окриков, ни побоев, ни визга идиотки Мару-

си мы не слышали, нам не надо было бегать за баландой и видеть мучения окружающих страдальцев. Мы подчинялись только Марте и старались в благодарность за оказанное ею нам благодеяние работать безупречно. Кухня стояла в углу за бараками, из ее окон не видно было двора, не слышно было криков и стонов, бредовая жизнь концлагеря была скрыта от нас, в то время как остальные наши товарищи являлись ее частью, получали физические и моральные удары.

Марта тоже была заключенной, но вела себя очень свободно. Всегда бодрая и энергичная, она не давала нам пасть духом. После работы мы возвращались в наш барак поздно, когда бедные наши товарки уже спали. Их дни проходили в тупом безделье и безысходной тоске.

Среди дня на кухне появлялись две девки — полицаики в традиционной форме, обе украинки, одну из них — наглую блондинку звали Марией, вторая никогда не встречалась с нами взглядом. Вряд ли у обеих было спокойно на душе в эти приближающиеся к концу войны дни.

Заходил и немец, рыжий, веснушечный, небольшого роста, с заурядным лицом и как будто ничем не примечательной внешностью. Этот человек, как нам шепнула Марта, был палачом, злодеем, извергом. Когда он входил, я внутренне содрогалась и старалась не смотреть на него. Марта же с нами вела себя смело, как хозяйка кухни, кормила их в соседней маленькой комнатке, непринужденно беседовала, а потом, когда наступала подходящая минута, она ловко проникала с передачей еды к заключенному в одиночной камере бельгийскому офицеру, подкармливала его, а может быть, и не его одного, а и других. С нами Марта вела доверительные откровенные разговоры. Зная ее великодушные, мы с Ольгой не побоялись подкармливать Владимира Ш., когда он на одни сутки был заключен в подвал под кухней, а также некоторых исхудавших, шатающихся от слабости иностранцев, иногда появлявшихся в подсобном помещении. Они еле могли шевелить губами, и разобрать, что и на каком языке они произносят, было невозможно, но нам без слов было понятно, что они голодны, и мы поспешно совали в их руки что могли: кусок хлеба, горсть кислой капусты, отварную картошку.

Однажды, как только мы появились утром на кухне, Марта кинулась к нам, сжала наши руки и ликующе прошептала: «Гитлер ист капут!» В этот день среди начальства концлагеря царил замешательство. Несколько раз суетливо забегал палач и в результате, сбросив в каморке свой мундир, переоделся в штатское, и больше мы его не видели. Фашисты разбежались, покидали концлагерь, заматали свои следы. Перевернутые лица были и у девок-полицаяек. Куда девалась наглость той блондинки — арии?! Она стала молчаливой, как и ее товарка, озабоченно они шептались друг с другом, видно, решали, как спастись, избежать предстоящей расплаты.

Когда наступил день нашего выхода из концлагеря, а было это 2 мая 1945 года, обе они, переодетые в скромные платья, смешались с толпой бывших заключенных и вместе с нами влились в большой сборный лагерь. Там мы вскоре потеряли их из вида. Мы жадно глотали воздух свободы, пьянели от него, и не было возможности думать о мщении.

Побывав еще раз на краю гибели и оставшись живой, я теперь уже твердо верила в свою счастливую звезду.

Ведь мы узнали, что весь состав узников этого концлагеря подлежал уничтожению. Но англичане помешали осуществлению намеченного злодейства: они сбрасывали с самолета предостерегающие листовки. Возможно, угроза неминуемой кары или стремительное наступление Советской Армии, при котором палачи едва успевали скрыться, спасая свои преступные жизни, сорвали их дьявольское намерение. Так или иначе, но мы не были уничтожены. Мы жили.

Итак, нас собрал в группу немец в штатском. Мы робко попросили дать нам тачку — у некоторых из нас были кое-какие вещи. Помню наивные наши клятвы «обязательно вернуть эту тачку в концлагерь» — немец посмеивался. Он знал настоящее положение вещей, мы же только догадывались об этом.

Из концлагеря, под конвоем, мы прошли полевыми дорогами 2–3 километра и влились в сборный, международный лагерь. Это был целый поселок. Разместились по большим сараям с высокими потолками, похожими на ангары. А может быть, эта территория и впрямь была бывшим аэродромом?

Не прошло и получаса, как меня разыскал Рожэ.

Два дня прошло в нетерпеливом ожидании завершающих событий. Уже не узники, но еще и не свободные, мы торопили время, а оно тянулось особенно медленно в полном безделье и неопределенности обстоятельств. Кое-где в этом лагере бродили немецкие солдаты, одни из них еще покрикивали на нас, наводя порядок, другие охраняли склады, но все они выполняли свои обязанности вяло, неуверенно, по инерции.

5 мая утром я услышала нарастающий шум, похожий на гул водопада. Это весь лагерь бежал к шоссе, а навстречу возбужденной толпе приближался танк. На нем в картинных позах стояли английские солдаты. Рукопожатия, ликующие возгласы, приветствия! Англичане бросают в толпу плитки шоколада, пачки сигарет и — так же внезапно, как и появился, танк исчез. Как видно, это разведка наших освободителей.

Их появление не остается бесследным. Тут же бывшие военнопленные французы занимают кухню, разоружают немецкую стражу. Немцы без сопротивления сдают свои винтовки, склады с продовольствием открыты. Лагерь кутит, ест тушенку, галеты, на обед получает вкусную стряпню.

Получены сведения о Моторенверке. Французы патрулируют там по дороге, ловят нацистов. Найдены и арестованы Вольф и Эумэ, последний выполняет земляные работы в нашем бывшем лагере. Мне подарили фото, зафиксировавшее этот факт. А директор Зинкубер при появлении англичан, оказывается, прикрепил красную пятиконечную звезду к лацкану своего пиджака. Эти новости веселят, радуют нас, хоть и не все в них понятно. Все празднично настроены, все целыми днями толкуются на открытом воздухе, благо погода теплая, солнечная, все ждут своих избавителей. Мы ждем появления нашего родного Советского командования, представителей Советской Армии. Но по-прежнему никто не появляется, пустынные поля вокруг лагеря, бесшумной лентой убегает куда-то шоссе.

6 мая происходит оживление. Приехала группа английских военных, расставлены пикеты польских солдат. Нам объявлен новый режим: лагерь поступает в распоряжение польского генерала Андерса, который снова ставит нас в положение пленных, с полным лишением свободы... 7 мая проходит в унынии. 8 мая не приносит перемен... Ходят слухи, что нас отправят в Англию.

К вечеру прокрадывается из своего барака ко мне Рожэ. Я не видела его два дня. Он по секрету сообщает, что французам удалось тайком выбраться из лагеря и найти свое командование, у которого они получили официальную бумагу с разрешением возвратиться на родину. Завтра вся французская группа едет домой. Рожэ предлагает мне присоединиться к ним. Я соглашаюсь.

На следующий день рано утром несколько новых «студебеккеров» выстраиваются на шоссе. Вбегает ко мне Рожэ, я следую за ним, наспех прощаюсь со своими товарищами. Машины стремительно загружаются французами, выбегает начальник лагеря, зовет на помощь стражу, запрещает отъезд, но ему великолепным жестом торжественно преподносят пропуск... и он умолкает. Я машу рукой Ольге. Сердце готово выскочить из груди от волнения. «Студебеккеры» плавно трогаются с места, лагерь навсегда исчезает за поворотом шоссе.

...С 14-го мая 1945 года я во Франции в качестве невесты Рожэ. В пути была оформлена бумага за его подписью под названием «Промэс де мариаж» — «Обещание женитьбы».

...Жизнь в Нанте вспоминается как стремительное мелькание дней, насыщенных делами, заботами, новыми впечатлениями. Город сильно пострадал от войны, особенно заметные разрушения были в районах, примыкающих к железнодорожным линиям и к реке Луаре. Тут лежали груды кирпичей на месте бывших домов, но центр сохранился больше, и благодаря этому Нант выглядел как живописный, уютный город. Понравился мне старинный замок, окруженный глубоким рвом. По подъемному мосту мы вошли во внутренний, просторный двор, здесь находилось здание мэрии. А когда мы возвращались оттуда, то на дне рва увидели двух пятнистых ланей, которые с безмятежным изяществом щипали сочную траву. Это было очень красиво. Понравились мне и нарядный пассаж в центре города с его множеством лепных украшений, недалеко от него здание театра в стиле ампира, на площади большой фонтан с выразительными скульптурами, затем многие другие солидные дома и, наконец, Луара — красавица-река, несущая свои могучие воды в близкий Атлантический океан и украшенная древними замками и современными виллами, которые прятались в зелени садов и парков. После потерь военного времени город постепенно оживал. Возвращались из эвакуации постоянные жители, с каждым днем увеличивалось движение транспорта, открывались кафе и магазины.

Нант пытался не отставать от Парижа и спешил предложить модницам изобретательную имитацию подлинных товаров. Это были босоножки на деревянных платформах и «Ба ликид» (жидкие чулки) — флаконы с краской для ног. На улицах продавались «фритт» — ломтики кипящей в жире картошки, излюбленное лакомство французской молодежи, в жаровнях жарились каштаны, шла бойкая торговля живыми цветами. По улицам ходили группами длинноногие, чернокожие канадские солдаты в своих рыжих формах. На площадях располагались передвижные цирки, зверинцы, ярмарки со всевозможными аттракционами, комнатами смеха и разными чудесами.

...Наконец, нам предоставили квартиру в сильно разрушенном доме. Это был высокий второй этаж, куда мы с трудом поднялись по лестнице, заваленной кирпичами. Дверь в квартиру отсутствовала, ее заменяла груда щебня. Так же выглядели и комнаты с лохмотьями обоев, разбитыми стеклами в окнах и в дверях балкона. Из комнаты на кухню и из коридора в другую комнату мы свободно проходили через проломы в стенах. Пришлось положить много труда, чтобы привести эту квартиру в состояние, пригодное для жилья. Мы дружно принялись за работу, и в результате наши усилия увенчались успехом. Рожэ поставил двери, залатал стены, вставил стекла. Я вынесла камни и щебень, отмыла паркет. Как радовался Рожэ, когда было закончено и получилась удобная квартира из двух комнат, с кухней, чуланом и туалетом.

На основные продукты питания еще оставалась карточная система, но помню, что в магазинах не слишком строго ее придерживались. Во всяком случае, в булочной месье Визоно, где

ПОСОЛЬСТВО
СОЮЗА ССР
ВО ФРАНЦИИ
—
КОНСУЛЬСКИЙ СТАВА

10. Май 1946г.
№ 10-52/210

Уважаемая гражданка Вишневецкая,

Имею честь подтвердить получение Вашего письма.

Вы можете вернуться на Родину. Советую Вам, как можно скорей приехать в Париж и обратиться в Советскую Военную Миссию, адрес: *Mission Militaire Soviétique*
4, rue général Appert, 4. Paris 16°

/Проезд бесплатный и никакой визы не требуется/.

Пересылаем Вам письмо полученное на адрес Советского Консульства и предназначенное Вам.

Консул СССР во Франции

/Емельянов/

Емельянов

	Signature du Titulaire: <i>Višnevskaya</i>
	Nom: <i>Višnevskaya</i>
Prénoms: <i>Hélène</i>	Né le: <i>30 mai 1907</i>
Née le: <i>14 mai 1905</i>	à: <i>Stic</i>
au: <i>13 mai 1948</i>	de: <i>Jean</i>
VALIDITÉ TERRITORIALE NON VALABLE POUR LES DÉPARTEMENTS DE MOSELLE HAUT RHIN ET BAS RHIN	né le: <i>30 mai 1907</i>
Délivré le: <i>26 octobre 1945</i> par le Préfet de Seine-Maritime POUR LE PRÉFET Le Chef de Division Délégué	et de: <i>Alexandrine Michaelowa</i>
	née le:
	à:
	Profession: <i>Sans</i>
	Nationalité: <i>Russe</i>
	Mode d'acquisition de cette nationalité: filiation, mariage, naturalisation (rayer les mentions inutiles).
	Situation de famille: <i>célibataire, marié, veuf, divorcé</i> (rayer les mentions inutiles).

Французское удостоверение личности Е. Вишневецкой. Вверху — письмо из советского посольства во Франции.

я всегда покупала хлеб, этим карточкам не придавали особого значения. Рожэ отдавал их сразу за весь месяц добродушному хозяину-толстяку, а потом приходила я и покупала хлеб без ограничений, сколько было нужно.

Полюбились мне булки длиной почти что в метр. Поистине это были настоящие «батон» — по-русски «палки». До войны у нас в России таких не выпекали. Черного хлеба я во Франции никогда нигде не видела. Мясо мы ели только по воскресеньям, когда я, как правило, готовила «беф а-ля карот» — тушеное мясо с морковью, а всю неделю питались овощами, благо их такое привлекательное разнообразие было во Франции. Чаще всего я делала суп из лука-порая, а ели его мы, набросав в тарелку куски белого хлеба, которые размокали в бульоне и казались нам очень вкусными.

...Оформляя в Нанте «карт дидантитэ» — удостоверение личности, я не подвергалась допросам, не заполняла анкет. Комиссар полиции только спросил меня: «А вы действительно не немка, а русская?» И, видя мое искреннее негодование, тут же заулыбался и вручил документ. В течение полугода наравне с Рожэ я пользовалась дополнительным питанием по специальным карточкам.

Ну а о Рожэ нечего и говорить! Он, как бывший военнопленный, бесплатно получил два комплекта штатской одежды, куда входили обувь, белье и элегантные костюмы. Франция любовно встречала своих сынов и дочерей, возвращавшихся из немецкого плена.

...В театр мы не ходили. Не было лишних средств, да и Рожэ не испытывал никакой потребности в этом. Он был далек от искусства театра, от живописи, от художественной литературы, его духовные запросы вполне удовлетворяли ежедневная газета и воскресное посещение кино. Он был честный работяга, талантливый модельер по дереву, хороший семьянин и добрый, деликатный человек. Мне кажется, что в любом, даже самом аристократическом обществе он держался бы с достоинством и никого не шокировал бы своим поведением, а между тем он вышел из простой рабочей семьи и не имел специального образования. Ему присуща была глубокая внутренняя интеллигентность. Он был спокоен, тактичен, чувствителен к переживаниям других. Вот почему он смог без колебаний разрешить мой отъезд в Париж. Он видел, как я тоскую по маме, по Катюше, как я рвусь на Родину. При первой же возможности он дал мне денег на поездку в столицу для того, чтобы я связалась с нашим посольством и определила свои дальнейшие действия.

Всю ночь я ехала в сидячем вагоне, утром в окне купе увидела сначала окраины Парижа с садовыми участками, крошечными летними домиками, а потом стеной пошли вдоль поезда дома, и удивило меня обилие тонких труб на крышах. Это был целый густой лес непривычно тонких труб. Париж в основном отапливался каминами. Это были трубы каминов.

Я посетила советскую военную миссию, дала сведения о себе, написала в Москву маме два письма. Начальник миссии любезно выдал мне бумагу, позволяющую бесплатно пользоваться железнодорожным транспортом для последующих приездов в Париж.

17 октября я получила советский заграничный паспорт. Для этого надо было зарегистрировать мой брак с Рожэ, что мы и проделали в советском консульстве Парижа. Мое пребывание во Франции получило законное оформление и тем сделало меня спокойнее и увереннее. Вернувшись в Нант, я стала ждать ответа из Москвы.

Он пришел только через четыре месяца. Это было в феврале 1946 года. Я шла с продуктами из города, с балкона увидел меня Рожэ, кинулся навстречу, на лестнице вручил открытку, я сразу узнала почерк мамы, прочла дорогие строки, оба мы заплакали от счастья. Мама и дочь были живы и ждали меня.

Весна и лето проходят в регулярной переписке с Москвой и в серьезных, глубоких беседах с Рожэ. Мы решаем сложную задачу нашего будущего. Каждый из нас не хочет и не может жить на чужбине. Мы приходим к выводу, что наша разлука неизбежна.

...18 июля 1946 года — начало моего возвращения на родину. Это день отъезда из Нанта. Рожэ хотел проводить меня до Парижа. Я отказалась. Растягивать прощание было бы слишком мучительно, особенно для Рожэ. Он оставался с потерей меня, а я, теряя его, приобретала счастье Родины, семьи, профессии.

Последние минуты. Вокзал Нанта. Очень бледное, но улыбающееся лицо Рожэ.

Прощаемся навсегда.

...Начальник советской военной миссии, очаровательного радушия человек, предоставляет мне широкое гостеприимство в уютном особняке миссии на улице генерала Аппара. Я свободна, я целыми днями брожу по Парижу...

...Восемь дней промчались как один день. А дальше — не было конца растущему счастью!!!

Рассвет 26 июля. Аэропорт Бурже. Я сажусь в военный самолет «Дуглас», и через несколько часов я на родной земле, в Москве, со своими!

Меня окружают любимые люди!!!

Я вновь — актриса Театра.

...В фойе московского Дома Актера ВТО на улице Горького есть мраморная доска, на которой золотыми буквами высечены имена актеров, погибших на фронте. Среди них имена моих товарищей:

Елена Вишневская. 1949 г.

- А. Корзыков (Саша)
- В. Пильдон (Веня)
- А. Романова (Тося)
- Б. Рудый (Боря).

Я назвала свои воспоминания о войне «ПОД СЧАСТЛИВОЙ ЗВЕЗДОЙ».

В этом нет преувеличения.

В самом деле, если проследить все сложнейшие, а зачастую даже смертельные обстоятельства, в которых я оказалась, то станет ясно, что судьба меня щадила и отстраняла от меня мою гибель. Мало того, что я осталась в живых, мне еще удалось сохранить душевное равновесие и не потерять рассудок от кошмаров пережитого. Четыре мучительных года я жила с ощущением тяжелого горя. Боль за судьбу дорогой Отчизны, за кровно близких мне людей никогда меня не оставляла. Можно было от этого сломиться — потерять волю к жизни, но этого не произошло.

Почему же?

Думаю, не произошло по нескольким причинам. Прежде всего, это то, что природа наделила меня физическим здоровьем и душевным оптимизмом. Затем — сыграли свою значительную роль и обстоятельства, которые сначала складывались опасно и мучительно, а в результате всегда оказывались щадящими мою жизнь, как будто действительно вела меня по трагическим дорогам войны моя счастливая путеводная звезда!

Помогала мне и моя профессия актрисы.

А самое главное, я считаю, это то, что жили во мне большая надежда и глубокая вера в благополучное будущее. Вдали от Родины я ощущала ее могучую, животворную силу. Я была связана с ней нерасторжимыми духовными узами. Я верила в ее Победу. Это давало мне возможность не падать духом, выстоять, сохранять человеческое достоинство.

Такое состояние или, иначе говоря, моральную настроенность можно назвать — чувством Родины. По-видимому, чувство Родины и было моей счастливой путеводной ЗВЕЗДОЙ!

НЕСКОЛЬКО ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ СТРОК

Очень хочется все обобщить, сделать выводы и предложения, хотя, скорее всего, этого и не требуется.

Собранные тексты написаны в разном ключе и трудно сопрягаются друг с другом.

Краски живой жизни и истории всегда перемешаны, они то искрятся радостью, то заливаются смехом, то иссыхают от скорби, они тонут в противоречиях и часто ставят друг на друге крест.

Это не безмолвное генеалогическое древо, усыпанное датами рождения и смерти, хотя и сухие, безлиственные ветки вселяют мистическое почтение.

Петр Великий мощно встряхнул Россию, прорубил окно в Европу и сделал страну прибежищем для авантюрных шведов, немцев, сербов вроде Федора Вишневского, неутомимых искателей счастья и богатства, напоминающих конквистадоров. Это были сильные и деятельные люди, активно строившие Империю.

Пушечный дым и кровь на полях сражений.

При Анне Иоанновне, Елизавете Петровне и Екатерине Великой оформилось и закрепилось дворянство, оно процветало и при последующих царях, империя пошла

и вширь, и ввысь. Вишневские мирно жили и плодились под имперским крылом, случались семейные раздоры, экономические неурядицы, тяжелые болезни, но все же звук трубы оптимистичен, жизнь беспечна, жить прекрасно и в Киеве, и в Фарбоване, и в Ницце, и вообще.

Начало конца.

Блок заблуждался, назвав XIX век «железным и жестоким», но он пророчески предчувствовал:

*Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).*

Еще больше пушечного дыма и крови.

Первая мировая война и Октябрьская революция свалились на Вишневских, как перестройка на наше поколение, — устройство жизни казалось непоколебимым и вечным, и вдруг...

Потеря всего, жалкое существование, престарелый Гавриил Иванович с женой в «уплотненном» доме продают фарфор и серебро, которые не успела растащить ныне равноправная дворня. Чтобы не голодать.

За блеск Империи платят по суровым счетам, и достается обычно не тем, кто виноват.

Больше всего страдают те, кто попал под руку Истории.

Молодая актриса Елена Вишневская, хорошо запомнившая свое дворянское детство, буквально прошла через жернова войны, попала в фашистский плен и чудом избежала ГУЛАГа по возвращении на Родину.

История на ней отыгралась, но она уцелела, а разве это не счастье?

Жизнь продолжалась.

Послевоенные годы уже освободились от мощных потрясений. Наши отцы и деды столько пережили, что насытившаяся кровью История переваривала трупы и не тянулась к мясорубке.

Актриса Катя Вишневская-Любимова мыслила советскими категориями, ей и в голову не приходило, что в год ее преждевременной смерти Россия сделает мучительный прыжок в будущее (или в прошлое), в стране появится Дворянское собрание, а родственники убиенного большевиками императора начнут брататься с новой властью.

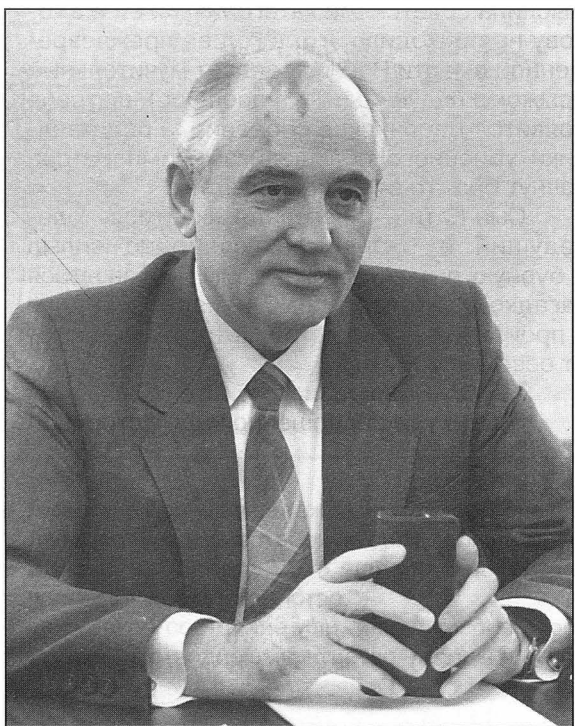
Сын Кати — Александр Любимов, телеведущий и бизнесмен, свободно вплыл в бурную рыночную экономику, оставшуюся загадкой для его мамы и папы, женился и произвел на свет детей, которым предстоит осваивать XXI век.

Тезис — антитезис — синтез.

Но это уже совершенно иная История.

«Другой кандидатуры у нас просто нет»

Из рабочей записи заседания Политбюро ЦК КПСС
11 марта 1985 года

М. С. Горбачев.

В начале 1980-х годов Михаил Сергеевич Горбачев был признанным политическим лидером, начавшим трудный процесс демократического обновления государственного-бюрократического социализма в СССР. Однако с избранием на Февральском (внеочередном) Пленуме ЦК КПСС в 1984 году Генеральным секретарем ЦК КПСС К. У. Черненко М. С. Горбачев из почти официально объявленного преемника умершего Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова оказался на положении рядового члена Политбюро, его будущее стало неопределенным. В период пребывания на посту генсека К. У. Черненко в связи с плохим состоянием его здоровья между членами преж-

него партийного руководства, «верными брежневцами», и «андроповскими питомцами» обострилась внутривнутрипартийная борьба за пост следующего Генерального секретаря ЦК КПСС. Н. А. Тихонов, В. В. Гришин, Г. В. Романов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин пытались помешать М. С. Горбачеву занять пост генсека. Сам М. С. Горбачев это время использовал для укрепления своих позиций среди тех, кто должен был голосовать на Пленуме ЦК КПСС по вопросу об избрании нового Генерального секретаря ЦК КПСС, — секретарей обкомов, военачальников, министров. К концу 1984 г. Михаил Сергеевич Горбачев мог рассчитывать на поддержку преобладающего большинства членов ЦК. Но ему предстояло еще завоевать главный бастион — Политбюро ЦК КПСС, добиться единогласной поддержки его членами своей кандидатуры. Ведь именно рекомендация Политбюро вносилась формально на обсуждение, а реально на одобрение ЦК. Обстановка же в Политбюро оставалась неопределенной. «Надо сказать всю правду: это были тревожные дни. Могли быть абсолютно другие решения. Была такая реальная опасность, — отмечал бывший в то время секретарем ЦК КПСС Е. К. Лигачев, выступая 1 июля 1988 г. на XIX Всесоюзной конференции КПСС. — Хочу вам сказать, что благодаря твердо занятой позиции членов Политбюро товарищей Чебрикова, Соломенцева, Громыко и большой группы первых секретарей обкомов на Мартовском Пленуме ЦК было принято единственно правильное решение»¹. Следует отметить, что в этой ситуации значительную роль сыграла позиция А. А. Громыко, одного оставшегося в живых из «узкого круга» членов Политбюро ЦК, принимавших принципиальные решения в брежневские времена: он не только поддержал, но и первым выступил с рекомендацией кандидатуры М. С. Горбачева на пост генсека на заседании Политбюро ЦК КПСС.

Известно, что ни сам М. С. Горбачев, ни его соратники не доверяли одному лишь здравому смыслу и чувству ответственности членов Политбюро и поэтому приняли меры предосторожности. Используя опыт внутрипартийной борьбы за власть в 1957 г., когда Н. С. Хрущев, уже почти снятый «антипартийной группой», был спасен подоспевшими на выручку членами ЦК, они сконцентрировали в здании ЦК КПСС группу по-боевому настроенных членов ЦК, секретарей обкомов, с которыми в случае необходимости можно было связаться. «Но прибегать к «запасному варианту» не потребовалось. Встретившись за двадцать минут до начала Политбюро с А. Громыко и предложив ему работать вместе, в том числе и «на других постах», Горбачев включил рубильник, — цепь замкнулась»².

Широко распространена версия об ожесточенной борьбе, которая разгорелась

на заседании Политбюро по вопросу об избрании нового Генерального секретаря ЦК КПСС, о том, что избранию М. С. Горбачева якобы противостояли В. В. Гришин, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев. Как это было в действительности, показывает публикуемый нами протокол исторического заседания Политбюро ЦК КПСС от 11 марта 1985 г. Избранный в тот же день Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачев стал обладателем безраздельной власти в огромной стране и получил возможность существенно влиять на ход мировых событий. Как он распорядился этой властью и как сложилась его дальнейшая судьба — это уже другая история.

Публикуемый ниже документ хранился в бывшем архиве ЦК КПСС (ныне — Российский государственный архив новейшей истории).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 г. Стенографический отчет. В 2 т. Т. 2. М. 1988. С. 85.

2 Грачев А. С. Горбачев. М. 2001. С. 90–91.

Сов. секретно
Экз. единственный
(Рабочая запись)

ЗАСЕДАНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС 11 марта 1985 года

Председательствовал тов. ГОРБАЧЕВ М. С.

Присутствовали т. т. Алиев Г. А., Воротников В. И., Гришин В. В., Громыко А. А., Кунаев Д. А., Романов Г. В., Соломенцев М. С., Тихонов Н. А., Демичев П. Н., Долгих В. И., Кузнецов В. В., Пonomарев Б. Н., Чебриков В. М., Шеварднадзе Э. А., Зимянин М. В., Капитонов И. В., Лигачев Е. К., Русаков К. В., Рыжков Н. И.

1. О Генеральном секретаре ЦК КПСС

ГОРБАЧЕВ. С учетом того, что на заседании присутствуют все члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС, все секретари ЦК КПСС, за исключением т. Щербицкого, который сейчас находится в пути, нам необходимо прежде всего решить вопрос о Генеральном секретаре ЦК КПСС. Прошу товарищей высказаться по этому вопросу.

ГРОМЫКО¹. Конечно, все мы очень удручены уходом из жизни Константина Устиновича Черненко. Но какие бы чувства нас ни охватывали, мы должны смотреть в будущее и ни на йоту нас не должен покидать исторический оптимизм, вера в правоту нашей теории и практики.

Скажу прямо. Когда думаешь о кандидатуре на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, то, конечно, думаешь о Михаиле Сергеевиче Горбачеве. Это был бы, на мой взгляд, абсолютно правильный выбор. Все мы Михаила Сергеевича хорошо знаем. Семь лет мы работаем с ним вместе. Я помню, как Л. И. Брежнев интересовался моим мнением и мнением других товарищей, когда речь шла о переводе М. С. Горбачева на работу в Москву. Я не сомневаюсь, что все мы тогда правильно поддержали это предложение.

Какие черты прежде всего бросаются в глаза, когда оцениваешь кандидатуру Михаила Сергеевича?

Первое — это его неукротимая творческая энергия, стремление сделать больше и сделать лучше.

Второе. Это отношение к людям. Ведь чем выше стоит человек, тем большую роль играет его умение налаживать отношения с людьми, отношения принципиальные и требовательные. Я никогда не слышал о том, что у Михаила Сергеевича преобладают взгляды личного свойства. Нет, у него всегда на первом плане интересы партии, интересы общества, интересы народа.

Третье. М. С. Горбачев обладает большим опытом партийной работы. Это опыт работы в крае, а также в центре. Он работал секретарем ЦК, был кандидатом в члены Политбюро и наконец членом Политбюро. Он вел заседания Секретариата, а затем Политбюро в отсутствие Константина Устиновича. Для такой работы надо иметь не только знания, но и выдержку, партийность. Это очень ценное качество.

Еще одно соображение. Когда заглядываем в будущее, а я не скрою, что многим из нас уже трудно туда заглядывать, мы должны ясно ощущать перспективу. А она состоит в том, что мы не имеем права допустить никакого нарушения нашего единства. Мы не имеем права дать миру заметить хоть какую-либо щель в наших отношениях. А всякого рода спекуляций по этому вопросу за рубежом предостаточно. А это значит, что все мы должны действовать сплоченно, едино, со знанием полной ответственности за наше великое дело.

Я не претендую на то, что я упомянул о всех качествах Михаила Сергеевича. Но думаю, что мы, не колеблясь, можем сказать, что не ошибемся, если изберем его Генеральным секретарем ЦК КПСС. Хочу еще раз подчеркнуть, что он обладает большими знаниями, значительным опытом, но этот опыт должен быть помножен на наш опыт. И мы обещаем оказывать новому Генеральному секретарю ЦК КПСС всевозможное содействие и помощь. На это содействие и помощь Вы, Михаил Сергеевич, можете полностью рассчитывать.

ТИХОНОВ². Мы последнее время много работали вместе с Михаилом Сергеевичем Горбачевым. Особенно тесно мы узнали друг друга в период работы Комиссии по совершенствованию хозяйственного механизма.

Что я могу сказать о Михаиле Сергеевиче? Это контактный человек, с ним можно обсуждать вопросы, обсуждать на самом высоком уровне. Это — первый из секретарей ЦК, который хорошо разбирается в экономике. Вы представляете, насколько это важно. Завтра мы похороним Константина Устиновича Черненко, но вопросы развития хозяйства мы откладывать не можем, они не ждут. Нам их надо будет решать, и решать вместе, так, как мы решали до сих пор, в тесном контакте между Центральным Комитетом партии и Правительством.

Поэтому мнение мое безоговорочное: человеком, который годится быть Генеральным секретарем ЦК КПСС, является Михаил Сергеевич Горбачев. Здесь нужен деятель, который обладает и знаниями, и опытом, и умением работать с людьми. Поэтому я считаю, что мы с полным основанием можем выдвинуть кандидатуру Михаила Сергеевича Горбачева на Пленуме ЦК КПСС.

ГРИШИН³. Мы сегодня решаем исключительно важный вопрос. Речь идет о продолжении дела партии, о преемственности руководства. Генеральный секретарь ЦК — это человек, который организует работу Центрального Комитета. Поэтому на таком посту должно стоять лицо, которое отвечает самым высоким требованиям. Оно должно обладать и знаниями, и принципиальностью, и опытом, и, кроме того, очень большой терпимостью. Мы вчера вечером, когда узнали о смерти Константина Устиновича, в какой-то мере предрешили этот вопрос, договорившись утвердить Михаила Сергеевича председателем комиссии по похоронам. На мой взгляд, он в наибольшей степени отвечает тем требованиям, которые предъявляются Генеральному секретарю ЦК. Это широко эрудированный человек. Он окончил юридический факультет Московского университета и экономический факультет сельскохозяйственного института. У него большой опыт партийной работы. Поэтому я думаю, что у нас нет и не может быть другого предложения, кроме предложения о выдвижении М. С. Горбачева для избрания на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Что касается нас, то мы каждый на своем посту будем активно его поддерживать.

Поэтому я полностью присоединяюсь к предложению, которое было сейчас внесено на заседании Политбюро.

СОЛОМЕНЦЕВ⁴. Мы действительно, товарищи, решаем очень важный вопрос. Ведь от Генерального секретаря очень многое зависит в повседневном проведении в жизнь политики нашей партии. Я знаю Михаила Сергеевича Горбачева еще по работе в Ставрополе. Он и там оставил о себе хороший, долгий след. Поэтому мы поддержали предложение Л. И. Брежнева о переводе

т. Горбачева на работу в Москву. Теперь мы уже семь лет работаем вместе. Михаила Сергеевича отличают неукротимая энергия, стремление активно вмешиваться в события. Когда он занимался сельским хозяйством, то не проходил мимо других дел, он смотрел на вопросы развития сельскохозяйственного производства широко, комплексно и внес очень большой вклад, чтобы продвинуть вперед и растениеводство, и животноводство, и машиностроение для сельского хозяйства. Ведь как бы над нами ни глумилась природа, мы все же идем вперед в сельскохозяйственном производстве. И немалая заслуга в этом именно Михаила Сергеевича Горбачева.

Что мне в нем особенно нравится?

Это дух новаторства. Он хорошо готовится к заседаниям Секретариата ЦК и Политбюро, вносит при рассмотрении вопросов новые предложения, высказывает интересные мысли. Этот дух новаторства очень ценен. Здесь товарищи уже говорили о его принципиальности и требовательности. Хочу отметить, что эти качества проявляются Михаилом Сергеевичем с большим тактом. В то же время он неуклонно следует в своей работе курсу нашей партии, ее ленинским принципам.

Вот почему я думаю, что другой кандидатуры у нас просто нет, и поддерживаю предложение об избрании Михаила Сергеевича Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС. Нас ждут впереди нелегкие проблемы и во внутренней, и внешней политике. Эта большая работа ложится на плечи Михаила Сергеевича, на всех нас. Уверен, что Пленум ЦК, который соберется сегодня, поддержит предложение об избрании Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачева. Он может объединить наш коллектив, а мы будем ему всемерно помогать.

КУНАЕВ⁵. По вызову из Казахстана на Пленум ЦК приехали 25 человек. Мы представляем двадцать областей, в которых работает 800 тысяч коммунистов. Сегодня в нашем постпредстве в Москве мы встретились, чтобы обсудить вопросы, связанные с Пленумом. И я хочу доложить вам, что мне поручено сказать на заседании Политбюро о том, что как бы здесь ни развернулось обсуждение, коммунисты Казахстана будут голосовать за избрание Генеральным секретарем ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева.

Откуда родилось это наше решение? Оно родилось из практики работы казахстанцев вместе с Михаилом Сергеевичем. У него отличная связь с обкомами партии, с партийными организациями, с коммунистами. А это, товарищи, самое важное. М. С. Горбачев располагает богатым опытом работы. Он работал вместе с Леонидом Ильичом Брежневым, Юрием Владимировичем Андроповым и последний год вместе с Константином Устиновичем Черненко. Мы желаем Вам, Михаил Сергеевич, крепкого здоровья и хотим заверить Вас, что мы все, все коммунисты Казахстана, будем Вашими верными помощниками.

АЛИЕВ⁶. Избрание Генерального секретаря ЦК КПСС — дело серьезное, историческое. На мой взгляд, кандидатура Михаила Сергеевича Горбачева является вполне достойной. Он работал и на Ставрополье, и в Москве, накопил огромный опыт и в партийном, и в хозяйственном строительстве, вырос в большого политического деятеля, деятеля крупного масштаба. Он хорошо знает экономику и внутреннюю политику, проявляет осведомленность во многих областях хозяйственной и социальной жизни.

М. С. Горбачев завоевал большой авторитет у трудящихся нашей страны и в странах социалистического содружества. Что касается контактов с нами, то мы всегда чувствовали его поддержку, его умение сплотить Политбюро ЦК КПСС и Секретариат ЦК.

Михаил Сергеевич — прост, скромно, доступен. Это дает нам возможность с уверенностью сказать, что он вполне справится с обязанностями Генерального секретаря. Поэтому я в полной мере поддерживаю внесенные предложения и хочу пожелать Михаилу Сергеевичу Горбачеву здоровья и больших успехов в работе.

РОМАНОВ⁷. Михаил Сергеевич Горбачев прошел богатую школу жизни. Он начал с низовой работы в комсомольской, потом партийной организации. И здесь проявилось его качество организатора и руководителя масс. Я по своей прежней работе могу сказать, что партийный актив высоко оценивает деятельность М. С. Горбачева. Он эрудированный человек. Например, он очень быстро разобрался во многих сложнейших вопросах научно-технического прогресса. Причем не только разобрался, но и начал нащупывать пути решения многих проблем, связанных с внедрением научно-технических достижений в производство. Николай Александрович Тихонов говорил здесь о работе Михаила Сергеевича Горбачева в Комиссии по совершенствованию хозяйственного механизма. Тон в этой Комиссии задает т. Тихонов, а Михаил Сергеевич, опираясь на отделы ЦК, тактично вносит свои предложения, которые в большинстве своем поддерживаются Комиссией.

В своей работе Михаил Сергеевич очень требователен. Но эта его требовательность сочетается с активной помощью людям, с доверием к ним. Поэтому я считаю, что он будет полностью

обеспечивать преемственность руководства в нашей партии и вполне справится с теми обязанностями, которые будут на него возложены.

ВОРОТНИКОВ⁸. Это очень большая и ответственная задача — выработать предложение о кандидатуре на пост Генерального секретаря. Ведь должна быть подобрана и оценена со всех сторон кандидатура человека, который отвечал бы этим очень сложным функциям. И здесь невольно приходишь к выводу, что сама логика жизни подвела нас к этому решению. Михаил Сергеевич Горбачев явно выделялся среди секретарей обкомов и крайкомов партии. Его важнейшие качества — ответственность, умение прислушиваться к мнению других, знание дела. Вот почему он завоевал большой авторитет среди партийного актива. И все товарищи (а мне пришлось встретиться сегодня с большим числом представителей областных партийных организаций России) высказываются за то, чтобы избрать т. Горбачева М. С. Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Почему в приемной М. С. Горбачева всегда полно людей? Да потому, что он умеет их выслушать и хочет им помочь. В то же время это не добренький руководитель. Он умеет и спросить с человека, умеет потребовать. А это, как вы сами понимаете, для нашей огромной страны весьма важное качество.

В целом, товарищи, я, как и большинство представителей партийных организаций областей России, глубоко убежден, что кандидатура М. С. Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС подходит во всех отношениях.

ПОНОМАРЕВ⁹. Пост Генерального секретаря ЦК КПСС — исключительно ответственный пост. Ведь на нашу партию смотрит не только вся страна, но и весь мир. Для такого поста исключительно важна теоретическая подготовка человека, его идейная выдержанность, его умение поддерживать связи с массами. Всеми этими качествами в полной мере владеет Михаил Сергеевич Горбачев.

В последнее время мы много занимались новой редакцией Программы партии. И я лично убедился, что он глубоко владеет марксистско-ленинской теорией, умеет разбираться в самых сложных программных вопросах. Активную позицию М. С. Горбачев занимает в беседах с деятелями коммунистических и рабочих партий зарубежных стран. Такое умение работать с иностранными представителями исключительно важно для Генерального секретаря ЦК. Поэтому мы все искренне желаем успехов Михаилу Сергеевичу Горбачеву на новом важном и ответственном посту, а каждый из нас будет активно ему помогать.

За последние три года мы потеряли трех генеральных секретарей: Леонида Ильича Брежнева, Юрия Владимировича Андропова и Константина Устиновича Черненко. Но сила нашей партии в том, что мы идем вперед, что мы сплочены, что никакие потери не могут поколебать единства коммунистов нашей страны. Желаем Вам, Михаил Сергеевич, больших успехов в Вашей будущей работе.

ЧЕБРИКОВ¹⁰. Тон сегодняшнему нашему разговору задал Андрей Андреевич Громыко. Он очень правильно сказал, что мы должны смотреть в будущее. Это умение смотреть в будущее, может быть, сейчас важнее всего. Мне также исключительно импонировали слова А. А. Громыко о необходимости сохранения и укрепления единства Политбюро, Центрального Комитета, всей нашей партии в целом. И сегодня, когда мы говорим о Генеральном секретаре ЦК КПСС, мы должны четко оценить, кто тот человек, который сможет выполнить эту сложнейшую задачу. И я уверен, что Михаил Сергеевич Горбачев с этой задачей с честью справится. За эти качества т. Горбачева очень ценили Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов и К. У. Черненко.

Лидер нашей партии должен обладать хорошей теоретической и практической базой. Можно было бы сослаться на ряд статей и выступлений Михаила Сергеевича. Но я назову лишь его выступление на состоявшейся недавно Всесоюзной теоретической конференции. Я думаю, что все из нас заметили, насколько это было смелое и сильное выступление.

Михаил Сергеевич Горбачев — контактный человек. Он умеет прислушиваться к другим, с пониманием относится к затрагиваемым проблемам. А проблем у нас в стране много. И для решения их требуется человек, который хорошо понимает эти проблемы, человек, обладающий большой работоспособностью и эрудицией. Такая эрудиция и работоспособность у М. С. Горбачева есть в полной мере.

Идя сегодня на Пленум, я, конечно, советовался с моими товарищами по работе. Ведомство у нас такое, которое хорошо должно знать не только внешнеполитические проблемы, но и проблемы внутреннего, социального характера. Так вот, с учетом всех этих обстоятельств чекисты поручили мне назвать кандидатуру т. Горбачева М. С. на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Вы понимаете, что голос чекистов, голос нашего актива — это и голос народа. Что касается нас, то мы, со своей стороны, постараемся работать на высоте задач, которые стоят перед Комитетом

государственной безопасности. Сплоченный чекистский коллектив сделает все, чтобы еще лучше работать во главе с Политбюро ЦК КПСС, которое будет возглавлять новый Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

ДОЛГИХ¹¹. Сейчас нам даже трудно оценить исторически значимость момента, который мы переживаем. Я целиком и полностью согласен с товарищами, внесшими предложение о выдвижении кандидатуры М. С. Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Все мы едины в том мнении, что у него за плечами не только большой опыт, но и будущее. Сейчас стране, как никогда, нужен энергичный руководитель, умеющий проникать в существо проблем, руководитель искренний, смелый и требовательный. Поэтому я желаю Вам, дорогой Михаил Сергеевич, здоровья, успехов и всего самого наилучшего. А наша поддержка Вам будет обеспечена.

КУЗНЕЦОВ¹². Я хотел бы прежде всего подчеркнуть, что полностью поддерживаю предложение, которое внесено сегодня на заседании Политбюро. Разделяю также те характеристики, которые здесь давались Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Он очень доступен, умеет быстро вникать в существо вопросов. Это, в частности, относится к деятельности Советов народных депутатов, работу которых М. С. Горбачев отлично знает.

Очень хорошо, что у нас в стране, в нашей партии сложился коллектив, проникнутый единством. Это залог успешного решения стоящих перед нами проблем, залог нашего движения вперед, в будущее. Наши недруги за рубежом надеются на разброд внутри руководства партии, на развал советской системы. В некоторых зарубежных журналах, особенно американских, делались самые невероятные прогнозы, высказывались самые различные домыслы по поводу противоречий внутри Политбюро. Но наше единство ничем не поколебать.

Мы желаем Михаилу Сергеевичу Горбачеву больших успехов. Не сомневаюсь, что советские органы, советские работники, у которых он очень популярен, полностью поддержат эту точку зрения.

ШЕВАРДНАДЗЕ¹³. Очень хорошо, что каждый из нас имеет возможность выступить на этом историческом заседании. Это еще раз характеризует подлинно ленинский коллективный стиль работы Центрального Комитета партии, его Политбюро. Я знал Михаила Сергеевича Горбачева еще до его работы секретарем ЦК КПСС. Скажу прямо, что и после его избрания в Политбюро ЦК он остался таким же простым, скромным и ответственным человеком. У нас огромная многонациональная страна. И я знаю, как тонко и внимательно относится Михаил Сергеевич Горбачев к национальному вопросу. Это великое, важнейшее качество для Генерального секретаря ЦК КПСС. Что касается выдвижения кандидатуры М. С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС, то я скажу прямо — такого решения ждет сегодня вся наша страна и вся наша партия. У меня в этом нет никаких сомнений.

ДЕМИЧЕВ¹⁴. Я скажу очень кратко. Уверен, что мы делаем сегодня совершенно правильный выбор. Михаила Сергеевича Горбачева хорошо знают в нашей стране. Его неплохо знают и за границей. О том, что он умеет работать за рубежом, убедительно показали его поездки в Англию, Канаду, в Народную Республику Болгарию.

ГРОМЫКО. И в Италию также.

ДЕМИЧЕВ. У Михаила Сергеевича Горбачева есть чувство нового, есть широкая эрудиция и организаторский талант. Это обаятельный человек. Ведь не секрет, что после смерти Ю. В. Андропова он занимался всеми вопросами работы Центрального Комитета, но особенно много сделал в области развития нашего агропромышленного комплекса. Без преувеличения можно сказать, что к нему потянулись наши ученые, творческая интеллигенция, писатели. Вообще это вполне достойный человек для такого высокого поста.

ЗИМЯНИН¹⁵. Прежде всего я хочу выразить полную поддержку тому предложению, которое высказано сегодня на заседании Политбюро, и добавить всего две позиции.

Работая вместе в Секретариате ЦК КПСС, мы убедились, насколько активен, глубок и эрудирован Михаил Сергеевич Горбачев. Он умеет выделить главное, а это очень важно, поскольку в Генеральном секретаре ЦК КПСС должны аккумулироваться мнение масс, предвидение будущего. И во-вторых, я всегда находил и нахожу, когда обращаюсь к М. С. Горбачеву, быстрое решение при самом точном знании предмета. Он отличается тем, что постоянно пополняет свои знания. А это самое ценное качество для роста человека. Думаю, что выражу чувство каждого из нас, если скажу, что Вы, Михаил Сергеевич, можете на нас полностью положиться.

КАПИТОНОВ¹⁶. Товарищи очень хорошо сказали здесь о Михаиле Сергеевиче Горбачеве. Я полностью присоединяюсь к этим замечательным словам. Он во всех отношениях достойный человек. У него есть опыт, есть разносторонние знания, острый аналитический ум. Он проявляет большую партийность и принципиальность, ему присуща требовательность к себе и к людям. Поэтому я горячо поддерживаю внесенное предложение и полностью уверен в том, что это предложение будет одобрено нашей партией и нашим народом.

ЛИГАЧЕВ¹⁷. Прежде всего я хочу отметить очень важный зачин, который сделал здесь А. А. Громыко. Михаил Сергеевич Горбачев, несомненно, обладает всеми чертами крупного политического деятеля. Причем у него в запасе еще очень много интеллектуальных и физических сил. Важно также отметить, что для М. С. Горбачева характерен большой азарт в работе, стремление к поиску в малых и больших делах, умение организовать дело. А это, как вы понимаете, имеет огромное значение для всей партийно-организационной работы, для улучшения ее стиля и методов. Эта работа охватывает кадровую политику, деятельность Советов, профсоюзов, комсомола, и с ней хорошо знаком Михаил Сергеевич Горбачев, который пользуется большим уважением в партийных, профсоюзных, комсомольских организациях, в активе нашей партии, в народе в целом. Мне об этом сегодня говорили многие секретари обкомов и крайкомов партии. Выдвижение М. С. Горбачева вызовет чувство гордости в нашем народе, поднимет авторитет Политбюро ЦК КПСС.

РЫЖКОВ¹⁸. Я считаю, что мы сегодня принимаем совершенно правильное решение. При этом мы понимаем, какая огромная, тяжелая ноша ложится на плечи Михаила Сергеевича Горбачева. Мы видим, как на наших глазах он растет как политический деятель, всегда стремится идти вперед, не останавливаясь на достигнутом. Для нас, секретарей ЦК, работа Секретариата — это огромная школа. Она дает большое удовлетворение не только нам, но и всем участникам заседания Секретариата. М. С. Горбачев хорошо знает вопросы общей экономики. Это исключительно важно для Генерального секретаря ЦК КПСС. Да, мы понимаем, ему будет трудно, очень трудно. Но у него есть все данные для выполнения важнейших партийных и государственных функций. Мы, Михаил Сергеевич, будем всегда Вашими верными помощниками.

РУСАКОВ¹⁹. Полностью присоединяюсь к тому, что говорилось здесь о Михаиле Сергеевиче Горбачеве. Это человек с большой буквы. Сегодняшний разговор, связанный с постигшей нас большой бедой, имеет цементирующее значение для всей нашей партии, для Политбюро, для народа. И я уверен, что под руководством М. С. Горбачева нас ждет эффективная, слаженная работа. Михаила Сергеевича хорошо знают в социалистических странах, а это значит, что нас ждет напряженная, слаженная работа всего социалистического содружества. Оставайтесь, дорогой Михаил Сергеевич, таким, каким Вы есть, и все пойдет хорошо.

ГОРБАЧЕВ. Прежде всего я хочу сказать, что самое главное и самое важное состоит в том, что наше сегодняшнее заседание Политбюро проходит в духе единства. Мы переживаем очень сложное переломное время. Нашей экономике нужен большой динамизм. Этот динамизм нужен нашей демократии, развитию нашей внешней политики.

Очень хорошо понимаю, что в конце концов Политбюро ЦК КПСС всегда нашло бы нужное решение, всегда подобрало бы необходимую кандидатуру. Но поскольку сегодня речь идет обо мне, то я воспринимаю все ваши слова с чувством огромного волнения и переживания. С этим чувством слушаю я вас, дорогие друзья.

Предельно ясно понимаю я и то, что речь идет о чрезвычайно тяжелой работе. Вести ее без поддержки, без атмосферы взаимопонимания в Политбюро практически невозможно. Вот почему я еще и еще раз делаю для себя вывод о том, что коллективность и единство — это бесценное качество нашей партии, нашего Центрального Комитета, его Политбюро.

Девять лет моей работы в Ставропольском крае и семь лет работы здесь со всей очевидностью показали мне, что в нашей партии заключен огромный творческий потенциал. Она имеет этот потенциал прежде всего потому, что коммунистов активно поддерживает народ. Об этом убедительно говорят последние выборы в Верховные и местные Советы. Эти выборы олицетворяют великое доверие народа к нашей партии и в то же время показывают, сколь велика ответственность, которая ложится на наши плечи.

Вижу свою задачу прежде всего в том, чтобы вместе с вами искать новые решения, пути дальнейшего движения нашей страны вперед, пути повышения экономического и оборонного могущества Родины, улучшения жизни нашего народа.

Я глубоко привержен идее коллективной работы и думаю, что в ней заключен потенциал, ко-

торый нами еще далеко не полностью используется. Наш коллективистский потенциал должен работать еще активнее, давать еще большую отдачу.

Нам не нужно менять политику. Она верная, правильная, подлинно ленинская политика. Нам надо набирать темпы, двигаться вперед, выявлять недостатки и преодолевать их, ясно видеть наше светлое будущее.

Заверяю вас, что я сделаю все, чтобы оправдать великое доверие партии, ваше доверие, товарищи, сделаю все, чтобы наладить нашу дружную работу. И очень надеюсь на нашу взаимную поддержку, на наше единство.

Здесь высказались все присутствующие члены Политбюро, кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК. Поэтому, насколько я понимаю, мнение ваше единодушное, и мы можем выйти на Пленум ЦК КПСС, который откроется через 30 минут, с единой рекомендацией.

ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО. Правильно.

ГОРБАЧЕВ. Видимо, будет целесообразно, учитывая, что А. А. Громыко выступил сегодня первым, поручить ему внести одобренное Политбюро предложение на рассмотрение Пленума ЦК КПСС²⁰.

ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО. Правильно, можно это поручить А. А. Громыко.

Постановление принимается.

РГАНИ. Ф. 89. Оп. 36. Д. 16. Л. 1–14. Подлинник. Машинопись.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Громыко А. А. (1909–1989) — партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1931 г., член ЦК КПСС в 1956–1989 гг., член Политбюро ЦК КПСС в 1973–1988 гг. В 1957–1985 гг. министр иностранных дел СССР, одновременно в 1983–1985 гг. первый заместитель Председателя Совета министров СССР. С 1985 по 1988 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Лауреат Ленинской премии и Государственной премии СССР. С 1988 г. на пенсии.
- 2 Тихонов Н. А. (1905–1997) — партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1940 г., член ЦК КПСС в 1966–1989 гг., член Политбюро ЦК КПСС в 1979–1985 гг. С 1980 по 1985 г. Председатель Совета министров СССР. Лауреат Сталинской премии. С 1985 г. на пенсии.
- 3 Гришин В. В. (1914–1992) — партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1939 г., член ЦК КПСС в 1952–1986 гг., член Политбюро ЦК КПСС в 1971–1986 гг. В 1967–1985 гг. первый секретарь Московского городского комитета КПСС. С 1985 г. на пенсии.
- 4 Соломенцев М. С. (р. 1913) — партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1940 г., член ЦК КПСС в 1961–1989 гг., член Политбюро ЦК КПСС в 1983–1988 гг. В 1983–1988 гг. председатель Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС. С 1988 г. на пенсии.
- 5 Кунаев Д. А. (1912–1993) — партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1939 г., член ЦК КПСС в 1956–1987 гг., член Политбюро ЦК КПСС в 1971–1987 гг. В 1964–1986 гг. первый секретарь ЦК Компартии Казахстана. С 1986 г. на пенсии.
- 6 Алиев Г. А. (р. 1923) — партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1945 г., член ЦК КПСС в 1971–1989 гг., член Политбюро ЦК КПСС в 1982–1987 гг. В 1982–1987 гг. первый заместитель Председателя Совета министров СССР. В 1987–1990 гг. на пенсии. С 1993 г. Президент Азербайджанской Республики.
- 7 Романов Г. В. (р. 1923) — партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1944 г., член ЦК КПСС в 1966–1986 гг., секретарь ЦК КПСС в 1983–1985 гг., член Политбюро ЦК КПСС в 1976–1985 гг. С 1970 по 1983 г. первый секретарь Ленинградского обкома КПСС. С 1985 г. на пенсии.
- 8 Воротников В. И. (р. 1926) — партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1947 г., член ЦК КПСС в 1971–1990 гг., член Политбюро ЦК КПСС в 1983–1990 гг. В 1983–1988 гг. Председатель Совета министров РСФСР, в 1988–1990 гг. Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР, в 1989–1990 гг. заместитель Председателя Верховного Совета СССР. С 1990 г. на пенсии.
- 9 Пономарев Б. Н. (1905–1995) — партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1919 г., член ЦК КПСС в 1956–1989 гг., секретарь ЦК КПСС в 1961–1986 гг., кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС в 1972–1986 гг. Лауреат Ленинской премии. С 1986 г. на пенсии.
- 10 Чебриков В. М. (1923–1999) — партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1944 г., член ЦК КПСС в 1981–1990 гг., секретарь ЦК КПСС в 1988–1989 гг., член Политбюро ЦК КПСС в 1985–1989 гг. С 1982 по 1988 г. председатель Комитета государственной безопасности СССР. Лауреат Государственной премии СССР. С 1989 г. на пенсии.
- 11 Долгих В. И. (р. 1924) — партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1942 г., член ЦК КПСС в 1971–1989 гг., секретарь ЦК КПСС в 1972–1988 гг., кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС в 1982–1988 гг. С 1988 г. на пенсии.
- 12 Кузнецов В. В. (1901–1990) — партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1927 г., член ЦК КПСС в 1952–1989 гг., кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС в 1977–1986 гг. С 1977 по 1986 г. первый заместитель Председателя Президиума

- Верховного Совета СССР. Лауреат Сталинской премии. С 1986 г. на пенсии.
- 13 Шеварднадзе Э. А. (р. 1928) — партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1948 г., член ЦК КПСС с 1976 по 1991 г., член Политбюро ЦК КПСС в 1985–1990 гг. В 1972–1985 гг. первый секретарь ЦК Компартии Грузии. В 1985–1991 гг. министр иностранных дел СССР. С 1992 г. Глава Республики Грузия.
- 14 Демичев П. Н. (р. 1918) — партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1939 г., член ЦК КПСС в 1961–1989 гг., секретарь ЦК КПСС в 1961–1974 гг., кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС в 1964–1988 гг. В 1974–1986 гг. министр культуры СССР. С 1986 по 1988 г. первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР. С 1988 г. на пенсии.
- 15 Зимянин М. В. (1914–1995) — партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1939 г., член ЦК КПСС в 1952–1956 гг., 1966–1989 гг., секретарь ЦК КПСС в 1976–1987 гг. С 1987 г. на пенсии.
- 16 Капитонов И. В. (р. 1915) — партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1939 г., член ЦК КПСС в 1965–1986 гг., секретарь ЦК КПСС в 1965–1986 гг. В 1986–1988 гг. председатель Центральной Ревизионной Комиссии КПСС. С 1988 г. на пенсии.
- 17 Лигачев Е. К. (р. 1920) — партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1944 г., член ЦК КПСС в 1976–1990 гг., секретарь ЦК КПСС в 1983–1990 гг., член Политбюро ЦК КПСС в 1985–1990 гг.
- 18 Рыжков Н. И. (р. 1929) — партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1956 г., член ЦК КПСС с 1981 г., секретарь ЦК КПСС в 1982–1985 гг., член Политбюро ЦК КПСС в 1985–1990 гг. В 1985–1991 гг. Председатель Совета министров СССР. Лауреат Государственной премии СССР.
- 19 Русаков К. В. (1909–1993) — партийный и государственный деятель. Член КПСС с 1943 г., член ЦК КПСС в 1971–1986 гг., секретарь ЦК КПСС в 1977–1986 гг. С 1986 г. на пенсии.
- 20 Внеочередной пленум ЦК КПСС открылся в 17 часов 11 марта 1985 г. На его заседание по уважительным причинам не прибыли 29 членов ЦК КПСС, 16 кандидатов в члены ЦК КПСС, 9 членов Центральной Ревизионной Комиссии. На повестке дня Пленума ЦК КПСС стоял один вопрос — избрание Генерального секретаря ЦК КПСС. От имени Политбюро ЦК КПСС с предложением избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачева выступил А. А. Громыко. На пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев был единогласно избран Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Публикация *Татьяны КУЗЬМИЧЕВОЙ*

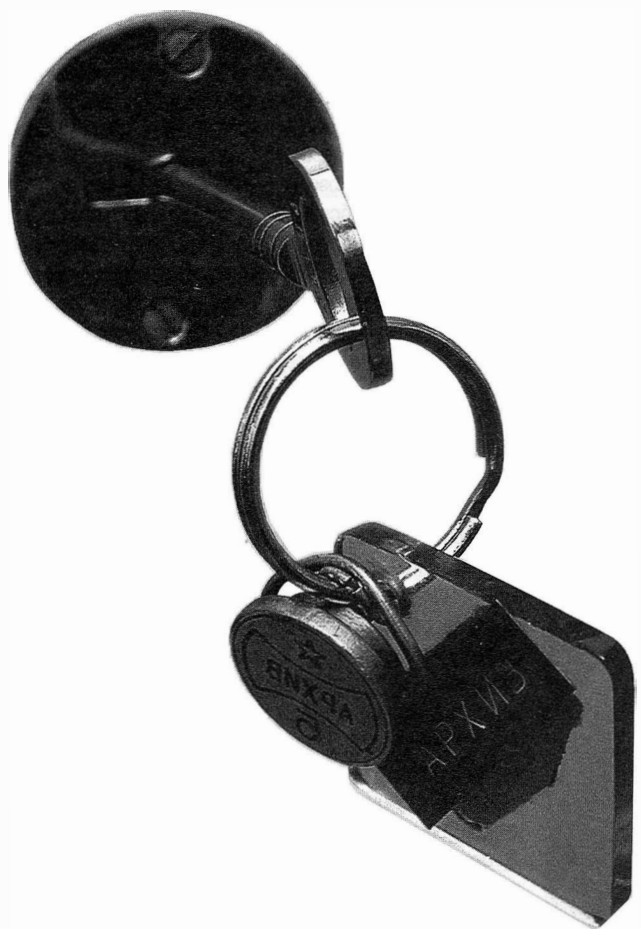
ВЕСТНИК

Архива Президента Российской Федерации

СОДЕРЖАНИЕ

Послевоенный мир
«Скостить половину суммы
репараций... мы можем» 100
Встречи Сталина с руководством СЕПГ

«Скостить половину суммы репараций... мы можем»

Встречи Сталина с руководством СЕПГ

В период нацистского господства многие руководители Компартии Германии проживали главным образом в Москве или в других городах Советского Союза. За эти годы ни лидер партии Вильгельм Пик, ни кто-либо другой из партийной верхушки непосредственно со Сталиным не встречался. Даже члены так называемой «инициативной группы», посланные в конце апреля 1945 г. в районы Германии, имели контакты только с сотрудниками аппарата ЦК или Главного политического управления Красной армии. После окончания войны положение изменилось, поскольку КПГ стала важным проводником советских интересов в Германии. Наряду с многочисленными контактами с представителями руководства СВАГ и СКК в Берлине в Москве состоялась три встречи одного или нескольких представителей руководства КПГ и затем в общей сложности восемь встреч Ульбрихта и представителей руководства СЕПГ со Сталиным и высшими советскими партийными работниками. Эти встречи были, бесспорно, самыми важными советско-германскими контактами до смерти советского вождя¹.

Первые публикации на основе Архива Президента РФ, с обширными выдержками из текстов бесед Сталина с руководством СЕПГ в 1947–1952 гг., появились в 1999 г.² Они основывались на протокольных записях В. Семенова, политического советника при СВАГ и руководителя Советской контрольной комиссии. Он принимал участие в заседаниях Политбюро, на которых обсуждались вопросы послевоенного устройства Германии, а также присутствовал на большинстве встреч Сталина с руководством СЕПГ. Протоколы бесед Семенов передавал секретарю Сталина Поскребышеву³. Чуть ранее были опубликованы материалы, выявленные в бывшем Центральном партийном архиве, ныне Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)⁴.

Очень жаль, что до сих пор не найдено каких-либо документов, освещающих подготовку этих встреч и отношение к ним советской стороны. Это относится и к неофициальным разговорам, которые велись непосредственно перед встречей или после окончания переговоров. Существует лишь книга посещений, в которую были занесены имена тех, кого принимал Сталин, и время их пребывания в его рабочем кабинете. Содержание многих разговоров в точности не известно. В частности, это относится к беседе советского посла в ГДР Пушкина, председателя СКК генерала армии Чуйкова и политсоветника Семенова, а также Молотова и Маленкова со Сталиным. Она состоялась еще до прибытия делегации СЕПГ, и на ней, по всей вероятности, обсуждались вопросы, ставшие в итоге темой переговоров с руководством СЕПГ. Неизвестно также, о чем шла речь 4 мая 1950 г. между членами Политбюро и двумя советскими предста-

вителями, сопровождавшими делегацию СЕПГ, когда они задержались у Сталина после ухода делегации⁵.

В Германии, к сожалению, также нет полных протокольных записей упомянутых встреч. Единственное, чем мы располагаем, это заметки Вильгельма Пика. Хотя они и являются важным источником информации, тем не менее они слишком тезисные и лапидарные. Поэтому источниковая база встреч между руководством КПГ или СЕПГ и Сталиным как с советской, так и с немецкой стороны чрезвычайно скудна.

Это можно объяснить практикой ведения протоколов, утвердившейся при Сталине. Так, с середины 1930-х гг. даже в Политбюро ВКП(б) обычно протоколировалось только принятое решение. Лишь в исключительных случаях составлялся протокол всего хода прений⁶. Участники заседаний у Сталина, как правило, не делали заметок, если не были специально уполномочены на это⁷. Только несколько функционеров из окружения Сталина (генеральный секретарь Коминтерна Георгий Димитров и народный комиссар В. Малышев) вели дневники⁸. Правда, Малышев не зафиксировал высказывания Сталина по германскому вопросу, а Димитров подробно передал высказывания Сталина только в связи с выработкой директив для зарубежных коммунистических партий. В целом складывается впечатление, что участники бесед руководствовались стремлением оставить как можно меньше свидетельств.

Отсутствие документов с немецкой стороны соответствует практике отношений руководства СЕПГ и верхушки СВАГ и СКК: с советской стороны составлялись протоколы, а с немецкой — нет⁹. Наконец, воспоминания советских государственных деятелей практически не содержат сведений о советской политике в отношении Германии. Даже В. Семенов, писавший свои мемуары в то время, когда о многих вещах можно было говорить без последствий, не решился на откровенность. Все это придает большую ценность записям разговоров Сталина с руководством СЕПГ.

Первая из публикуемых бесед касается переговоров 4 мая 1950 г. Речь тогда шла прежде всего о подготовке III партийного съезда СЕПГ, намеченного на 20–23 июля 1950 г. Его важнейшими темами были пятилетний план, новый устав партии и превращение СЕПГ в «партию нового типа», то есть ее дальнейшее преобразование по типу ВКП(б), а также подготовка выборов 15 октября 1950 г. Делегация руководства СЕПГ, которая находилась в Москве 2–6 мая 1950 г., состояла из Вильгельма Пика, Отто Гротевольа, Вальтера Ульбрихта и переводчика Фреда Эльснера¹⁰. Сталин принял делегацию 4 мая в Кремле в присутствии членов Политбюро Молотова, Маленкова, Берии, Микояна и Булганина, а также представителей СКК Чуйкова и Семенова. Встреча состоялась поздно вечером

и продолжалась с 22.00 до 1.15 ночи. В фонде Сталина, в деле «ГДР. Запись беседы И. В. Сталина с руководителями ГДР», имеются составленные В. Семеновым записи¹¹. Они сочетают косвенную и прямую речь, причем последняя, как таковая, точно не обозначена. В равной степени неясно, насколько полно и точно зафиксирован ход переговоров. Имеющаяся машинописная копия содержит в некоторых местах рукописную правку. Поскольку эта копия подписана Семеновым как составителем протокола (без датировки), можно предположить, что корректура, которая к тому же не несет изменений по существу, принадлежит самому Семенову.

Как правило, переводчик – в данном случае Семенов как ведущий протокол – делал во время разговора записи и сразу после его окончания составлял полный текст протокола, иногда в нескольких исправленных вариантах. В особенно важных случаях из протоколов, носящих гриф «совершенно секретно», вычленились куски под грифом «Совершенно секретно. Особая папка».

Публикуемые записи Семенова представляют собой предположительно выправленный им самим текст, который был передан в архив как окончательный или чистовой экземпляр. Единственным иным источником, освещающим встречу Сталина с руководством СЕПГ 4 мая 1950 г., являются принадлежащие Пикку «Записи относительно политики в германском вопросе». Они содержат заметки о ходе поездки, подготовленное Пиком вступительное слово с изложением желательных для немецкой стороны тем беседы, а также тезисы подготовленного им выступления¹². «Записи» Пика воспроизводят также особые «заметки Семенова 7.04.1950 г.»¹³. Сравнение этих «заметок» с публикуемыми записями бесед позволяет предположить, что они ошибочно датированы, так как большей частью передают замечания Сталина во время разговора 4 мая в том виде, как их записал Семенов¹⁴.

Речь в протоколе идет о вопросах, которые накануне встречи уже многократно обсуждались с представителями СКК и частично уже были прояснены руководством СЕПГ до поездки в Москву¹⁵. В соответствии с желательным для СЕПГ ходом беседы Ульбрихт начал с изложения основных принципов выработки пятилетнего плана. По некоторым вопросам Сталин выразил свое согласие под одобрение присутствовавших членов Политбюро, на что руководство СЕПГ могло в большей или меньшей степени рассчитывать. Между тем совершенно неожиданным было внезапное заявление Сталина о снижении (вдвое) репарационных требований к ГДР, при сохранении срока их выплат в 20 лет, т. е. с 1950 г. еще на 15 лет¹⁶. Эту уступку Сталин использовал с тем, чтобы поставить вопрос о значительном, не предусмотренном в плане, повышении заработной платы – не в последнюю очередь в связи с предстоящими в октябре выборами. Об этом повышении зарплаты было объявлено затем в ГДР 3 сентября 1950 г., правда не на 10–15%, как предлагал Сталин, а лишь на 8%.

Улучшение снабжения с некоторых пор рассматривалось советским руководством как важная предпосылка успеха на предстоящих выборах. Эта забота о настроениях населения находила свое выражение не только в выступлениях в пользу повышения зарплаты, но и во многих других высказываниях Сталина и членов Политбюро. В конечном счете это не столь удивительно, нежели тот факт, что, несмотря на все средства притеснения в распоряжении государственной власти, буржуазные партии по-прежнему рассматривались советской сто-

ройной как все еще серьезный противник. В этом смысле совершенно правы те, кто полагает, что лишь согласие на единые списки означало окончательный отказ от свободных выборов, что в итоге и сломило буржуазные партии¹⁷.

В ходе встречи 4 мая 1950 г. не было принято важных политических решений и не согласовано каких-либо радикальных мер. Из «записок» о встрече можно составить впечатление о почти раболопном отношении руководства СЕПГ к Сталину и руководству ВКП(б). Бесчисленные замечания, которые Сталин делал во время беседы по отдельным проблемам, рассматривались, по существу как руководящие указания. Например, Сталин сделал выговор СЕПГ за то, что она, сосредоточив усилия в большей степени на консолидации своей власти в ГДР, не уделяла должного внимания ведению борьбы за популярность в ФРГ. Опираясь на опыт большевистской партии, Сталин заявил, что перспективы развития ситуации на Западе много лучше, чем это изображает Гротеволь, и что следует разглядеть то, что нельзя «увидеть невооруженным глазом», а именно «ненависть к империалистам», даже если народ молчит. Хотя эти утверждения совершенно не отражали реальной действительности, Политбюро приняло решение об «усилении борьбы в Западном Берлине и в Западной Германии» и самокритично заявило, что «руководящие органы партии не должны ограничиваться задачами работы в ГДР». В решениях III партийного съезда сталинские замечания преобразовались в директивы¹⁸.

Два года спустя Пик, Гротеволь и Ульбрихт вновь приехали в Москву в преддверии знаменательных событий. На этот раз речь шла о подготовке II конференции СЕПГ, намеченной на июль 1952 г. Поездка приобретала особую важность в связи с нотой советского правительства западным державам от 10 марта 1952 г., в которой оно выступило с новой инициативой по германскому вопросу¹⁹. С вечера 31 марта по середину дня 8 апреля делегация находилась в Москве²⁰. За эти семь дней большую часть времени, судя по заметкам Пика, делегация провела в ожидании второй из двух встреч со Сталиным. Обе беседы со Сталиным, Молотовым и некоторыми другими членами Политбюро заняли в общей сложности 3 часа 20 минут. Публикуемые беседы отложились в фонде Сталина в Архиве Президента РФ, однако ныне переданы в РГАСПИ. Первая из двух бесед состоялась в день приезда, 1 апреля 1952 г., и продолжалась с 21.00 до 23.10 часов. Она протоколировалась Семеновым. Вторая беседа состоялась за день до отъезда, 7 апреля, с 22.05 до 23.20 часов. Протокол снова вел Семенов. Время и продолжительность бесед не фиксировались. Соответствующие данные получены из журнала посещений Сталина и подтверждаются заметками Вильгельма Пика²¹.

Протоколы уже опубликованы в английском переводе по копиям с оригиналов, хранящимся в Библиотеке Конгресса в «Коллекции Дмитрия Волкогонова»²². При этом протокол первой из двух встреч, как показывает сопоставление текстов, переведен с учетом рукописной правки Семенова. Видимо, публикатор имел дело с копией плохого качества, поскольку не только многие рукописные исправления, но зачастую даже целые пассажи, отдельные слова и цифры машинописного текста опускались как «неразобранные» или были прочитаны неверно. Протокол второй встречи делегации опубликован на английском языке с копии чистового машинописного экземпляра, без пропусков и ссылок на неразборчивые записи. Этот чистовик составлен по первой машинописной копии, отредактированной и подписанной Семеновым²³.

Из существа переговоров и последующих действий СЕПГ в ГДР вытекает, что ее руководство, как и ранее, воспринимало замечания и указания Сталина в качестве руководящих наставлений. Уже 11 апреля 1952 г., на следующий день после возвращения делегации из Москвы, Политбюро СЕПГ приняло обширную программу мероприятий по реализации отдельных замечаний Сталина²⁴. Не заставило себя ждать и отстранение от должности министра внутренних дел Карла Штейнхофа, который, по мнению Сталина, не обладал необходимыми для этой должности бойцовскими качествами²⁵. Упорство в отстаивании собственной позиции берлинские эмиссары демонстрировали лишь тогда, когда речь заходила об экономических интересах и Сталин призывался в качестве третьей стороны. Взаимоотношения и атмосфера разговоров были таковы, что руководители СЕПГ объявляли все, что сообщал им Сталин, как правильное или важное, независимо от того, шла ли речь о смешивании железной руды, о так называемых достоинствах советской системы колхозов, «подлинно марксистском» принципе жесткой дифференциации заработной платы или о существенных изменениях политического курса.

К важнейшим темам бесед относились договоренности о превращении народной милиции на казарменном положении в подразделения национальных вооруженных сил. Они показывают целеустремленность, с которой под давлением Москвы, несмотря на все мирные лозунги, наращивалось вооружение. Предварительные переговоры между Москвой, СКК и СЕПГ проходили уже совершенно открыто. Впрочем, оправдание милитаризации ГДР ничем не отличалось от аргументов в пользу милитаризации Западной Германии или «политики с позиции силы». В этом духе Сталин наставлял «друзей» из Берлина: «Они [западные державы] уважают только силу. Как только у вас появится нечто наподобие армии, они будут разговаривать с вами совершенно по-другому». Важно подчеркнуть, что вопрос о создании армии ГДР был настолько деликатным, что его обсуждение даже не вошло в основную запись беседы. Семенов оформил это отдельным рукописным протоколом (не публикуется).

Наиболее важными и имевшими далеко идущие последствия стали прозвучавшие на второй встрече высказывания Сталина по поводу перспектив развития ГДР. Сталин сообщил немецким товарищам, к их изумлению, что перспектива объединения несостоятельна, поскольку не следует рассчитывать на готовность западных держав пойти на компромисс в германском вопросе, какие бы предложения они сами ни делали. ГДР должна строить свое собственное государство и рассматривать демаркационную линию с Западной Германией как «опасную» и строго охраняемую границу. Только Отто Гротеволь, бывший социал-демократ, который не был столь «большевизирован», как Пик и Ульбрихт, отважился спросить, не следует ли тогда изменить и официальную позицию ГДР в германском вопросе. Однако Сталин заявил, что в целях пропаганды следует поддерживать аргументацию в пользу объединения: «Мы будем и в дальнейшем выдвигать предложения относительно объединения Германии, чтобы разоблачить [политику] американцев».

Это было, мягко говоря, сенсационное сообщение. Еще в 1950 г. руководство СЕПГ получало выговоры от Сталина за их недостаточное усердие в поисках поддержки в Западной Германии в вопросе о заключении мирного договора. Теперь же они услышали, что все это лишь пропаганда. Так ли это было в действительности или нет — это уже другой вопрос. Многие давали повод для спекуляций, например совершенно ошеломляю-

щее заявление о восстановлении советских военных комендатур в ГДР. Несколько дней спустя, 14 апреля 1952 г., согласно постановлению Совета министров, должно было быть вновь создано 140 комендатур, что было осуществлено лишь частично²⁶. Еще более важным является то, что Сталин ни единым словом не упомянул о второй ноте по германскому вопросу, которая была передана западным державам 9 апреля 1952 г., на следующий день после отъезда делегации СЕПГ, и решение о которой было, видимо, принято непосредственно перед встречей с лидерами СЕПГ. Нота шла намного дальше навстречу требованиям Запада по образованию общегерманского правительства на основе свободных выборов, нежели все предшествующие советские предложения. Как и при выработке первой ноты, руководство ГДР не было ни проинформировано, ни проконсультировано, причем о подготовке второй ноты по германскому вопросу до сих пор вообще ничего не известно²⁷.

Возможно, что движение навстречу западным державам в действительности было лишь пропагандой для их разоблачения, как это дал понять Сталин; возможно также, что Сталин только хотел показать берлинским «друзьям» политические орудия пытки на тот случай, если они будут непокорны Москве²⁸; возможно также, что в предложении Москвы заключались ростки того, что получило бы развитие только при признаках готовности Запада к компромиссу. Идущая с пятидесятых годов в Германии политическая и научная дискуссия о том, был ли упущен в 1952 г. шанс объединения или же речь идет исключительно о «мифе упущенного шанса», все же продолжится, несмотря на кажущуюся недвусмысленность высказываний Сталина²⁹.

Вторым потрясением, которое немецкие товарищи пережили в Москве, был упрек в недостаточном выявлении социалистического характера их государства и требование укрепить его, особенно в сельском хозяйстве, путем основания колхозов. Сталин заявил руководству СЕПГ, что народные предприятия и колхозы, которые в целях пропаганды следует назвать производственными товариществами, являются «частью социализма», в качестве таковой их следует «без крика» и признать. Это также было сменой политического курса, которая «имела последствия» (как сразу же подметил Ульбрихт), так как до этого боролись за строительство «демократической» Германии и не говорили о социализме. Но в отличие от Гротевольа Ульбрихт не спрашивал, нужно ли менять «политику», а только — нужно ли менять «прежнюю тактику», то есть рассматривал этот поворот как «тактический».

Последствием сталинских замечаний стало изменение программы II партийной конференции СЕПГ. Речь должна была идти теперь не о мире, единстве, демократическом строительстве и выполнении экономических планов, а, согласно решению секретариата ЦК СЕПГ от 30 мая 1952 г., только о «мире, единстве, демократии и социализме»³⁰. Соответственно этому на II партийной конференции 9–12 июля 1952 г. был взят курс на «строительство социализма». По поводу этого решения в немецкой историографии также разгорелись споры, поскольку даже члены ЦК до самого вечера накануне открытия партийной конференции не были проинформированы, а лозунги конференции не были, как обычно, заранее опубликованы. Отсутствие официальной советской делегации и каких-либо намеков на социализм в советской приветственной телеграмме, а также запоздалое советское одобрение в связи с официальным провозглашением курса на «строительство социализма» давало повод для спекуляций³¹. Некоторые авторы даже

полагали, что СЕПГ действовала самостоятельно или даже оказывала давление на Сталина с тем, чтобы получить одобрение на открытое провозглашение «строительства социализма»³². Многие из происшедшего между посещением Москвы руково-

дством СЕПГ и созывом II партийной конференции остается действительно неясным. Однако содержание беседы 7 апреля 1952 г. доказывает, что о самоуправстве СЕПГ речи идти не могло, а о «нажиме» на Сталина тем более³³.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Badstübner R., Loth W. (Hrsg.) Wilhelm Pieck — Aufzeichnungen zur Deutschlandpolitik 1945–1953. Berlin, 1994. S. 293.
- 2 Wolkow W. K. Die deutsche Frage aus Stalins Sicht (1947–1952)//Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2000. № 48. S. 20–49.
- 3 Semjonow W. S. Von Stalin bis Gorbatschow. Ein halbes Jahrhundert in diplomatischer Mission 1939–1991. Berlin, 1995. S. 231.
- 4 Bonwetsch B., Bordjugov G. Stalin und die SBZ. Ein Besuch der SED-Führung in Moskau vom 30. Januar — 7. Februar 1947//VfZ, 42 (1994). S. 279–303; dies. Die SED und die guten Erfahrungen der Sowjetunion: Pieck und Grotewohl informieren sich in Moskau, 25.3.–1.4.1948//Deutsche Studien. 1994. № 31. S. 95–107.
- 5 Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина. Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком//Исторический архив. 1997. № 1. С. 12, 26.
- 6 Сталинское политбюро в 30-е годы. Сб. документов. М. 1995. С. 10.
- 7 Semjonow W. S. Op. cit. S. 285.
- 8 Georgi Dimitroff. Tagebücher 1933–1943. 2 Bnd. Berlin, 2000. В болгарское издание книги (София. 1997) вошли дневниковые записи автора вплоть до его смерти в 1949 г.; Малышев В. «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти». Дневник наркома//Источник/Вестник Президента РФ. 1997. № 5. С. 103–147.
- 9 См. введение, написанное Elke Scherstoi в кн.: Das SKK-Statut. Zur Geschichte der Sowjetischen Kontrollkommission in Deutschland 1949 bis 1953. Eine Dokumentation. Сост. E. Scherstjanoi. München. 1998. S. 4.
- 10 Пик уже с 16 апреля 1950 г. находился с целью медицинского обследования или санаторного лечения в Барвихе, недалеко от Москвы, и оставался там и после отъезда делегации СЕПГ, вплоть до 23 мая (Badstübner R., Loth W. Op. cit. S. 348. Anm. 1).
- 11 Архив Президента РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 303. Л. 109–146.
- 12 Badstübner R., Loth W. Op. cit. S. 343–348.
- 13 Ebenda. S. 342 и далее.
- 14 «Заметки Семенова от 7.04.1950 г.» содержат во второй части детали по кадровому вопросу СЕПГ, которые в «записях» Семенова от 4 мая не всплывают, хотя и говорится о составе Политбюро и некоторых других личностях. Обсуждение такого рода деталей в Москве представляется скорее маловероятным. Впрочем, расхождения между записями Пика и записями, которые велись с советской стороны, подтверждаются документально. См., например, записи Пика и записи, принадлежащие Михаилу Суслову по поводу встречи между Сталиным и руководством СЕПГ 31.01.1947 г.; Badstübner R., Loth W. Op. cit. S. 112–114; Bonwetsch B., Bordjugov G. Op. cit. S. 294–301.
- 15 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 309. Л. 96. Относительно соответствующих встреч между представителями СКК и руководства СЕПГ сохранились записи, как правило, сделанные переводчиком В. Махаловым, хранящиеся в РГАСПИ, в ф. 137 (Внешнеполитическая комиссия ЦК КПСС).
- 16 Поставки по репарациям текущей продукции действительно значительно снизились начиная с 1951 г. по сравнению с предшествующими годами. См.: Karlsch R. Umfang und Struktur der Reparationsentnahmen aus der SBZ/DDR 1945–1953/Buchheim Chr. (Hrsg.). Wirtschaftliche Folgelasten des Krieges in der SBZ/DDR. Baden-Baden, 1995. S. 61.
- 17 Loth W. Stalins ungeliebtes Kind. Berlin. 1994. S. 165.
- 18 Ebenda. S. 169.
- 19 Loth W. Die Entstehung der «Stalin-Note»//Zarusky J. (Hrsg.). Die Stalin-Note vom 10. März 1952. Neue Quellen und Analysen. München. 2002. S. 57; Otto W. Eine edle Idee im Notstand. Zur II. Parteikonferenz der SED im Juli 1952//Jahrbuch für Forschungen zur Geschichte der Arbeiterbewegung. 2002. S. 8 f.
- 20 Badstübner R., Loth W. (Hrsg.) Op. cit. S. 382 f.
- 21 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 303. Л. 167–170, 179–197.
- 22 Uprising in East Germany, 1953. Compiled, edited and introduced by Christian F. Osterman, Budapest. 2001. S. 22–41. См. также: Wolkow W. K. Op. cit. S. 43–47.
- 23 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 303. Л. 179–187, 189–197.
- 24 Otto W. Op. cit. S. 11; Badstübner R., Loth W. Op. cit. S. 399. По допризывной подготовке см.: Diedrich, II. Ehlert, Wenzke, R. Im Dienste der Partei. Handbuch der bewaffneten Organe der DDR. Berlin. 1998.
- 25 22.4.1952 Политбюро СЕПГ утвердило кандидатуру Вилли Штофа (Willi Stoph) на место Штейнхофа, отстраненного из-за «проблем со здоровьем». См.: Diedrich, Wenzke R. Die getarnte Armee. Geschichte der Kasernierten Volkspolizei der DDR 1952–1956. Berlin. 2001. S. 104.
- 26 Scherstjanoi E. (Hrsg.) Das SKK-Statut. Zur Geschichte der Sowjetischen Kontrollkommission in Deutschland 1949 bis 1953. München. 1998. S. 88.
- 27 Bonwetsch B., Filitov A. Die sowietische Politik und die SED: Handlungs- und Verantwortungsspielräume der KPD/SED/DDR 1945–1963//Deutscher Bundestag (Hrsg.) Das geteilte Deutschland im geteilten Europa. Bd. VII/1. Baden-Baden. 1999. S. 863–872.
- 28 Филитов А. М. Сталинская дипломатия и германский вопрос: Последний год//Сталинское десятилетие «холодной войны». М. 1999. С. 79–90.
- 29 Zarusky J. (Hrsg.) Die Stalin-Note vom 10. März 1952. Neue Quellen und Analysen. München. 2002.
- 30 Loth W. Op. cit. S. 187.
- 31 Notstand O. Op. cit. S. 10–12.
- 32 Bonwetsch B., Filitov A. Op. cit. S. 870–872.
- 33 Jahrbuch für Forschungen zur Geschichte der Arbeiterbewegung. 2002. S. 23–34.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ ТОВАРИЩА СТАЛИНА И. В.
С РУКОВОДИТЕЛЯМИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЕДИНОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ
ВИЛЬГЕЛЬМОМ ПИК¹, ОТТО ГРОТЕВОЛЬ² И ВАЛЬТЕРОМ УЛЬБРИХТ³.

4 мая 1950 года.

Присутствовали товарищи В. М. Молотов⁴, Г. М. Маленков⁵, Л. П. Берия⁶, А. И. Микоян⁷, Н. А. Булганин⁸, В. И. Чуйков⁹, В. С. Семенов¹⁰.

Переводчик Фред Эльснер¹¹ (ЦК СЕПГ).

Тов. Сталин спрашивает руководителей СЕПГ, какие имеются новости.

Пик говорит, что есть много вопросов. Самое главное — это вопросы третьего съезда СЕПГ¹².

Тов. Сталин спрашивает, когда будет съезд.

Пик отвечает, что 23 июля. Повестка дня съезда: 1) Отчет ЦК СЕПГ, включая вопрос об октябрьских выборах, — докладчик В. Пик; 2) Борьба за мир и развитие Национального Фронта демократической Германии¹³, — докладчик О. Гротеволь; 3) Пятилетний план развития народного хозяйства ГДР, — докладчик В. Ульбрихт; 4) Изменение Устава СЕПГ; 5) Выборы руководящих органов СЕПГ.

Тов. Сталин спрашивает, будет ли пятилетка докладываться съезду до утверждения ее правительством или после.

Пик отвечает, что пятилетка будет предложена правительству партсъездом.

Тов. Сталин замечает, — Значит, до утверждения правительством.

Пик подтверждает. Он просит согласия тов. Сталина начать беседу с информацией Ульбрихта о пятилетке.

Тов. Сталин отвечает, что это все равно. Как Вам удобнее.

Ульбрихт спрашивает, сколько минут он имеет для доклада.

Тов. Сталин спрашивает, — для разговора? Для доклада? Сколько хочет Ульбрихт? Можно 10 часов.

Ульбрихт просит 20 минут. Он говорит, что третий съезд СЕПГ должен принять основные контрольные цифры пятилетки и определить направление экономической политики Республики, после чего правительство Республики окончательно разработает пятилетний план и опубликует его до выборов осенью этого года. При разработке пятилетки ГДР исходила из необходимости доказать преимущества общественного строя Германской Демократической Республики перед Западной Германией. Основная установка пятилетки состоит в проведении строительства собственными силами германского народа в тесной связи с Советским Союзом и на основе хозяйственного планирования. Пятилетка предусматривает повышение валовой продукции промышленности ГДР, примерно, на 100% по отношению к 1936 году. Это будет гораздо более высокий темп развития хозяйства, который когда-либо имела капиталистическая Германия. Капитальные вложения по пятилетке предусмотрены в размере 25 млрд. марок, рост производительности труда — на 61%, рост внешней торговли на 120%, снижение себестоимости на народных предприятиях на 23%. Пятилетка ставит своей целью добиться максимальной независимости ГДР от капиталистического Запада. Это сейчас трудная задача. Необходимо развивать собственную металлургию, построить новые каменноугольные шахты, хотя геологическая разведка еще не дала определенных сведений об имеющихся возможностях по каменному углю. Будут построены новые медные рудники и начаты разработки железной руды, хотя геологическая картина в этом отношении также не вполне ясная.

Тов. Сталин спрашивает, — Геологи плохо работают у Вас?

Ульбрихт признает, что плохо. Много бюрократических методов, и приходится менять руководство геологической службой ГДР. В Республике начнется бурение по нефти. Ульбрихт просит технической помощи Советского Правительства, так как у Республики нет технического оборудования для бурения скважин.

Тов. Сталин говорит, что это мы дадим.

Ульбрихт продолжает, что особенно трудно будет перестроить отдельные машиностроительные заводы с общего машиностроения на тяжелое машиностроение, что необходимо для оборудования металлургии, шахт, расширения производства электроэнергии и пр. В течение пятилетия имеется в виду достигнуть такого уровня снабжения населения, который существовал в Германии в 1936 году.

Тов. Сталин спрашивает, — Жизненный уровень гитлеровского периода? Ведь все-таки это плохой критерий.

Ульбрихт говорит, что позднее он ответит на этот вопрос и что имеются трудности.

Тов. Сталин повторяет, что это очень плохой критерий.

Ульбрихт говорит, что пока нет возможности поставить более высокую цель. На основе достижения большей независимости от Запада будет возможно укрепить валюту ГДР. До настоящего времени американцы были в состоянии проводить различные комбинации с валютой, поскольку в ГДР нехватает товаров.

Предполагается снижение цен в магазинах коммерческой торговли. Но важнейший вопрос — это обеспечение производственной независимости от Запада. Индекс цен в течение пяти лет имеется в виду снизить со 100 до 57.

Ульбрихт просит разрешения поставить ряд вопросов, по которым необходимы совет или помощь Советского Правительства.

Во-первых, говорит Ульбрихт, пятилетку можно осуществить только в том случае, если будут обеспечены координация и взаимопомощь между ГДР и Советским Союзом и странами народной демократии. Мы просим, сказал Ульбрихт, принять ГДР в Совет Экономической Взаимопомощи для обмена опытом хозяйственного строительства и координации экономических усилий. Мы просим также согласия на то, чтобы начать переговоры и заключить соглашения по торговле сроком на 5 лет.

Тов. Сталин спрашивает, с какими странами хотят иметь соглашения.

Ульбрихт отвечает, что с Советским Союзом и странами народной демократии.

Во-вторых, продолжает Ульбрихт, мы просим разрешить ГДР производство ряда товаров, выпуск которых был запрещен Германией Контрольным Советом. Ульбрихт заметил, что в Германской Демократической Республике с помощью СВАГа¹⁵ и СКК¹⁶ заложена настолько прочная основа для мирного развития, что, по мнению СЕПГ, можно было бы дать Республике такое разрешение. На 24-м заседании Контрольный Совет определил список товаров, которые Германия не имеет права производить...

Тов. Сталин замечает, что сейчас нет Контрольного Совета.

Ульбрихт говорит, что это очень хорошо. Однако существует запретительный перечень, который для немцев обязателен. Его нужно снять.

Тов. Сталин подтверждает, что это необходимо, и спрашивает присутствующих членов Политбюро, — Снимем запрещение?

Члены Политбюро соглашаются с этим, причем тов. Молотов замечает, что они (немцы) уже теперь вышли из рамок запретов Контрольного Совета, но формально запрещения сохраняют свою силу, и их необходимо отменить.

Тов. Сталин резюмирует, что запрещения снимаются.

Ульбрихт говорит, что запрещения Контрольного Совета касаются также морского судостроения, развитие которого предусмотрено пятилетним планом ГДР.

Тов. Сталин говорит, что это правильно и что мы имеем заказы для Вас на некоторые военно-морские корабли. Если целиком не можете построить такие корабли, то, может быть, частями.

Ульбрихт говорит, что об этом он скажет позднее.

В-третьих, продолжает Ульбрихт, тяжелой проблемой пятилетки является сырье. Цифры относительно потребности ГДР в сырье согласованы с СКК. Будут напряжены все силы, чтобы в возможно большем количестве производить металл внутри ГДР (приводит цифры пятилетки по чугуно, стали и прокату). Пятилетка предусматривает строительство нового металлургического комбината. Но остается дефицит, ввиду чего мы просим, говорит Ульбрихт, чтобы Советское Правительство продало ГДР недостающие количества чугуна и стали.

В-четвертых, продолжает Ульбрихт, вопрос касается изменений социальной структуры народного хозяйства Республики в течение пятилетки. Политбюро СЕПГ считает, что борьба с капиталистическими элементами в ГДР в течение ближайших пяти лет должна проводиться и дальше экономическими средствами, о которых нам говорил товарищ Сталин в прошлой беседе. Пятилетним планом ГДР предусмотрено, что к 1955 г. удельный вес государственной промышленности в хозяйстве ГДР будет повышен с 71,7% до 76,7%.

Тов. Сталин спрашивает, — Это к концу пятилетки?

Ульбрихт подтверждает. Удельный вес частной промышленности падает с 28,3% до 23,3%.

Тов. Сталин спрашивает, входит ли сюда ремесло.

Ульбрихт отвечает, что только частично, а именно крупное ремесло. Мелкое ремесло планом не учитывается. В абсолютных цифрах план предусматривает увеличение продукции государственной промышленности на 103,2%, а продукции частной промышленности на 56,3%. В 1955 г. частная промышленность будет иметь накопления в размере 1,3 млрд. марок. Из этого вытекают, конечно, определенные политические опасности. С помощью налоговой политики необходимо позаботиться о том, чтобы дерево частной промышленности не росло до небес. В оптовой торговле общественный сектор уже занимает преобладающие позиции после создания центральных в 1949 г. оптовой торговли. В розничной торговле пятилеткой предусмотрены следующие изменения. Удельный вес государственного сектора повышается к 1955 г. с 15,3% до 40,4%. Удельный вес кооперации повышается с 17,7% до 25,0%. Удельный вес частной розничной торговли падает с 57,0% до 33,6%. Основная социально-политическая линия пятилетки состоит в том, чтобы усилить народный сектор и одновременно использовать все имеющиеся мощности в промышленности, в том числе и по частному сектору. В области сельского хозяйства основной вопрос состоит в развитии машино-прокатных станций (МПС). На 1-е января 1950 г. в Республике имеется 524 МПС. В 1955 г. проектируется иметь 750 МПС.

Тов. Сталин спрашивает, — Идут ли крестьяне на это дело? Видят ли пользу в этом?

Ульбрихт отвечает утвердительно. Он указывает на то, что до сих пор МПС были в состоянии помочь, главным образом, только новым крестьянам. Области, где преобладает старое крестьянство, не имеют развитой сети МПС. Важно расширить сеть МПС. Имеется в виду, чтобы к концу пятилетки все земли обрабатывались тракторами. В настоящее время в Республике имеется 7.350 тракторов, а в 1955 г. будет 37.500 тракторов. ГДР будет производить 12 тыс. тракторов в год и на этом уровне остановится.

Эльснер говорит Ульбрихту о том, что 20 минут уже истекло.

Ульбрихт продолжает, что МПС должны быть превращены в технические, агрономические и культурные центры в деревне. В конце 1950 г. в ГДР начнется слияние Объединения крестьянской взаимопомощи и сельской кооперации. Это — две параллельных хозяйственных организации, причем в кооперации сидит слишком много реакционеров. Согласно пятилетке при новом строительстве и переходе ряда предприятий на двух- или трехсменную работу в ГДР будет ощущаться недостаток в рабочей силе и потребуется 1.566 тыс. новых рабочих.

Далее Ульбрихт благодарит Советское Правительство за заключение торгового соглашения ГДР с Советским Союзом, что имело большое политическое влияние также на Западную Германию. Часть крупных предпринимателей Западной Германии очень заинтересована в развитии торговли с Востоком. Поэтому, говорит Ульбрихт, мы заявили западно-германским промышленникам, что при разработке наших торговых соглашений со странами народной демократии мы готовы учесть возможные поставки в эти страны из Западной Германии, в частности, в Китай.

Тов. Сталин подчеркивает, что китайцы очень хотят связаться с немцами.

Ульбрихт говорит, что правительство ГДР в ближайшее время пошлет торговую делегацию в Китай.

Тов. Сталин говорит, что это хорошее дело.

Ульбрихт переходит к вопросам мореплавания. Он говорит, что по репарациям Республика строит 6 судов водоизмещением по 1 тыс. брутто-регистрационных тонн каждое. Ульбрихт просит разрешения строить следующие морские корабли: два корабля по 8 тыс. тонн, два — по 5 тыс. тонн, пять — по 3 тыс. тонн, девять транспортных кораблей по 1 тыс. тонн и 10 рыболовных судов. Для этого придется построить два дока в Варнемюнде. Корабли будут нужны, прежде всего, для связей ГДР с Китаем.

Тов. Сталин говорит, — Чем больше постройте, тем лучше.

Ульбрихт замечает, что американцы могут не позволить ГДР иметь крупные торговые корабли, ссылаясь на запрещения по четырехсторонним соглашениям.

Тов. Сталин замечает, что американцы не могут запретить ГДР иметь корабли, а затем шутя говорит, что можно взять югославский флаг.

Ульбрихт возражает, что желательно взять немецко-польский флаг.

Тов. Сталин говорит, что это хорошо.

Ульбрихт снова выражает желание организовать плавание под польским флагом, если американцы будут вмешиваться.

Тов. Микоян говорит, что американцы не имеют права вмешиваться.

Ульбрихт высказывает пожелание о создании смешанного советско-германского авиационного общества «Люфт-Ганза», а также просит у товарища Сталина разрешения готовить в Советском Союзе кадры немецких летчиков.

Тов. Сталин говорит, что у нас есть немецкие специалисты, хорошие строители авиации. Пусть они пойдут к Вам, возьмите их.

Ульбрихт замечает, что нужны летчики.

Тов. Сталин говорит, что немецкие летчики тоже есть. Поможем Вам кадры готовить, пожалуйста.

Ульбрихт говорит, что мы не думали о производстве самолетов, но если Вы считаете нужным, то можем производить моторы для самолетов.

Тов. Сталин говорит, что самое главное — это мотор самолета. Корпуса самолетов можно найти где угодно.

Ульбрихт заявляет, что к производству авиационных моторов ГДР может перейти уже теперь. Ульбрихт спрашивает — Нужно ли готовить производство транспортных самолетов? ГДР не очень заинтересована в этом и хотела бы купить транспортные самолеты в СССР. Это касается также оборудования аэродромного хозяйства. Все это надо согласовать.

Тов. Чуйков, говорит далее Ульбрихт, заявил, что планом СКК в 1951 г. предусматривается содержать 110 тыс. служащих полиции ГДР. Мы согласны с этим планом. Однако, производство оружия для полиции планом не предусмотрено. Ульбрихт выражает надежду на то, что Советское Правительство одолжит ГДР оружие.

Тов. Сталин отвечает, что одолжим.

Ульбрихт переходит к вопросам науки и техники. Существует закон Контрольного Совета о контроле над научно-исследовательской работой, запрещающий производство исследований в ряде важных отраслей науки и техники. Для ГДР этот вопрос является одним из наиболее важных ввиду необходимости развития производства заменителей и пр. Ульбрихт просит разрешить производство запрещенных Контроль-

ным Советом научных исследований в масштабе, который будет определен СКК, в частности, также в области исследования атомного ядра.

Тов. Сталин спрашивает, есть ли научные силы, которые этим займутся.

Ульбрихт отвечает, что некоторые силы есть. Для начала можно было бы развернуть в ГДР исследования по лечению рака.

Тов. Сталин говорит, что это хорошо. Это можно.

Ульбрихт просит разрешения на проведение исследований также в области электронной техники, космических лучей, физики твердых тел и т. п. Мы убеждены, говорит Ульбрихт, что в течение пятилетки мы встанем перед вопросом о практическом использовании в ГДР атомной энергии для мирных целей. В настоящее время ГДР имеет бурые угли, как основной источник энерго-снабжения, но к концу пятилетки Республика перейдет к конструкции машин с атомной энергией.

Ульбрихт подчеркивает далее важность проблемы восстановления разрушенных городов в Германии и благодарит за прием делегации немецких архитекторов в Москве. ГДР стоит перед необходимостью организации заново всего строительного дела и архитектуры, поскольку среди немецких архитекторов широко распространены формалистические и космополитические настроения. Ульбрихт просит послать в ГДР осенью этого года делегацию от Архитектурной Академии СССР с тем, чтобы помочь ГДР в разработке планов восстановления крупных городов. Далее Ульбрихт переходит к вопросу об улучшении снабжения продовольствием населения ГДР в связи с выборами осенью этого года. С 1 сентября с. г. рацион мяса будет повышен на 10 грамм в день и рацион жиров на 5 грамм в день. Для этого потребуются ввоз 14 тыс. тонн мяса, для чего имеется в виду получить кредит из Польши и Венгрии. Такое увеличение рационов не может, конечно, оказать большого влияния на выборы, но других возможностей нет. Запланировано снижение цен в магазинах коммерческой торговли с 1 августа с. г. на 20% и с 1 сентября с. г. на 30%, а также более аккуратное снабжение населения текстильными товарами по карточкам. Из Венгрии будет завезено к осени этого года 100 тыс. пар рабочей обуви. Желательно было бы ввезти обувь из Чехословакии, но без кредита от чехословаков этого достигнуть не удастся.

Тов. Сталин спрашивает, — Какие у ГДР отношения с Польшей? Он замечает, что поляки взяли к себе несколько немецких специалистов и очень довольны ими.

Ульбрихт отвечает, что отношения ГДР с Польшей очень хорошие. Ближе, чем с чехословаками.

Тов. Сталин, смеясь, говорит, что Ульбрихт выучился дипломатически выражаться.

Ульбрихт поясняет, что отношения с Польшей улучшились в связи с тем, что была проведена открытая политическая борьба внутри ГДР по вопросу о границе Одер — Нейссе. Это привело к сближению с поляками. С чехословаками такого сближения еще нет.

Тов. Сталин спрашивает, много ли поляки дают ГДР кокса. Они могут дать. Резервы есть.

Ульбрихт отвечает, что поляки дают необходимое количество кокса. В области внешней торговли ГДР имеет сейчас затруднения, так как не располагает такими товарами, которые страны народной демократии хотят получить в обмен на свою продукцию. В частности, они просят ГДР поставлять им железный лом, чего мы не можем сделать без ущерба для собственной металлургии.

Тов. Сталин подтверждает.

Ульбрихт продолжает, что перед выборами будут сделаны попытки улучшить снабжение для того, чтобы повлиять на настроение народа. Однако, продовольственные карточки будут отменены только после 1 ноября с. г.¹⁷

Тов. Микоян спрашивает, — Почему после выборов?

Ульбрихт поясняет, что отмена продовольственных карточек будет связана с некоторым повышением цен на нормированные товары, что неудобно осуществить до выборов.

На этом Ульбрихт заканчивает свою информацию.

Тов. Сталин говорит, что мы не станем возражать против того, чтобы ГДР вошла в Совет Экономической Взаимопомощи¹⁸. Против заключения пятилетнего плана по торговле ГДР со странами народной демократии и с Советским Союзом также возражений нет. Нет возражений и против того, чтобы запрещенные Контрольным Советом отрасли были разрешены как в области хозяйства, так и в области науки. Строительству кораблей будет оказана помощь. Подготовке кадров летчиков также с удовольствием поможем. О сырье, необходимом для Республики, тут сказано точно не было.

Далее тов. Сталин спрашивает, какую долю репараций предполагают выплачивать ежегодно по пятилетнему плану.

Ульбрихт отвечает, что пятилетка предусматривает выплату той же суммы, какая намечена на 1950 г. Это касается также размеров оккупационных расходов и вывоза товаров в счет доходов советских предприятий в Германии.

Тов. Сталин спрашивает, подписано ли соглашение о предприятиях советских акционерных обществ в Германии. Все ли Вам нравится в этом соглашении?

Ульбрихт отвечает положительно. Правительство ГДР целиком одобрило соглашение, но советская

делегация после окончания переговоров заявила, что соглашение будет подписано после решения Советского Правительства.

Тов. Сталин говорит, что соглашение нужно подписать теперь же в Москве¹⁹. Затем, продолжает тов. Сталин, необходимо привести в ясность все наши репарационные отношения. Согласно договоренности четырех держав на Крымской конференции²⁰ и согласно той резолюции, которая была опубликована на Потсдамской конференции²¹, а также исходя из советских заявлений на этих конференциях, общая сумма наших взысканий по репарациям составляет 10 млрд. долларов. По нашим подсчетам, о чем Вам будет доложено, Германия выплатила по репарационным долгам, включая поставки, предусмотренные на 1950 г., около 3.660 млн. долларов. Стало быть, осталось выплатить 6.340 млн. долларов. Мы считаем, говорит тов. Сталин, что этот остаток мы могли бы, идя навстречу интересам Германии, сократить вдвое. Это значит скостить половину с 6.340 млн. долларов. Останется 3.170 млн. долларов. На конференции министров иностранных дел в Москве в 1947 г.²² советская делегация заявила, что она хочет рассрочить уплату Германией репараций на 20 лет независимо от того, пойдут ли репарации Востоку или Западу. Англо-американцы не согласились с советским предложением. Однако, мы будем, несмотря на это, придерживаться своего заявления. Вы уже платили репарации в течение 5 лет. Значит, осталось 15 лет. Необходимо эти три с лишним млрд. долларов рассрочить на 15 лет. Значит, придется платить в год около 211 млн. долларов. Тов. Сталин спрашивает, — Подходит ли такая комбинация?

Ульбрихт и Пик отвечают, что очень подходит²³.

Тов. Сталин говорит, что это облегчит бюджет и пятилетку Германской Демократической Республики и позволит выше поднять жизненный уровень ее населения. При составлении пятилетнего плана придется учесть эту поправку в отношении репарационных платежей.

Ульбрихт замечает, что в таком случае будет возможно осуществить такое повышение жизненного уровня населения ГДР, при котором показатели 1936 года не могли бы служить уже критерием, на что указывал тов. Сталин.

Тов. Сталин говорит, что надо отказаться от этого критерия и повысить жизненный уровень населения по сравнению с 1936 г. Мы можем, говорит тов. Сталин, отпустить Вам некоторое количество жиров и мяса. Этим мы Вам поможем. Хлопка немного больше можем дать, чем давали. Если бы Вы имели доменные печи, то мы могли бы дать Вам руду. Поляки берут у нас руду.

Ульбрихт говорит, что в ГДР имеются доменные печи.

Тов. Сталин говорит, что для нас легче дать руду, чем сталь. Качество руды высокое — от 47 до 60% содержания железа. Гитлер все время просил у Советского Союза криворожскую руду, но ему было отказано. Теперь на криворожской руде держится вся металлургия Польши, Венгрии, Чехословакии.

Тов. Сталин спрашивает, кто просит слова. Может быть, вопросы есть какие.

Пик выражает большую и сердечную благодарность тов. Сталину.

Тов. Сталин отвечает, что мы готовы помочь еще больше и могли бы еще скостить репарации, но вынуждены считаться с общественным мнением Советского Союза, которое против этого будет возражать. В Советском Союзе после войны осталось много инвалидов и сирот, имеются большие разрушения. Народ еще не может этого забыть. Немцев не очень любят в нашем народе. Но скостить половину суммы репараций, как это сделано другим странам, мы можем. Уплатить в год 211 млн. долларов Вам будет не так трудно. Платили больше, хотя положение было хуже.

Тов. Молотов замечает, что теперь ГДР стала сильнее.

Ульбрихт спрашивает, нельзя ли перед выборами получить из Советского Союза мясо и жиры, о которых говорил тов. Сталин.

Тов. Сталин говорит, что это можно сделать и что это он и имел в виду. Тысяч 20 тонн масла можно дать. Может быть, и больше. Надо посмотреть. Можно дать и мяса.

Тов. Микоян говорит, что немцам мяса больше потребуется, чем жиров.

Пик подтверждает.

Тов. Сталин продолжает, — Часть у нас дадут, а другую часть в Польше и Венгрии. У Вас останутся запасы. Но самое главное — это победить во время выборов. Если Вас побьют, то Чуйкову придется снова идти воевать.

Тов. Молотов говорит, что в подготовке к выборам у СЕПГ есть успехи: подписано соглашение с буржуазными партиями о единых списках на выборах.

Тов. Сталин замечает, что это хорошее дело.

Пик говорит, что следующий вопрос касается Национального фронта демократической Германии и борьбы за мир, о чем будет докладывать Гротеволь.

Гротеволь говорит о том, что при организации движения Национального фронта демократической Германии в основу были положены три принципиальных вопроса — демократическое единство Германии, заключение мирного договора и отвод оккупационных войск. В этих основных установках ничего не изменилось. Однако, из развития международной обстановки, из политики боннского правительства и из факта образования ГДР вытекают определенные тактические изменения, получающие особое значение после

того заявления, которое товарищ Сталин только что сделал о репарациях. В борьбе за политическое единство Германии в общем подтвердился тот анализ, который был сделан в сентябре СЕПГ²⁴. Англо-американцы стремятся перенести кризис на Западную Германию, закрывают ей пути на мировой рынок, превращают Западную Германию в страну, импортирующую сырье, проводят демонтаж промышленных предприятий.

Далее Гротеволь подробно остановился на задачах Национального фронта демократической Германии, придерживаясь положений своего доклада на заседании Народной Палаты при образовании Германской Демократической Республики. Гротеволь особенно подчеркивал, что в настоящее время борьба за единство Германии становится одновременно борьбой за демократические свободы и что путь демократизации является единственно возможным путем восстановления единства Германии.

Затем Гротеволь остановился на вопросах борьбы за мир, подчеркивая высшую степень заинтересованности немецкого народа в успехе борьбы международного фронта сторонников мира.

Гротеволь рассказывает об успехе начавшегося в Германии сбора подписей под воззванием Постоянного Комитета сторонников мира²⁵. В первый день сбора подписей, 1-го мая, было собрано в ГДР около 2 млн. подписей. В Саксонии за два первых дня 30% населения поставило свои подписи под воззванием, а многие населенные пункты полностью закончили сбор подписей. Кампания по сбору подписей увязывается партией с подготовкой к выборам.

Тов. Сталин говорит, что это, конечно, хорошо. Это правильно.

Гротеволь продолжает, что движение за мир способно охватить более широкий круг людей, чем Национальный фронт демократической Германии, который многими в Западной Германии рассматривается как инспирированный коммунистами. Поэтому в Германии решено создавать комитеты борьбы за мир независимо от комитетов Национального фронта. СЕПГ развертывает сейчас также борьбу против теории «нейтралитета» Германии в борьбе двух лагерей, так как эта теория ведет к свертыванию борьбы германского народа за мир и демократию. Рост движения за мир дает возможность СЕПГ показать немецкому народу Советский Союз как сильнейшую державу и оплот мира, а также развивать дружбу с Советским Союзом. В ГДР настроения дружбы с Советским Союзом растут, что видно на примере значительного увеличения количества членов общества германо-советской дружбы.

Тов. Сталин говорит, что это хорошо, но главное все-таки состоит в том, чтобы вести широкую мирную кампанию. Германия хорошо помнит войну и много потерпела от нее. Немцы не хотят войны. Если развернуть в Германии широкую мирную кампанию, то движение германского народа за мир не даст американцам возможности столкнуть Западную Германию с Восточной Германией. У немцев сейчас два пути: война или мир. Американцы пытаются втащить Германию в войну, изображая дело так, что это единственное средство восстановления сильной Германии. Мирная кампания показывает, что путь войны ведет к разрушению Германии и что единственный путь восстановления сильной Германии — это мир и сотрудничество между миролюбивыми народами. Если все германское население будет втянуто в кампанию борьбы за мир, то все планы США втянуть Германию в войну будут ликвидированы.

Гротеволь переходит к характеристике положения в Западной Германии. Он говорит о том, что боннское правительство является слугой немецких и иностранных империалистов. Противоречия, существующие в лагере буржуазных партий Западной Германии, неглубоки, поскольку эти партии поддерживают расчленение Германии, выступают против Национального фронта демократической Германии, требуют террора против компартии. В организационном отношении западно-германское рабочее движение расколото и поэтому слабо. Опыт Восточной Германии показывает, что рабочий класс является в настоящее время главной силой национального сопротивления немецкого народа. Он является не только инициатором национально-освободительного движения, но также высшей организующей силой Национального фронта. Но влияние рабочего класса в различных частях Германии зависит от степени осуществления единства рабочего класса. Слабость Национального фронта в Западной Германии состоит в том, что несмотря на хорошее начало и создание некоторых комитетов единства действий, например, против демонтажа, предательскому руководству профсоюзов и социал-демократии до сих пор удается мнимой оппозицией и использованием аппарата власти воспрепятствовать осуществлению единства рабочего класса. Это не значит, что нет предпосылок для развертывания Национального фронта в будущем. Во всех слоях населения и во всех партиях имеются немцы, которые готовы включиться в Национальный фронт. Вопрос в том, как завоевать эти слои. Возможности организации поездок политических деятелей ГДР в Западную Германию уменьшаются. Влияние компартии в Западной Германии слабое.

Тов. Молотов замечает, что нужно действовать не только через партию.

Гротеволь подчеркивает, что компартия — это надежный опорный пункт, на который можно положиться. Однако положение в КПГ плохое. Партия испытывает большие идеологические трудности. Руководство СЕПГ старается помочь компартии Западной Германии, но последняя не находит правильного языка для масс. Дополнительные трудности возникли в связи с тем, что, вследствие введения нового распределения радиоволн по Копенгагенскому соглашению, радиостанции ГДР лишены возможности вещания на Западную Германию.

Тов. Сталин спрашивает, — В чем состоят трудности? Мешают американцы?

Эльснер отвечает, что выделенные для ГДР по Копенгагенскому соглашению радиоволны недостаточны для вещания на Западную Германию²⁶. Американцы нарушают Копенгагенское соглашение и захватили господство в эфире. Правительство ГДР вынуждено придерживаться Копенгагенского соглашения и оказывается поэтому в плохом положении.

Тов. Молотов замечает, что придется, повидимому, нарушать Копенгагенское соглашение вследствие поведения американцев.

Гротеволь выражает просьбу предоставить для ГДР две новых волны.

Тов. Сталин говорит, что это дело можно быстро решить.

Гротеволь подчеркивает, что для ГДР это очень важный вопрос.

Гротеволь говорит о необходимости развивать более тесные связи между рабочими и крестьянами ГДР и Западной Германии, в частности, путем установления связей между отдельными городами, предприятиями, обмена делегациями, приглашения представителей профсоюзов, рабочих отдельных предприятий и т. д. из Западной Германии в ГДР.

Тов. Молотов указывает на необходимость вовлечения молодежи и подчеркивает, что имеются очень большие неиспользованные возможности для развития широкого движения за единство демократической Германии.

Гротеволь говорит о развитии торговли ГДР с Западной Германией, как об одном из средств поддержания экономических связей. Западно-германские промышленники очень хотят торговать с ГДР. Видный западно-германский монополист Цанген²⁷ заявил, например, следующее: «Мы, конечно, знаем, что через несколько лет Вы покончите с нами, но пока мы хотим с Вами торговать». Западно-германские промышленники предполагают заключать с ГДР торговые сделки, не взирая на препятствия со стороны американцев.

Тов. Берия спрашивает, знают ли об этом американцы.

Тов. Сталин замечает, — Нет, не обязательно.

Эльснер подтверждает, что американцы не хотят развивать торговлю Западной Германии с ГДР, но западно-германские промышленники ищут пути.

Тов. Сталин замечает, что если люди хотят, то найдут пути.

Гротеволь говорит об упадке культуры в Западной Германии в противоположность положению в ГДР, где принимаются энергичные меры по сохранению и развитию немецкой национальной культуры.

Тов. Молотов замечает, что это дело надо развивать, учитывая его большое национальное значение.

Гротеволь подчеркивает историческое значение постановления Немецкой Экономической Комиссии о сохранении и развитии немецкой национальной культуры, науки и искусства. Это постановление имело очень большое влияние и в Западной Германии. Далее Гротеволь рассказывает о демонтаже промышленных предприятий в Западной Германии.

Тов. Сталин спрашивает, куда везут демонтированное оборудование.

Эльснер отвечает, что значительная часть оборудования уничтожается. Так, например, была взорвана большая верфь в Гамбурге.

Тов. Сталин бросает реплику, — Просто разрушают?!

Эльснер отвечает утвердительно, указывая на боязнь немецкой конкуренции, существующую у англо-американских капиталистов.

Говоря о важнейшем значении образования ГДР для Западной Германии и о последних законах, принятых правительством ГДР, Гротеволь выражает уверенность в том, что ГДР удастся показать преимущество своего общественного строя перед Западной Германией. Одно из препятствий дальнейшему развитию Национального фронта в ГДР Гротеволь видит в отсутствии достаточного увеличения зарплаты рабочим.

Тов. Сталин спрашивает, — Чему равняется в Республике фонд зарплаты? Сколько миллионов марок уходит на зарплату в год?

Ульбрихт затрудняется ответить и говорит о том, что политика СЕПГ состоит в том, чтобы добиться повышения зарплаты путем перехода рабочих на сдельщину. Иначе, говорит Ульбрихт, невозможно увеличить производительность труда.

Тов. Сталин спрашивает, — А если увеличить зарплату на 10%, сколько потребуется денег? Одно другому не противоречит. Можно и зарплату увеличить, и на сдельщину перейти.

Ульбрихт отвечает, что они в 1950 г. уже повысили зарплату больше, чем это допускает бюджет.

Тов. Сталин спрашивает, — Где это? 1950 год только начался. А что Вы потеряете, если увеличите зарплату на 10%? Что случится? Катастрофа?

Ульбрихт заявляет, что в основе увеличения зарплаты должен лежать рост производительности труда, иначе невозможно выполнить задачи по подъему промышленности, намеченные в пятилетке.

Тов. Сталин говорит, что эти соображения неправильные. Он, тов. Сталин, посоветовал бы продумать этот вопрос. Никакого банкротства не будет, если повысить зарплату от 10% до 15% для рабочих народных предприятий. Менее обеспеченным рабочим прибавить зарплату на 15%, а более обеспеченным — на 10%.

Ульбрихт говорит, что предполагалось провести некоторое повышение зарплаты после выборов

в связи с отменой карточной системы и повышением пайковых цен. Можно, однако, провести повышение зарплаты и до выборов.

Тов. Сталин говорит, что не следует бояться повышения зарплаты. Конечно, вначале будут известные затруднения, но через год Вы сами увидите, что рабочие будут лучше работать и что повышение зарплаты дает большой производственный эффект.

Тов. Микоян замечает, что такой шаг был бы правилен как политически, так и экономически.

Тов. Сталин советует подумать над этим вопросом. Он, тов. Сталин, опасается прямо предложить, но все-таки считает, что повышение зарплаты, хотя бы в среднем на 10%, было бы правильным²⁸.

Тов. Сталин говорит, что он слышал здесь доклад тов. Гротеволья. Гротеволь анализировал настроения и соотношение сил в Западной Германии. Он, тов. Сталин, думает, что там дело должно обстоять лучше, чем это вытекает из доклада Гротеволья. Ведь Гротеволь судит на основании настроений отдельных организаций — партий, профсоюзов и печати. Если судить о соотношении сил по настроению организаций, партийных или непартийных, то, возможно, картина, которую здесь нарисовал Гротеволь, правильная. Но только по настроению организаций нельзя судить о настроениях народа. Он, тов. Сталин, мог бы рассказать о том, что было в истории большевистской партии до революции. Все организации были настроены резко против большевиков. Создавалось впечатление, что никакого просвета для большевиков нет. Но стоило пойти вниз и спуститься к массам, то оказывалось, что там все кипит. Лидеры других партий и организаций, которые говорили о ненужности борьбы, фактически отрывались от народа. Стоило искру подать — и все выглядело иначе. Так у нас падали лидеры крупнейших организаций. Так совершенно для них неожиданно они нарывались на катастрофу, так как отрывались от масс и от потребностей народа. Мне думается, говорит тов. Сталин, что настроение народных масс в Западной Германии должно быть другое, чем это показывают западно-германские профсоюзные и партийные организации. Почему? Потому, что все действия американцев идут именно в этом направлении — длительная оккупация, срыв мирного договора, демонтаж, массовая безработица, оставление рабочих и их семейств без средств к жизни. Сами американцы и англичане, не желая этого, учат немецкий народ сопротивлению. Вы хотите, чтобы сейчас же все резко изменилось и чтобы все восстали? Этого не будет. Население Западной Германии боится американцев. Это надо иметь в виду. Но население начинает пробуждаться. Тов. Сталин говорит, что он бы дал совет западно-германским коммунистам продолжать свою внутреннюю организационную работу. Иметь и укреплять связь с простыми людьми. Поменьше кричать. Побольше разъяснять. Народ, может быть, уже поднялся бы, но он боится, молчит, а иногда такое терпеливое молчание народа опаснее, чем открытые демонстрации. Поэтому не следует видеть только то, что вытекает из речей политических деятелей. Надо видеть то, что не видно простым глазом. В народе существует и усиливается ненависть против империалистов, которых сейчас рассматривают в Западной Германии скорее как оккупантов, нежели как империалистов. Поэтому перспективы в Западной Германии лучше, чем это сказано в докладе Гротеволья. Тов. Сталин думает, что это неизбежно проявится. Это не упрек Гротеволью. Он, тов. Сталин, хочет, чтобы наши товарищи в Германии считались не только с тем, что видно, но и с тем, чего не видно, но существует внизу.

Тов. Сталин спрашивает, — Может быть, кончим на этом? Он хотел бы спросить, как поступить с опубликованием решения о репарациях?

Ульбрихт спрашивает, нельзя ли, чтобы третий съезд СЕПГ обратился к Советскому Правительству с просьбой облегчить репарационные платежи, не называя цифр, а затем Советское Правительство откликнется. Политический эффект надо взять частично на счет СЕПГ.

Тов. Сталин спрашивает, есть ли другие предложения и подходит ли эта комбинация.

Тов. Молотов высказывает предложение, чтобы СЕПГ обратилась к правительству ГДР, а правительство ГДР — к Советскому Правительству.

Тов. Сталин спрашивает немецких товарищей, что они на это скажут.

Ульбрихт соглашается с предложением тов. Молотова и резюмирует так, что партсъезд обратится к правительству ГДР, а последнее — в Москву.

Тов. Семенов замечает, что не следует затягивать опубликование до партсъезда.

Тов. Сталин говорит, что надо опубликовать решение теперь. Иначе просочатся слухи и население будет знать об этом решении из третьих рук. Сила политического удара будет уменьшена. Надо, чтобы население знало об этом не по слухам, а через правительство.

Тов. Сталин заключает, что будем ждать предложения германского правительства об облегчении репараций. Чем скорее это будет сделано, тем лучше²⁹.

Тов. Молотов предлагает обсудить вопрос о военнопленных. Репатриация немецких военнопленных закончилась. Завтра публикуется сообщение ТАСС об этом. Желательно посмотреть текст сообщения, а также решить вопрос о Паулюсе³⁰.

Тов. Сталин соглашается.

Эльснер переводит на немецкий язык текст коммюнике ТАСС об окончании репатриации немецких военнопленных из Советского Союза.

Пик и Гротеволь выражают согласие с текстом коммюнике³¹.

Тов. Молотов говорит, что в число репатриированных не вошел Паулюс и трое сопровождающих его лиц. Они зачислены в рубрику больных, подлежащих репатриации³². Желательно знать мнение СЕПГ о репатриации Паулюса.

Пик отвечает, что по этому вопросу уже есть решение Политбюро ЦК СЕПГ и что партия не возражает против репатриации Паулюса в ГДР.

Тов. Сталин спрашивает, — Нужен Паулюс или не нужен? Тов. Сталин замечает, что без согласия руководства СЕПГ его не хотели бы отпускать. Тут же тов. Сталин обращается к тов. Чуйкову с вопросом: Как Ваш друг Паулюс? Примете его?

Тов. Чуйков отвечает, — Придется, товарищ Сталин.

Тов. Сталин спрашивает, удобно ли отпускать Паулюса с точки зрения международной ситуации.

Пик говорит, что Паулюс навряд ли уйдет на Запад. Там его арестуют американцы.

Тов. Молотов замечает, что Паулюс выразил желание репатриироваться в ГДР.

Пик говорит, что не имеет ничего против этого.

Тов. Сталин спрашивает, — Пригодится ли он Вам для работы?

Ульбрихт говорит, что Паулюсу будет дан небольшой государственный пост, чтобы он мог показать себя. Большого поста ему не дадут.

Тов. Сталин спрашивает, — Может быть, свидание Вам устроить с Паулюсом, пока Вы находитесь здесь?

Ульбрихт и Пик отвечают, что этого не нужно и что лучше они встретятся с Паулюсом в Германии.

Тов. Сталин принимает это к сведению и спрашивает, — А если он сбежит? Может быть, лучше его у нас пока оставить?

Пик говорит, что повредить он ГДР не может.

Ульбрихт замечает, что другие репатриированные генералы также не повредили.

Тов. Сталин спрашивает, будут ли репатриированы все остальные немецкие генералы, в частности, Зейдлиц³³.

Тов. Молотов отвечает, что будут репатриированы почти все, но Зейдлиц привлекается к суду. Он настроен резко враждебно Советскому Союзу.

Тов. Сталин говорит, что Зейдлиц опасен. Он надул Жукова³⁴ и Тимошенко³⁵ и вывел свою окруженную армию из Демьянска. Это умный противник и большой жулик.

Тов. Сталин спрашивает, — Может быть, подождать пару месяцев с репатриацией Паулюса, а потом решить?

Тов. Берия говорит, что Паулюса, конечно, надо оставить в СССР.

Тов. Маленков замечает, что Паулюс перед репатриацией должен будет написать документ правительству ГДР, своего рода обязательство. Без обязательства его выпускать нельзя.

Тов. Сталин замечает, что репатрируются германские военнопленные, а Паулюс не рядовой пленный. Это особый вопрос. Придется подождать, и лучше, если Паулюс позднее напишет обязательство³⁶.

Тов. Сталин дает понять, что беседу можно закончить.

Пик говорит, что они хотели бы посоветоваться еще по вопросу об октябрьских выборах.

Тов. Сталин соглашается.

Пик говорит о политическом значении предстоящих выборов в ГДР. Это будут самые большие выборы, которые будут проходить одновременно в органы управления общин, крейсов, земель, а также в парламент ГДР. Всего будет выдвинуто на выборах около 500 тыс. кандидатов. СЕПГ, как партия, выдвигает 102 тыс. кандидатов. Политические лозунги выборов вытекают из платформы Национального фронта — это мир, единство, улучшение жизненного уровня населения, подъем промышленности, сельского хозяйства, ремесла и культуры. Западные власти хорошо учитывают исключительное значение выборов в ГДР. Американский верховный комиссар в Германии Макклой³⁷ выдвинул демагогический лозунг: «Свободные выборы во всей Германии». СЕПГ ответила: «Свободные выборы в свободной стране», указав на невозможность проведения свободных выборов в Западной Германии. Готовясь к выборам, СЕПГ уже добилась заявления всех партий ГДР о единой избирательной программе, а также соглашения руководителей всех партий о выставлении единых списков на выборах.

Тов. Сталин спрашивает, — Это где-либо опубликовано?

Пик отвечает отрицательно, указав на то, что буржуазные партии желали обождать с публикацией соглашения о единых списках, мотивируя тем, что преждевременная публикация этого соглашения будет использована в Западной Германии для обвинений в проведении инспирированных выборов. Соглашение о единых списках будет опубликовано в мае³⁸.

Тов. Сталин интересуется соотношением сил по спискам. Будет ли у коммунистов большинство?

Пик излагает предложения СЕПГ по этому вопросу, согласно которым буржуазные партии (ХДС³⁹ и ЛДП⁴⁰) получают всего 24% депутатских мандатов, СЕПГ — 22%, а новые партии⁴¹, профсоюзы⁴², союз молодежи⁴³, женский союз⁴⁴, культурбунд⁴⁵ и др. организации⁴⁶ получают в общей сложности 54%⁴⁷.

Тов. Сталин спрашивает, есть ли гарантия, что эти другие представители пойдут вместе с СЕПГ.

Пик подтверждает это, указывая, что там много членов СЕПГ.

Ульбрихт замечает, что это не везде так.

Пик говорит, что главный вопрос состоит в том, чтобы привлечь население к выборам. В мае 1949 года у партии был опыт проведения выборов по единым спискам в народный конгресс. Буржуазные партии выдвинули тогда лозунг не участвовать в выборах или голосовать против списков. СЕПГ плохо подготовилась к выборам. В результате было получено 66% голосов за кандидатов, выдвигавшихся по единым спискам. Сейчас будет развернута более основательная подготовка к выборам и можно рассчитывать на другой исход. СЕПГ будет добиваться получения 80–85% голосов избирателей за единые списки.

Тов. Сталин замечает, что в сравнении, например, с последними американскими президентскими выборами это был бы хороший результат. В США за Трумэна⁴⁸ подали голоса только 56% избирателей, и Трумэн не получил абсолютного большинства.

Пик рассказывает о демагогическом предложении западных оккупационных властей провести общие выборы в Берлине. Он выражает согласие с предложениями СКК, по которым для проведения общеберлинских выборов будет предложено западным комендантам Берлина восстановить статут и конституцию Берлина 1946 года, упразднить деление города на сектора и отвести оккупационные войска из Берлина⁴⁹.

Тов. Сталин замечает, что этого американцы не примут, очевидно.

Пик подтверждает.

Тов. Сталин, смеясь, замечает, что работники СКК научились ловко отвечать на письма западных оккупационных властей.

Далее Пик говорит о продолжающемся укреплении СЕПГ и о повестке дня третьего партсъезда. Пик отмечает некоторый успех в работе организаций СЕПГ по изучению истории ВКП(б), а также произведений Маркса, Ленина и Сталина.

Тов. Сталин, смеясь, замечает, что Энгельса пропустили. Он спрашивает: Не хотите изучать Энгельса?

Пик ссылается на ошибку в переводе. Он говорит, что третий съезд СЕПГ должен вскрыть и устранить многие недостатки, существующие в работе партии, но вместе с тем подвести итоги положительной деятельности.

Тов. Сталин спрашивает Пика, появляются ли новые люди в руководстве партии? Что-то их не видно? Вы сами пришли к руководству и никого другого не пускаете.

Пик говорит, что новые люди появляются и скоро будут выдвинуты.

Тов. Сталин указывает, что должны вырасти новые люди. Они растут. Но Вы должны дать им место в руководстве.

Пик указывает на факт ликвидации паритетности при замещении постов в партии. Одним из серьезных недостатков работы СЕПГ является слабая воспитательная работа в массах, в частности, среди членов профсоюзов. Для укрепления рядов СЕПГ намечается проверка партийных документов в январе 1951 года.

Тов. Сталин дает реплику, что это будет чистка. Скрытая чистка.

Пик говорит, что к съезду подготовлен проект нового устава СЕПГ, который близок к уставу ВКП(б).

Тов. Сталин замечает, что мы считаем этот устав устаревшим. Как только будет создан съезд ВКП(б), будут изменены как устав, так и программа ВКП(б). Не очень нужно ориентироваться на устав ВКП(б). Надо учесть свой опыт. Это лучше, это главное.

Пик говорит, что документ о принципах и целях СЕПГ и устав СЕПГ тоже устарели и что их тоже нужно менять. В новом уставе СЕПГ будет предусмотрено существование института кандидатов в члены СЕПГ.

Тов. Сталин говорит, что это правильно.

Пик говорит, что согласно проекту устава партсъезд СЕПГ будет избирать ЦК СЕПГ и ревизионную комиссию.

Тов. Сталин спрашивает, — Будет ли избрана контрольная комиссия?

Пик отвечает утвердительно и говорит о том, что контрольная комиссия будет избрана ЦК.

Тов. Сталин говорит, что это необходимо будет сделать.

Пик говорит, что съезд СЕПГ изберет двух председателей партии и генерального секретаря ЦК.

Тов. Маленков спрашивает, — Партсъезд будет избирать?

Тов. Сталин говорит, что в таком случае генеральный секретарь не будет подчиняться ЦК и ЦК не сможет влиять на генерального секретаря и сместить его в случае, если генеральный секретарь будет проводить неправильную линию. Это было бы неверно. В отношении избрания партсъездом председателей партии можно согласиться с немецким предложением, но в ЦК СЕПГ будет еще генеральный секретарь. Надо, чтобы Центральный Комитет имел над ним глаз. Генеральный секретарь должен подчиняться ЦК. ЦК должен иметь право заменить его в случае необходимости.

Пик говорит, что поскольку оба председателя партии занимают сейчас высокие государственные посты, они считали необходимым, чтобы был избран также генеральный секретарь ЦК, который специально занимался бы партийной работой.

Тов. Сталин говорит, — Хорошо, это так. Но правильно ли, что генеральный секретарь не будет подчинен ЦК? Он, тов. Сталин, является генеральным секретарем ЦК, но он подчинен ЦК.

Тов. Молотов предлагает, чтобы генеральный секретарь ЦК СЕПГ был избран Центральным Комитетом СЕПГ.

Тов. Сталин подчеркивает, что иначе в партии будет два центра. Один центр – ЦК, а другой – генеральный секретарь. Если будет конфликт между ними, то генеральный секретарь, ссылаясь на особые полномочия партсъезда, может отказаться подчиняться решениям ЦК. Это недопустимо. Надо сделать, чтобы в случае, если генеральный секретарь начнет проводить другую линию, чем партия, то ЦК мог бы заменить его и избрать другого генерального секретаря ЦК. Поэтому генеральный секретарь должен быть избран ЦК, а насчет избрания председателей партии съездом пусть будет по Вашему⁵⁰.

Пик говорит, что в состав ЦК проектируется избрать 80 членов и 30 кандидатов.

Тов. Сталин замечает, что это очень много.

Пик говорит, что можно было бы избрать 60 членов и 30 кандидатов.

Тов. Сталин говорит, что хватит 50.

Ульбрихт предлагает избрать 50 членов и 25 кандидатов.

Тов. Сталин говорит, что можно избрать 50 членов и 30 кандидатов. Мы, замечает тов. Сталин, тоже хотим сократить количество членов ЦК ВКП(б)⁵¹.

Пик говорит, что в состав Политбюро ЦК СЕПГ предполагается избрать 9 членов и 4 кандидата. Персонально в члены Политбюро: В. Пик, О. Гротеволь, В. Ульбрихт, Ф. Далем⁵², П. Меркер⁵³, Ф. Эберт⁵⁴, Ф. Эльснер, Эдит Бауман⁵⁵, Г. Цейссер⁵⁶. В кандидаты в члены Политбюро: А. Аккерман⁵⁷, О. Рау⁵⁸, Э. Хоннекер⁵⁹, Г. Ендрецкий⁶⁰.

Тов. Сталин спрашивает, как работает Аккерман.

Пик отвечает, что он является заместителем министра иностранных дел.

Тов. Сталин спрашивает, где теперь работает Собботка⁶¹.

Пик отвечает, что в горной промышленности.

Тов. Маленков спрашивает, предполагается ли избрать членов ЦКК из состава членов ЦК или будет иначе.

Ульбрихт говорит, что до сих пор только председатель ЦКК был членом ЦК.

Тов. Сталин соглашается с целесообразностью такого порядка и в дальнейшем.

Пик говорит о невыгодном соотношении курсов восточной и западной марки в Берлине и о трудностях отмены карточной системы в Берлине.

Тов. Сталин спрашивает, – А может быть, не торопиться с отменой карточек в Германии? В Лондоне есть еще карточки, хотя Англия победившая страна. Может быть, не торопиться, накопить товары, а потом отменить карточки на низком уровне цен?

Гротеволь говорит о том, что в правительственной декларации они уже дали обещание отменить карточки. Однако можно немного оттянуть отмену карточек.

Тов. Сталин замечает, что если дано обещание, то это другое дело. Однако следует накопить товары.

Тов. Берия замечает, что при отмене карточек в ГДР их, повидимому, придется оставить в Берлине, чтобы жители Западного Берлина не раскупили дефицитные товары.

Тов. Сталин замечает, что поскольку в Берлине налицо особые условия, может быть, так будет лучше поступить.

Гротеволь спрашивает совета о дате их отъезда из Москвы в Берлин.

Тов. Сталин отвечает, – Как хотите! Останетесь – будете гостями, мы гостей не боимся. А если не можете, то что же сделать.

Гротеволь говорит, что надо ехать.

Тов. Сталин замечает, что это правильно, и просит поскорее прислать письмо по репарациям.

Ульбрихт говорит, что имеет вопрос, касающийся устава партии. Проект нового устава СЕПГ разработан с учетом опыта ВКП(б). Однако, если тов. Маленков имеет новые установки в связи с проектом нового устава ВКП(б), то, может быть, их можно было бы учесть в проекте устава СЕПГ.

Тов. Маленков говорит, что у него нет новых установок по этому вопросу и что об изменении устава ВКП(б) говорил товарищ Сталин.

Ульбрихт просит возможности ознакомиться с этими установками.

Тов. Сталин отвечает, что поговорить всегда можно с кем угодно – с тов. Маленковым или с тов. Сталиным. Это все равно.

Пик просит, чтобы тов. Маленков принял их 5 мая.

Тов. Маленков выражает согласие.

Тов. Сталин прощается с руководителями СЕПГ.

Беседа началась в 22.00 и закончилась в 01.15 мин. ночи.

Беседу записал

И. Семенов

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ с тов. СТАЛИНЫМ И. В.
руководителей ЦК Социалистической Единой Партии Германии
В. Пика, В. Ульбрихта и О. Гротевольа
1 апреля 1952 года

Присутствуют: тт. Молотов, Маленков, Микоян, Булганин, Семенов (СКК).
Переводит член Политбюро ЦК СЕПГ Фред Эльснер.

Тов. Пик говорит, что имеется ряд вопросов, по которым они хотели бы переговорить с тов. Сталиным, чтобы иметь больше ясности. Первая группа вопросов касается положения в Германии, которое сложилось в связи с предложениями Советского Правительства об основах мирного договора с Германией, с одной стороны, и в связи с военной политикой западных держав, — с другой. Какие вытекают из этого задачи для СЕПГ и правительства ГДР? Точка зрения ЦК СЕПГ сформулирована в проекте тезисов ко второй партконференции СЕПГ. Кратко излагая эту точку зрения, В. Пик говорит о том, что предложения Советского Правительства по мирному договору с Германией вызвали широкое движение масс в Германии и создали затруднительное положение для правительства Аденауэра⁶², что видно из ответа западных держав на ноту Советского Правительства. Из этого вытекает ряд проблем, по которым мы хотели бы знать мнение тов. Сталина.

Первое. Каковы перспективы относительно заключения мирного договора с Германией, будет ли созвано совещание четырех держав, какие можно ожидать результаты совещания?

Второе. О проведении общегерманских свободных выборов без вмешательства ООН. Мы должны вернуть массовое движение для борьбы за такие выборы, добиваясь свержения правительства Аденауэра.

Третье. Как должна партия дальше вести борьбу в Западной Германии?

Самое важное в настоящее время — это достижение единства рабочего класса. ЦК СЕПГ направил недавно в адрес ЦК СДП⁶³ письмо с предложением о совместных действиях по вопросам единства Германии и мирного договора⁶⁴. Но, по всей вероятности, и это предложение будет отклонено правым руководством социал-демократов. Дальнейшая задача состоит в собирании буржуазных патриотических сил. В ближайшее время состоится «Конференция тысячи» с участием различных патриотических группировок.

Тов. Сталин спрашивает, — на Западе?

Тов. Пик подтверждает.

На конференции будет избран постоянный президиум для организации согласованных действий в борьбе за единство и мирный договор после конференции. Это поможет расширить движение. Решающий вопрос состоит в укреплении компартии Германии. За последний год она добилась неплохих успехов в борьбе против ремилитаризации и за единство Германии. В связи с этим возникла угроза запрета КПГ со стороны правительства Аденауэра. Но эти успехи не соответствуют обострению положения в Западной Германии. Выборы в юго-западном государстве показали, что партия еще не добила доверия широких масс. На этих выборах КПГ даже потеряла голоса в процентном отношении⁶⁵. Причина частично заключается в том, что избиратели мало участвовали в выборах.

ЦК СЕПГ старался помочь КПГ посылкой инструкторов и ответработников в Западную Германию из ГДР. Беда в том, что КПГ не имеет достаточных кадров и что имеющиеся кадры не так образованы и воспитаны для развертывания широкой национальной борьбы. Недавно в ЦК СЕПГ была создана комиссия для выработки программы КПГ. Этому мы придаем важное значение, т. к. КПГ до сих пор не имеет партийной программы и в рядах партии наблюдаются колебания по важнейшим вопросам национально-освободительной борьбы и рабочего движения в Западной Германии. После составления проекта программы мы хотели бы попросить ЦК ВКП(б) оказать нам помощь в ее окончательной редакции.

Вторая группа вопросов, — продолжает тов. Пик, — вытекает из тех задач, которые возникают в связи с заключением «общего договора», который, вероятно, будет подписан западными державами и боннским правительством в мае этого года. По нашему мнению, нужно использовать все возможности, чтобы не допустить заключения «общего договора» (забастовки, «призыв мира» с собиранием подписей населения в Западной и Восточной Германии, разработка национальной программы от имени президиума «Конференции тысячи»⁶⁶). Правительство ГДР выступит с заявлением о том, что оно не признает генерального договора. Кроме того, имеется в виду предпринять ряд мер, затрудняющих хозяйственное положение Западной Германии (введение повышенного налога на автострадах между Западным Берлином и Западной Германией⁶⁷, создание затруднений на коммуникациях Западного Берлина и ГДР, введение системы пропусков для поездок жителей Западного Берлина в ГДР).

Третья группа вопросов, — продолжал тов. Пик, — связана с тем, какую военную защиту должна создать Германская Демократическая Республика в связи с угрозой с Запада? Сейчас в ГДР имеется народная полиция, но это — не защита. Полиция вооружена слабо, имеет плохие револьверы, у которых нет патронов.

Тов. Сталин спрашивает, — что же это за полиция?

Тов. Ульбрихт замечает, что такой полиции нет нигде в мире и что она сама не может защищаться от преступных элементов.

Тов. Сталин спрашивает, — почему?

Вы сами виноваты, что создалось такое положение.

Ульбрихт говорит, что полиция вооружена старым немецким оружием, для которого не имеется нужного количества патронов, и что сама ГДР не могла производить оружие для народной полиции, т. к. это запрещено четырехсторонними постановлениями.

Тов. Сталин замечает, — вы плохо поняли свои права. Вы имеете полное право содержать свою полицию, хорошо вооруженную и обученную.

Тов. Молотов замечает, — и производить необходимое для нее вооружение.

Тов. Сталин подчеркивает, что ГДР может производить для народной полиции пулеметы, винтовки, револьверы, патроны. Имеете полное право.

Тов. Пик говорит, что это очень хорошо. Пик спрашивает, нужно ли предпринимать шаги по созданию немецкой армии в Германской Демократической Республике.

Тов. Сталин говорит, — не шаги, а армию надо создать. Что такое шаги?

Тов. Пик говорит, что для этого надо производить вооружение.

Тов. Сталин замечает, что западные державы нарушают в Западной Германии все постановления и делают, что им угодно.

Тов. Пик говорит, что для создания армии нужно развернуть соответствующую агитацию в ГДР и показать разницу между той армией, которую создают в Западной Германии, и национальной армией в Восточной Германии.

Тов. Сталин говорит, что армию надо создавать без шума, без агитации. Когда она будет создана, тогда можно кричать.

Тов. Пик говорит, что мы вели агитацию за демилитаризацию Германии — против армии вообще. Но из этого получилось распространение пацифистских настроений, с наличием которых приходится считаться.

Тов. Сталин отмечает, что в свое время это было необходимо. Теперь это не нужно.

Тов. Пик говорит, что теперь это дает себя знать при обсуждении военных положений советского проекта основ мирного договора. Получается недоразумение.

Тов. Сталин спрашивает, — недоразумение? Какое?

Тов. Ульбрихт говорит о распространении пацифистских настроений в ГДР.

Тов. Сталин спрашивает, — а если вас будут бить, вы защищаться будете? Это называется непротивлением злу насилием. Толстой проповедовал. Это — не пацифизм. Это хуже.

Тов. Пик говорит, что одной из важных задач в ГДР является укрепление демократической законности. Наряду с успехами строительства в ГДР наблюдается усиление действий врага (кулаки, церковь). Должно быть больше публичных выступлений о необходимости усиления бдительности и защиты демократического порядка. Надо провести несколько публичных процессов, чтобы люди знали, почему проводятся аресты и выносятся приговоры. До сих пор нам говорили, что это нецелесообразно. Но это надо сделать. Кроме того, целесообразно было бы пересмотреть приговоры советских военных трибуналов по легким видам преступлений. Сейчас тюрьмы в ГДР переполнены. Может быть, следовало бы в легких случаях пересмотреть приговоры.

Тов. Сталин спрашивает, — освободить?

Тов. Молотов уточняет, — по более легким видам преступлений.

Тов. Пик подтверждает. Затем Пик говорит о необходимости улучшения положения квалифицированных рабочих в ГДР путем создания тарифных разрядов и повышения заработной платы более квалифицированным рабочим. Мы дискутировали также вопрос о том, что можно сделать для рабочих частных предприятий.

Тов. Сталин спрашивает, — там положение хуже?

Тов. Эльснер говорит, что значительно хуже.

Тов. Пик говорит, что для рабочих частных предприятий предполагается выдача премий за выполнение заказов по договорам с государства, а также создание социально-культурного фонда в размере 3% к зарплате рабочих частных предприятий.

Тов. Сталин спрашивает, — а вы не думали о том, чтобы получить часть или половину предприятий, которые принадлежат Советскому Союзу в Германии?

Тов. Ульбрихт отвечает отрицательно.

Тов. Сталин уточняет, — не думали?

Тов. Пик говорит, что это было бы желательно.

Тов. Сталин замечает, — а мы думаем половину советских предприятий продать правительству ГДР, а через год или немного позже также вторую половину. Половину, мы считаем с точки зрения получаемых прибылей, — если все советские предприятия дадут, скажем, 800 млн. рублей прибыли в год, то мы продадим предприятия, дающие 400 млн. рублей прибыли в год.

Тов. Пик говорит, что это очень хорошо.

Тов. Сталин говорит, что об этом вам придется поговорить конкретно. Мы предлагаем, чтобы часть вы оплатили марками, а другую часть — товарами. Тогда у вас будет много государственных рабочих⁶⁸.

Тов. Пик говорит, что это очень хорошо. Затем Пик говорит о том, что много интеллигенции из ГДР бежит на Запад.

Тов. Сталин бросает реплику, — вы должны свою интеллигенцию создать.

Тов. Эльснер замечает, что это уже делается в ГДР.

Тов. Пик говорит, что мы хотели заключать с инженерами и техниками индивидуальные договоры. Давно постановили это, но не провели в жизнь. В старой Германии соотношение средней зарплаты рабочего к зарплате инженера было 1:2,5, а теперь в ГДР — 1:1,7. Плохо налажено дело с поощрением изобретательства и выдачей патентов, а также с технической литературой.

Тов. Сталин уточняет, — с изданием? Мало издают?

Тов. Эльснер подтверждает и добавляет, что инженерно-техническая интеллигенция получает мало технической литературы также из-за границы.

Тов. Пик говорит о необходимости улучшения работы госаппарата ГДР, где очень мало ответственности и инициативы. Должен быть введен строгий контроль исполнения и создан для этого необходимый аппарат при Совете Министров ГДР. Об этом будет говорить Гротеволь. Мы считаем, — продолжает Пик, — что вопросы внешней политики должны находиться под непосредственным руководством Политбюро ЦК СЕПГ. До сих пор этими делами больше занималось Министерство иностранных дел, но из этого пока ничего не вышло.

Тов. Сталин замечает, что секреты не будут сохраняться, если не будет принято соответствующих мер.

Тов. Пик говорит о необходимости хозяйственной помощи ГДР со стороны Советского Союза. 1952 хозяйственный год начат в ГДР хуже, чем 1951 год. И перспективы не очень хорошие. Мы просим помощи по пяти пунктам, о которых доложит Гротеволь⁶⁹.

Это общие вопросы.

Переходя к положению в партии, тов. Пик говорит, что недавно состоялся восьмой пленум ЦК СЕПГ, занимавшийся, главным образом, вопросами борьбы против бюрократизма и усилением работы низовых партийных организаций и органов власти.

Тов. Сталин спрашивает, — у вас члены партии регистрируются строго? Сколько членов партии?

Тов. Пик отвечает, — 1.153 тыс. человек.

Тов. Сталин спрашивает, — меньше, чем было прошлый год?

Тов. Ульбрихт говорит, что значительно меньше, т. к. была проведена проверка членов и кандидатов партии и в течение года на время проверки был закрыт прием в партию.

Тов. Пик говорит, что в партии имеется 1.153 тыс. членов и 102 тыс. кандидатов в члены партии. Женщин — 23% к общему числу членов и кандидатов. Рабочих у станка — 42,4%, служащих — 27,2%, крестьян — 5%, интеллигенции — 4,3%, неработающих — 16,1% и др.

Тов. Сталин спрашивает, — безработица есть у вас?

Тов. Пик отвечает отрицательно.

Тов. Ульбрихт говорит, что есть безработица. Она начинается в связи с появлением трудностей по сырью. Например, в текстильном районе Котбус приходится уволить около 1 тыс. рабочих.

Тов. Сталин спрашивает, — как крестьяне относятся к власти?

Тов. Пик говорит, что средние и мелкие крестьяне относятся к власти положительно и выполняют свои обязательства перед государством. Иначе с кулаками, которые в этом году саботируют сельскохозяйственные поставки и начинают даже прибегать к террористическим актам против сельских активистов партии. Таким образом, кулачество сопротивляется.

Тов. Сталин говорит, что это конечно.

Тов. Пик говорит о больших пробелах в партийной работе СЕПГ в деревне. Опорными пунктами нашей политики в деревне являются машинно-прокатные станции (МПС)⁷⁰.

Тов. Сталин спрашивает, — а колхозы есть?

Получив отрицательный ответ, тов. Сталин спрашивает, — для чего существуют в ГДР МПС.

Тов. Пик отвечает, что назначением МПС в ГДР является освободить бедного и среднего крестьянина из-под влияния кулака.

Тов. Сталин спрашивает, — значит, МПС обслуживают частные хозяйства? Крестьяне обращаются к МПС за помощью? Пользу они приносят частным крестьянам?

Тов. Ульбрихт подтверждает и говорит, что необходимо создать еще больше машинно-прокатных станций.

Тов. Сталин спрашивает, как оплачивается труд МПС — натурой или деньгами?

Тов. Пик говорит, что деньгами, и подчеркивает важность МПС для политической обработки населения деревни.

Тов. Сталин спрашивает, — много ли в ГДР МПС?

Тов. Ульбрихт называет число МПС — 540 и замечает, что необходимо расширить сеть МПС до 600.

Тов. Пик говорит о сложном положении, создавшемся в Берлине вследствие раскола города на две части. Американцы пытаются, опираясь на Западный Берлин, вести подрывную политику в ГДР. В Западном Берлине концентрируется реакция. Издаются много реакционных газет, имеется 3 мощных радиостанции, работающие на ГДР и ведущие большую травлю против демократических порядков. Берлинские социал-демократы выступают за проведение сепаратных выборов в Берлине, стремясь распространить свое влияние на весь Берлин. По количеству членов партии в Берлине СЕПГ имеет 39700 чел., а СДП — 34000, но весь аппарат управления в Западном Берлине социал-демократы держат в своих руках.

Тов. Сталин спрашивает, — много ли имеет членов социал-демократическая партия в Восточном Берлине?

Тов. Ульбрихт отвечает, что очень мало.

Тов. Пик говорит, что с 1948 года СДП потеряла в Берлине 6 тыс. членов и что массы недовольны ее политикой.

В заключение тов. Пик выражает тов. Сталину благодарность за помощь германскому народу, особенно за предложенный проект основ мирного договора⁷¹ и за посылку специалистов в ГДР в порядке помощи. Тов. Пик говорит, что он хочет еще поблагодарить Советскую Контрольную Комиссию в Германии и тт. Чуйкова и Семенова за постоянно оказываемую помощь руководству ЦК СЕПГ в работе.

Затем говорит тов. Гротеволь. Он заявляет, что государственный аппарат ГДР не идет в ногу с темпами и размахом строительства культуры и экономики в ГДР. Главная ошибка в том, что мы переняли веймарскую структуру госаппарата без серьезных поправок. Вследствие структурных изменений хозяйства (земельная реформа и плановое хозяйство) в ГДР возникли совершенно новые задачи перед государством. Рост народной промышленности, укрепление планового начала в экономике, развитие трудового соревнования, введение технических норм, борьба за повышение производительности труда и качества продукции, введение коллективных договоров на предприятиях, введение договорной системы и хозрасчета поставили такие новые проблемы в экономике, что с этим было связано значительное развитие сознания рабочих. Конечно, у нас есть ошибки и в хозяйственном аппарате, но новые методы там привились больше, чем в государственном управлении. Мы пытались после образования ГДР приспособиться к новым задачам (в Веймарской республике было 14 министерств, теперь создано 25), но еще не удалось добиться действительной координации министерств и ведомств и надлежащего руководства ими. Аппарат больше рос вширь, чем вглубь. Были недостатки и в распределении обязанностей между правительством и партийным аппаратом, что порождало параллелизм и противоречия в работе. В госаппарате много формализма и раздутой бумажной отчетности. Наши предложения имеют цель создать действительно деловой контроль и обеспечить квалифицированную подготовку решений. Мы намерены создать для этого специальный аппарат при Совете Министров ГДР. Член Политбюро ЦК СЕПГ и заместитель премьер-министра Рау будет освобожден от обязанностей председателя Госплана. Ему будет поручена координация всех вопросов экономики, включая промышленность, транспорт и сельское хозяйство. Министр народного образования Вандель⁷² будет назначен освобожденным заместителем премьер-министра с задачей координации вопросов науки, народного образования и искусства. Будет создан статс-секретариат по руководству местными органами власти. Эти три товарища будут непосредственно подчинены Политбюро ЦК СЕПГ и будут проводить всю подготовительную работу по соответствующим отраслям. Работа Правительства будет теснее связана с руководством партии. Кроме того, при Политбюро ЦК СЕПГ будет создан внешнеполитический отдел, который будет руководить МИДом.

Тов. Сталин спрашивает Гротеволья, — сколько он имеет заместителей?

Тов. Гротеволь отвечает, что пять заместителей.

Тов. Сталин спрашивает, — чем они заняты?

Тов. Гротеволь говорит, что два заместителя из пяти являются представителями буржуазных партий и что мы рады, что они ничем не заняты.

Тов. Сталин спрашивает, — чем занят Ульбрихт?

Тов. Гротеволь отвечает, что у Ульбрихта очень много вопросов по правительству, связанных с молодежью, спортом и др. В целом он осуществляет связь правительства с партией.

Тов. Сталин спрашивает, — а если первый заместитель премьер-министра будет наблюдать только за промышленностью и координировать ее работу?

Тов. Гротеволь говорит, что, главным образом, эту задачу мы имеем в виду поручить Рау.

Тов. Сталин говорит о том, что, кроме министров, надо иметь заместителей премьера и распределить между ними труд, чтобы каждый из них наблюдал за какой-либо определенной отраслью.

Тов. Гротеволь говорит, что в своих планах реорганизации они исходят именно из этой мысли. Но решение задачи очень затрудняется наличием блока партий. При создании новых постов приходится считаться с необходимостью выделить что-либо для буржуазных партий. Однако с развитием наших задач становится все труднее отдать какое-либо министерство представителям буржуазии.

Тов. Сталин спрашивает, — чего требуют буржуазные партии?

Тов. Ульбрихт отвечает, что они хотят получить посты и вести спокойную жизнь.

Тов. Сталин говорит, что имеется опыт, согласно которому только через министров руководить нельзя. Кроме министров, надо иметь заместителей премьер-министра, которые занимались бы определенной группой министерств. С точки зрения управления без этого обойтись никак нельзя.

Тов. Гротеволь говорит, что в ГДР задача состоит в том, чтобы создать такие группы, но при этом не дать ничего представителям буржуазии. Последние только помешают, если учитывать, что необходимо решать вопросы об армии, вооружениях и т. п.

Тов. Сталин спрашивает, — имеется ли в ГДР министерство по обороне и кем управляется полиция?

Тов. Ульбрихт отвечает, что полицией формально управляет Министерство внутренних дел ГДР, но там имеется специальный статс-секретарь по вопросам полиции, фактически не подчиненный Министру внутренних дел.

Тов. Сталин интересуется, кто является Министром внутренних дел ГДР.

Тов. Ульбрихт отвечает, что Штайнгоф⁷³ — очень мирный человек.

Тов. Сталин спрашивает, — а боевого нельзя поставить? Военного?

Тов. Ульбрихт говорит, что надо.

Тов. Сталин замечает, что если Министр — мирный, то и полиция будет мирная. Может быть, Министерство обороны не следует создавать, а около МВД создать зародыш.

Тов. Ульбрихт говорит, что та часть полиции, которая является войсками, только формально подчиняется МВД ГДР, а фактически она непосредственно подчинена МГБ ГДР и премьер-министру.

Тов. Сталин говорит, что тогда лучше такой зародыш создать около МГБ.

Тов. Ульбрихт выражает согласие.

Тов. Гротеволь говорит о том, что в ГДР существует ряд хозяйственных трудностей, которые они сами не могут разрешить. Мы просим о помощи по следующим пунктам:

а) литейный чугун — 25 тыс. тонн сверх долгосрочного соглашения (обосновывает заявку статистическими данными).

Тов. Сталин замечает, что это мы можем дать.

Тов. Гротеволь говорит о необходимости получения краткосрочного кредита в размере 2,5 млн. долларов для покупки трубопрокатного стана из Западной Германии ввиду большого дефицита цельнотянутых труб (нехватает 19 тыс. тонн).

Тов. Сталин говорит, что кредит можно дать, и спрашивает, сколько хотите получить цельнотянутых труб.

Тов. Гротеволь отвечает, что с трубами они рассчитывают обойтись, если получат трубопрокатный стан, который с IV квартала начнет катать трубы.

На вопрос тов. Сталина тов. Семенов отвечает, что по расчетам СКК ГДР будет иметь дефицит по цельнотянутым трубам и в случае получения прокатного стана и что сейчас ведутся переговоры ГДР с Чехословакией и Венгрией о возможности принятия заказов этими странами на прокат 19 тыс. тонн труб из трубных заготовок, имеющихся в ГДР.

Тов. Гротеволь говорит, что при получении стана ГДР будет иметь в 1952 году непокрытый дефицит цельнотянутых труб, примерно, около 14 тыс. тонн.

Тов. Сталин спрашивает тов. Микояна, можно ли дать это количество.

Тов. Микоян говорит, что это будет трудно.

Тов. Сталин говорит, что все, что можно, мы дадим. Кредит в 2,5 млн. долларов дадим, когда хотите. Хоть завтра.

Тов. Маленков спрашивает, — где находится прокатный стан, в Западной Германии?

Тов. Гротеволь отвечает, что стан был изготовлен в Западной Германии, но уже вывезен оттуда и должен быть получен ГДР через Англию и Швейцарию.

Тов. Гротеволь просит об укорочении сроков поставок толстого листового железа, необходимого для строительства кораблей, а именно: из закупленных в СССР 72 тыс. тонн толстого листа поставить до конца апреля 32 тыс. тонн и до конца III квартала с. г. — 40 тыс. тонн.

Тов. Микоян говорит, что это будет трудно и что в IV квартале промышленность ГДР также будет нуждаться в толстом листе. Он предлагает поставить до конца апреля 21 тыс. тонн, в III квартале — 30 тыс. тонн и в IV квартале — 21 тыс. тонн.

Тов. Гротеволь говорит, что мы хотели бы иначе.

Тов. Сталин замечает, что это надо выяснить во время ведущихся сейчас торговых переговоров.

Тов. Ульбрихт говорит, что там неделями говорили, но ничего не удалось добиться.

Тов. Сталин уточняет, — с кем велись переговоры?

Тов. Ульбрихт указывает на МВТ СССР.

Тов. Сталин говорит, что привлечем промышленников. Может быть, можно дать, но пока ничего нельзя сказать. Если в Москве есть немецкая торговая делегация, то она должна переговорить об этом.

Тов. Гротеволь говорит, что это – самая трудная позиция. Имели место большие ошибки в распределении вывозимого из СССР металла – ответственные сотрудники ГДР подписали с УСИГ соглашение о передаче 70% металла советским предприятиям в Германии. Мы не признали этого соглашения и потребовали точной проверки потребления. Мы знаем, что советские предприятия имеют на своих складах в ГДР больше сырья, чем им необходимо.

Тов. Ульбрихт говорит, что в этом вопросе сотрудничество советских и народных предприятий в ГДР не совсем налажено. Советская верфь «Нептун» обеспечена толстым листовым железом на весь год, а сейчас то, что она получает из СССР, идет в склад. Народная верфь в Штральзунде недогружена, хотя она работает также на выполнение репараций.

Тов. Сталин спрашивает, – почему не говорили об этом до сих пор? С кем говорили?

Тов. Ульбрихт говорит, что об этом говорили с руководством УСИГ и в Карлсхорсте.

Тов. Семенов дает справку, что впервые этот вопрос был поставлен перед руководством СКК 19 марта с. г. и для проверки создана комиссия.

Тов. Сталин спрашивает Ульбрихта, – не могли написать письмо в Москву?

Тов. Ульбрихт говорит, что они, как обычно, пытались урегулировать этот вопрос на месте.

Тов. Сталин указывает, что когда недовольны, надо обращаться в ЦК ВКП(б). А эту заявку необходимо обеспечить за счет советских предприятий в Германии. Вопрос решить здесь, в Москве, а не в Берлине, и просьбу удовлетворить.

Тов. Гротеволь просит о поставке ГДР 7 тыс. тонн свинца.

Тов. Сталин спрашивает, – сколько дают?

Тов. Гротеволь говорит, что пока вообще ничего не дают.

Тов. Микоян дает справку, что МВТ СССР еще не докладывало правительству результаты торговых переговоров с делегацией ГДР и что этот вопрос еще не решен.

Тов. Сталин спрашивает Гротеволья, – хватит ли 5 тыс. тонн свинца?

Тов. Гротеволь просит 7 тыс. тонн.

Тов. Сталин говорит, что дадим. Китайцы много взяли. Раньше вас пришли и забрали.

Тов. Гротеволь просит о поставке 10 тыс. тонн меди.

Тов. Сталин отвечает, что это очень трудно, но дадим.

Тов. Гротеволь говорит, что без меди нельзя вооружаться.

Тов. Сталин говорит, – дадим.

Тов. Гротеволь благодарит.

Тов. Сталин замечает, что если бы мы могли, то дали бы в два раза больше. А «Нептун-верф» продадим вам со всеми запасами металла.

Тов. Сталин спрашивает, – не открыли ли в ГДР запасов железной руды?

Тов. Ульбрихт отвечает, что большая часть металла в ГДР производится из местных запасов бедных руд.

Тов. Сталин спрашивает о наличии доменных печей в ГДР.

Тов. Ульбрихт отвечает, что доменные печи строятся, но плохо, и что комбинат «Ост»⁷⁴ переживает серьезные пусковые трудности.

Тов. Сталин замечает, что мы всегда учились строительству металлургической промышленности у немцев. Как произошло, что вы не умеете строить доменных печей?

Тов. Ульбрихт ссылается на отсутствие специалистов. Все металлурги сейчас сидят на Западе.

Тов. Сталин говорит, что это хорошо. Наконец, создадите свою собственную инженерную интеллигенцию.

Тов. Ульбрихт просит об оказании советской технической помощи предприятиям ГДР путем посылки соответствующих специалистов. Например, на завод по ремонту танков и проч.

Тов. Молотов спрашивает, – в Германии не делали танков?

Тов. Ульбрихт отвечает, что все танковые заводы взорвали, демилитаризацию провели так основательно, что у самих ничего не осталось.

Тов. Сталин рассказывает, что когда советские войска шли к Берлину, американцы просили разрешения советского командования бомбардировать германскую территорию на расстоянии 10 км западной линии расположения советских войск. Мы сначала не поняли, в чем тут дело, и сказали американцам, что этого делать не надо – тут войска. Но американцы все же просили разрешения бомбить. Потом стало понятно, что они хотели уничтожить немецкие заводы. Мы ответили, что мы не можем разрешить бомбардировок. Тем не менее, они послали бомбардировщики, и мы выслали навстречу советских истребителей, сбили несколько американских бомбардировщиков, и они ушли. Разрушение заводов началось еще во время войны. Теперь будем строить заводы.

Тов. Сталин говорит, что техническую помощь ГДР мы дадим охотно, т. к. у вас очень быстро осваивают ее, не то, что в Китае, где дело идет гораздо медленнее.

Тов. Ульбрихт замечает, что тем не менее в ГДР сделано немало глупостей.

Тов. Сталин говорит, что ошибок не бывает только у тех, кто не работает.

Тов. Ульбрихт просит о предоставлении в краткосрочный кредит сельскохозяйственных комбайнов, бетономешалок, кранов, угольных комбайнов и других агрегатов для угольной промышленности.

Тов. Сталин выражает согласие и предлагает переговорить об этом конкретно.

Тов. Ульбрихт просит о научной помощи ГДР путем присылки туда советских специалистов по философии, естествознанию для чтения курсов лекций в университетах и партийных школах.

Тов. Сталин обещает оказать возможную помощь.

Тов. Ульбрихт возвращается к поднятому т. Пиком вопросу о проведении открытых процессов против диверсантов — агентов западных разведок, устраивающих поджоги, диверсии и покушения против партийных работников ГДР.

Тов. Сталин говорит о том, что надо устроить публичные процессы и воспитывать рабочий класс в боевом духе.

Тов. Молотов говорит о необходимости ввести систему пропусков для поездок жителей Западного Берлина по территории ГДР. Разве можно терпеть свободное передвижение западных агентов по республике?

Тов. Ульбрихт говорит, что сейчас контрабанда из ГДР в Западный Берлин идет почти открыто, а полиция не может даже стрелять по контрабандистам, т. к. не имеет патрон.

Тов. Молотов говорит, что это невозможно.

Тов. Сталин замечает, что это не годится. Этого никак нельзя терпеть.

Тов. Сталин спрашивает, — есть ли в ГДР пограничная охрана?

Тов. Ульбрихт отвечает, что пограничная охрана слабая, что ее надо усилить и подчинить военным органам, введя соответствующее военное обучение.

Тов. Сталин соглашается.

Тов. Сталин говорит, что к вопросам о положении в Западной Германии, ее перспективах и об общем договоре можно будет возвратиться при второй встрече.

Тов. Пик соглашается.

Тов. Ульбрихт просит ознакомить руководителей ЦК СЕПГ с научной работой тов. Сталина по вопросам политэкономии.

Тов. Сталин дает согласие, подчеркивая, что эта работа не предназначена для печати. У нас была дискуссия по экономическим вопросам, на которой всплыли некоторые вопросы, и в «замечаниях» дан на них ответ. Это специально русские вопросы⁷⁵.

Тов. Ульбрихт просит разрешения переговорить с кем-либо из руководящих работников ЦК ВКП(б) о методах работы ЦК и госаппарата.

Тов. Сталин говорит, что это можно. Нам скрывать от вас нечего, но у вас несколько другие условия.

Тов. Ульбрихт говорит, что они сами смогут обдумать, как применить советский опыт к условиям ГДР.

Тов. Сталин подчеркивает, что такую полицию, какая имеется в ГДР, нельзя держать. Полиция должна быть боевая. В ней надо изменить инструкции, улучшить вооружение и обучение.

Тов. Ульбрихт говорит, что он был на партконференциях полиции и что полицейские товарищи возмущаются существующими условиями.

Тов. Сталин говорит, что это правильно.

Тов. Сталин спрашивает, — выдвигаются ли на ответственные посты в ГДР рабочие?

Тов. Ульбрихт подтверждает.

Тов. Сталин спрашивает относительно выдвижения из крестьян.

Тов. Ульбрихт говорит, что в этом отношении дела обстоят много хуже.

Тов. Пик благодарит тов. Сталина за присылку советской делегации на юбилей Бетховена. Выступления советских артистов произвели большое впечатление.

Тов. Сталин смеется и замечает, что это все хорошо, но армию иметь интереснее.

Записал И. Семенов

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ с тов. СТАЛИНЫМ И. В.
РУКОВОДИТЕЛЕЙ СЕПГ В. ПИКА, В. УЛЬБРИХТА и О. ГРОТЕВОЛЯ
7 апреля 1952 года

Присутствуют: т. т. Молотов, Маленков,
Булганин, Семенов (СКК)⁷⁶

Тов. Сталин говорит, что в прошлой беседе В. Пик поставил вопрос о перспективах развития Германии, в связи с советскими предложениями о мирном договоре и политикой американцев и англичан в Гер-

мании. Тов. Сталин считает, что какие бы предложения мы не вносили по германскому вопросу, западные державы не согласятся с ними и все равно не уйдут из Западной Германии. Думать, что выйдет компромисс или что американцы примут проект мирного договора, значило бы ошибаться. Американцам нужна армия в Западной Германии, чтобы держать в руках Западную Европу. Они говорят, что имеют там армию против нас. На самом деле назначение их армии состоит в том, чтобы держать Европу. Американцы вовлекут Западную Германию в Атлантический пакт. Они создадут западногерманские войска. Аденауэр сидит в кармане у американцев. Все бывшие фашисты и генералы — тоже. На деле в Западной Германии образуется самостоятельное государство. И Вы должны организовать свое собственное государство. Демаркационную линию между Западной и Восточной Германией надо рассматривать как границу, — и не как простую границу, а как опасную границу. Нужно усилить охрану этой границы. На первой линии ее охраны будут стоять немцы, а на вторую линию охраны мы поставим русские войска. Слишком свободно ходят по Германской Демократической Республике агенты западных держав. Они могут пойти на крайние меры и убить Вас или тов. Чуйкова. С этим надо считаться. Поэтому надо иметь сильную охрану границы.

Затем, — продолжает тов. Сталин, — мы хотим восстановить военные комендатуры. Это тоже хорошее дело против возможных диверсий. Также наши войска должны иметь обеспеченную охрану. И Вы нуждаетесь в этом, сами крепче будете. Тов. Сталин спрашивает, подходят ли эти предложения?

Тов. Пик говорит, что это очень важно.

Тов. Ульбрихт выражает согласие. Он спрашивает, будут ли везде восстановлены комендатуры?

Тов. Сталин отвечает, что не знает этого. Тов. Чуйков хочет восстановить комендатуры и выделяет для этого 3–4 тыс. военных.

Тов. Пик говорит, что это очень важно и нужно⁷⁷.

Тов. Сталин говорит, что мы выясняли вопрос о вооружении немецкой полиции и пришли к выводу, что вооружение должно быть русское. Сейчас немецкая полиция имеет старое немецкое оружие, к которому нет немецких патронов. Нужно либо восстановить производство патронов, либо мы продадим Вам свое оружие.

Тов. Ульбрихт говорит, что он согласен с этим. Но все ли оружие будет продано? Начиная с револьвера или начиная с пулемета?

Тов. Сталин говорит, что все оружие. Если у Вас полиция не вооружена, то какая же это полиция. Вы имеете право держать вооруженную полицию. Тов. Чуйков говорит, что кроме обычной полиции в ГДР есть казарменная полиция, т. е. войска. Он просил дать для нее танки и артиллерию. Мы согласны. Подумайте над этим.

Тов. Сталин говорит, что у него есть два вопроса. В прошлый раз здесь выяснилось, что в ГДР соотношение зарплаты рабочих и инженерно-технического персонала составляет 1:1,7. Это совершенно неправильно. Это загубит у Вас всю промышленность. Возможно, Вы опирались на то, что Маркс и Энгельс во время Коммуны сказали, что инженер не должен получать больше квалифицированного рабочего. Может быть, тогда это было правильно, но сейчас абсолютно неправильно. Инженер занимается интеллектуальным трудом. Он должен иметь квартиру, обстановку; он не должен бегать за куском хлеба. Обстановка его жизни должна быть такая, в которой нуждается человек, работающий интеллектуальным трудом. Ему необходимо иметь библиотеку, уют, чтобы он мог спокойно почитать книгу, написать что-либо. Если Вы этого не сделаете, у Вас не только старые инженеры уйдут, но и молодые убегут. У нас инженер получает в два-три раза больше, чем рабочий, а кое-где и в четыре раза⁷⁸. Академики получают ежемесячно 12 тыс. рублей. Без этого нельзя работать и совершенствоваться. Поэтому старые взгляды на этот счет надо отбросить. Техника стала такая сложная по сравнению с временами Коммуны, что инженер и даже квалифицированный рабочий должны много учиться, чтобы овладеть этой техникой. Инженер должен иметь возможность постоянно совершенствоваться, читать книги, писать — без этого нет инженера. То же относится и к армии. Маркс и Энгельс считали, что нужна милиционная армия. И мы первые годы считали также необходимой только милиционную армию. Жизнь показала, что это неправильно. Сейчас для того, чтобы защищать страну, нужна современная армия с многими специалистами. Милиционная армия хороша только в том случае, если война решается винтовкой. Теперь эту старую милиционную армию нужно отбросить. Теперь действует не мануфактурная армия, а машинная армия. Поэтому в армии должны быть люди, которые знают машины.

Тов. Сталин говорит, что он слышал также, что в ГДР квалифицированные рабочие немногим больше получают, чем неквалифицированные рабочие.

Тов. Ульбрихт говорит, что они получают больше, но разница недостаточна. Поэтому имеется в виду ввести тарифные разряды.

Тов. Сталин говорит, что мы тоже имели такой опыт в первые годы Советской власти. На заводах создавались коммуны, в которые входили инженеры и неквалифицированные рабочие, отдавали свои заработки в общий котел и все делили поровну. Это была глупость. Квалифицированный рабочий не имел стимула поднимать свою квалификацию и неквалифицированный рабочий также не имел стимула подниматься до уровня квалифицированных рабочих. Проигрывали и те, и другие. Тогда некоторые люди говорили, буд-

то такой подход к делу является пролетарским, социалистическим. Но ничего пролетарского, социалистического в этом нет. Это есть крестьянская уравниловка. Любой пролетарий скажет Вам, что если он получит больше жалования, то он будет квалифицироваться, а иначе не будет. Квалифицированный рабочий должен получать гораздо больше, чем обычный рабочий, а инженер — гораздо больше, чем квалифицированный рабочий. Каких бы расходов это не стоило, это нужно сделать. У нас так поставлено дело уже лет 25, и только поэтому дело идет хорошо. Имеется перспектива у квалифицированных рабочих, многие из которых сдали экзамен на инженеров и стали хорошими специалистами. Крестьянскую уравниловку надо похоронить. Тов. Сталин спрашивает, согласны ли немецкие руководители с этим, и добавляет, что это есть настоящий марксистский подход.

Тов. Пик говорит, что это правильно.

Тов. Сталин говорит, что у него есть второй вопрос. Он, Сталин, понял так, что в ГДР вообще нет колхозов⁷⁹ и что машинно-прокатные станции обслуживают только частные крестьянские хозяйства.

Тов. Ульбрихт подтверждает это и добавляет, что мы даже запретили организовывать колхозы там, где крестьяне этого хотели, чтобы не помешать движению за единство Германии.

Тов. Сталин говорит, что Вы жалуетесь на кулаков. Но что это за тактика, — жаловаться?! Кулака надо окружить и около него создавать колхозы. У нас организация колхозов происходила одновременно с раскулачиванием. Вам этот путь не пригодится. Пусть кулак сидит у себя, не трогайте его. Но кроме кулака у Вас в деревне есть беднота, которая живет возле кулака. Ее надо вовлекать в производственный кооператив. Сколько бедняцких хозяйств войдет в производственный кооператив — 5—10—15 — это не имеет значения. Важно, что они будут организовываться. Сейчас у бедноты нет машин, не хватает семян, нет необходимых знаний и опыта ведения хозяйства. Поэтому у нее плохо дело с урожаем. При таком положении бедняки будут разоряться и пойдут в безработные. Если Вы организуете малые колхозы и сможете им наладить хозяйство, тогда крестьяне подумают, как лучше — идти в колхоз или жить в одиночку. Имеется хороший опыт в Венгрии, где организованы хорошие колхозы, кулаков не трогают, колхозам дали машины; стараются поднимать колхозный урожай. Нельзя думать, что венгры более способные люди, чем немцы. Вы это должны тоже сделать. Надо предоставить производственным кооперативам льготы, как было в свое время у нас. Дешевле дать машины, помочь семенами и советами. Если нужны инструкторы для организации колхозов, мы их Вам дадим. Конечно, если блок партий будет возражать против этого, то это другое дело. Но блок не может возражать, если крестьяне захотят организовать производственную кооперацию и если Вы будете помогать в этом крестьянам. Что тут плохого? Вы сами увидите, что крестьяне будут ходить в гости в эти колхозы и смотреть, как выходит жизнь по-новому. Я заметил, говорит тов. Сталин, что Вы не дорожите крестьянами в своей политике. Это есть старый социал-демократический предрассудок в отношении крестьянства. Если это верно, то с таким положением надо кончить. Тов. Сталин спрашивает немецких товарищей, нужны ли им крестьяне? Дают ли они им продовольствие? Но если крестьяне нужны, значит необходимо иметь базу для союза с крестьянством.

Тов. Пик говорит, что когда в ГДР проводили земельную реформу, враги вели агитацию, что мы хотим создать колхозы. У крестьян было сильное предубеждение против колхозов, поэтому мы боялись поставить вопрос о колхозах. Мы имеем сейчас в деревне объединение крестьянской взаимопомощи и торговую кооперацию. В этом содержится принцип кооперирования. Возможно, что теперь целесообразно поставить этот вопрос на более широкой основе.

Тов. Сталин говорит, что надо создать в деревне производственные кооперативы и так их и назвать. Это даст только плюс. У Вас будет прочная опора среди крестьян. В Венгрии идет очень хорошо дело с этим. И Вы могли это сделать уже давно. Против всякой агитации нужно не молчать, а выступать с контр-агитацией. Вы можете сказать, что бедное крестьянство хочет вступить в производственные кооперативы и что правительство помогает ему в этом.

Тов. Пик говорит, что это хорошо.

Тов. Сталин замечает, что кооперативам надо дать льготы — дешевле продавать машины, первые два года помогать семенами, а потом они окрепнут. Значит, можно это?

Тов. Ульбрихт говорит, что можно. Это нам облегчит положение в деревне.

Тов. Сталин говорит, — конечно, у Вас своя база будет в деревне. Никого не загоняйте — хотят — хорошо, не хотят — не надо. Крестьяне сами пойдут в производственные кооперативы. Можно было бы хороших людей из городских безработных послать для организации таких кооперативов в деревне. Тов. Сталин говорит, что в Советском Союзе мы избавились от безработицы по двум причинам, — так как мы расширяем производство и так как крестьяне сели на землю. Раньше каждый год в города России приходило 23—25 млн. голодных крестьян из деревни и сбивали цену на рабочую силу. Теперь этого нет, так как крестьяне заинтересованы в работе в деревне. Теперь в СССР нет безработных и проблема состоит в том, что не хватает рабочих. Мы мобилизуем молодых крестьян и посылаем их в промышленность. Так мы победили безработицу с двух концов. Не надо жалеть помощи колхозам. Это потом окупится. Тогда у вас будет складываться союз рабочих и крестьян. А без крестьян одним рабочим трудно держаться. Вам помощь нужна со стороны крестьян.

Тов. Ульбрихт говорит, что это имеет свои следствия. До сих пор мы говорили в ГДР, что мы стоим за демократическую Германию и не проводили ряда мер, которые нужно проводить при развитии в направлении к социализму. Мы никогда не говорили также, что идем к социализму.

Тов. Сталин говорит, что это было правильно.

Тов. Ульбрихт спрашивает, должны ли мы будем после глубокого раскола Германии продолжать такую прежнюю тактику?

Тов. Сталин говорит, что кричать о социализме не нужно и теперь. Но производственные кооперативы — есть кусочки социализма. Народные предприятия это тоже социализм.

Тов. Ульбрихт говорит, что до сих пор мы об этом не говорили и не указывали, что народные предприятия являются социалистическими. Мы немного маскировали возникшие в ГДР общественные отношения.

Тов. Сталин говорит, что эта маска Вам помогла не запугать средние слои Западной Германии. Но если бы ее не было, то, может быть, Вы сильнее притянули бы к себе низшие слои. Рабочие будут рады, если узнают, что Вы национализуете промышленность. Иначе они скажут, что у Вас такое же правительство, как и боннское. Можно сказать, что в ГДР промышленность народная, национализированная, а в Западной Германии сидят отдельные капиталисты-миллионеры, владеющие промышленностью. Тут надо лавировать, — с одной стороны, отпугивать средние слои не следует, но и рабочих Запада тоже не стоит обижать. Мы продаем Вам свои акционерные предприятия. Рабочим в Германии будет важно знать, что таким образом увеличивается национализированная промышленность. Рабочие будут очень рады этому. Конечно, надо лавировать и маскироваться в отношении средних слоев. Если сказать, что у Вас имеется государственная промышленность, значит предприятия находятся не в руках грабителей — капиталистов, а в руках всего народа. Но сами Вы должны знать, что это социалистическое производство. Производственные кооперативы в деревне — это тоже кусочки социализма. Об этом можно не кричать. Когда дела в производственных кооперативах будут хорошие, все крестьяне увидят выгоды и силу кооперативов, то после этого крестьяне вернуться к рабочим. Но пока можно об этом не кричать, т. к. у Вас колхозов еще нет в кармане. По-моему, Вы должны это дело начать. Хотя в Германии создаются два государства, кричать о социализме пока не стоит. Колхозами эти хозяйства тоже пока не называть, а называть их производственными кооперативами.

Тов. Пик говорит, что вопрос о производственной кооперации надо серьезно обсудить и внести по этому вопросу ясность в партии.

Тов. Сталин говорит, — сначала постройте несколько колхозов, а потом обсудите в партии. Сейчас для обсуждения у Вас нет материала. Смеясь, тов. Сталин замечает, что вначале было дело, а потом слово.

Тов. Ульбрихт спрашивает, какой опыт был у стран народной демократии? Не целесообразнее ли начинать строительство производственных кооперативов после сбора урожая?

Тов. Сталин говорит, что крестьяне строятся обычно зимой. После сбора урожая можно поговорить с крестьянами о создании производственных кооперативов.

Тов. Пик говорит, что рабочие нас спрашивают, каков общественный строй в ГДР? Что это — социализм? До сих пор мы уходили от ответа на этот вопрос, но рабочие уставались неудовлетворенными.

Тов. Сталин говорит, что надо сказать своим рабочим, — мы вступили в социализм. Это еще неполный социализм, т. к. у Вас много частных капиталистов. Но это начало социализма, кусочек социализма, дорога к социализму. Надо показать, что Вы ближе к рабочим, чем правительство Аденауэра.

Тов. Сталин спрашивает, какой орган у Вас выше — Секретариат или Политбюро?

Тов. Пик отвечает, что по этому вопросу в СЕПГ были неясности, хотя по уставу СЕПГ Политбюро выше Секретариата. С нами здесь беседовал тов. Пегов⁸⁰ из ЦК ВКП(б), и он хорошо разъяснил методы работы и внес ясность. Кроме того, мы беседовали здесь с Кузнецовым, Романовым и Михайловым⁸¹ по вопросам допризывной войсковой подготовки⁸².

Тов. Сталин говорит, что Вам, может быть, понадобятся инструкторы для строительства колхозов. Можно было бы вызвать инструкторов из Венгрии или Польши.

Тов. Маленков замечает, что они будут для немецких крестьян менее авторитетны, чем советские люди.

Тов. Сталин говорит, что 1–2 инструкторов мы дадим. Только не надо одновременно с коллективизацией проводить раскулачивание. Вы можете кулаков пока не трогать.

Тов. Ульбрихт говорит, что мы не нуждаемся в том, чтобы трогать их, т. к. при организации производственных кооперативов часть кулаков сразу перебежит на Запад.

Тов. Сталин говорит, — а что в этом плохого? Вы возьмете их землю. В Польше часть кулаков продала свою землю и теперь занимается извозным промыслом. Тов. Сталин спрашивает, есть ли в ГДР совхозы?

Тов. Ульбрихт отвечает утвердительно и добавляет, что совхозы имеют около 5 процентов всей посевной площади ГДР.

Тов. Сталин спрашивает, — работают они хорошо?

Тов. Ульбрихт говорит, что не очень хорошо.

Тов. Семенов дает справку о том, что урожайность народных имений в ГДР значительно выше урожайности крестьянских полей. Но народные имения, как правило, нерентабельны и получают дотацию от государства.

Тов. Сталин говорит, что некоторые народные имения можно передать крестьянам, если они плохо работают. У нас, в Советском Союзе, были сначала трудности с налаживанием работы совхозов. Тогда часть совхозов мы передали крестьянам и хозяйство стало рентабельным. Чтобы обеспечить рабочих совхозов, мы стали выделять им участки земли, и они стали лучше работать и крепко сели на землю.

Тов. Сталин спрашивает, — получили ли немецкие товарищи прокатный стан?

Тов. Гротеволь отвечает, что деньги для покупки стана переведены, но пока еще не могут определенно сказать о покупке стана.

Тов. Сталин спрашивает, — надеются ли они получить стан?

Тов. Гротеволь отвечает утвердительно и говорит, что они дали соответствующие указания.

Тов. Сталин замечает, что в Советском Союзе делают такие станы и вообще все необходимое оборудование, однако, заводы перегружены заказами.

Тов. Сталин спрашивает, — нашли ли железную руду в новых местах ГДР?

Тов. Ульбрихт отвечает, что ГДР располагает бедной рудой около 20% содержания железа.

Тов. Сталин говорит, что ее надо смешивать с хорошей рудой. До войны немцы не отказывались и от такой руды, которая имела 5%.

Тов. Ульбрихт говорит, что в ГДР построены специальные низкие шахты для бедной руды.

Тов. Сталин говорит, что такую руду надо смешивать с хорошей рудой. У нас поляки берут криворожскую руду и на 50% смешивают ее со своей бедной рудой. Немцы брали у нас руду даже при Гитлере. Недавно мы открыли хорошую руду в Сибири, содержащую 60% железа. Но это месторождение очень далеко расположено от железной дороги.

Тов. Ульбрихт говорит, что они имеют еще одну просьбу. Мы уже сообщали, что хотим создать программу КПГ. Мы стараемся ускорить выработку этой программы и издать ее до запрещения КПГ. У нас просьба, чтобы тов. Сталин и Политбюро ЦК ВКП(б) посмотрели наш проект и помогли нам в разработке программы.

Тов. Сталин дает согласие.

Тов. Гротеволь говорит, что в оценке положения в Западной Германии и политики США они совершенно согласны с мнением тов. Сталина. Он, Гротеволь, хотел бы спросить, считает ли тов. Сталин, что в настоящий момент необходимо внести изменения в нашу аргументацию по вопросам единства Германии и в официальную точку зрения правительства ГДР по вопросу о восстановлении единства Германии.

Тов. Сталин отвечает отрицательно. Надо продолжать пропаганду единства Германии все время. Это имеет большое значение для воспитания народа в Западной Германии. Сейчас это оружие у Вас в руках, его надо все время держать в своих руках. Мы тоже будем продолжать делать предложения по вопросам единства Германии, чтобы разоблачать американцев.

Тов. Гротеволь просит тов. Сталина о дополнительной продаже ГДР 8000 тонн длинноволокнистого хлопка.

Тов. Сталин дает согласие и предлагает переговорить об этом с тов. Маленковым.

Верно:⁸⁴

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Пик (Пиек) Вильгельм (1876–1960) — деятель германского и международного коммунистического движения, один из основателей компартии Германии (1918) и СЕПГ (1946). В 1895–1918 гг. член Социал-демократической партии Германии. Участник Ноябрьской революции 1918 г. С 1918 г. член ЦК, с 1935 г. председатель ЦК КПГ. В 1928–1933 гг. депутат рейхстага. В 1928–1943 гг. член ИККИ. В 1943–1945 гг. один из руководителей Национального комитета «Свободная Германия». В 1946–1949 гг. председатель СЕПГ, в 1946–1960 гг. первый президент ГДР.
- 2 Гротеволь (Grotewohl) Отто (1894–1964) — деятель германского и международного коммунистического движения, один из основателей и в 1946–1954 гг. один из двух председателей СЕПГ. В 1912 г. вступил в Социал-демократическую партию Германии. В 1945 г. председатель Центральной комиссии СДПГ, один из основателей СЕПГ. Член Центрального секретариата, с 1949 г. член Политбюро. Первый председатель Совета министров ГДР.
- 3 Ульбрихт (Ulbricht) Вальтер (1893–1973) — деятель германского и международного коммунистического движения. Один из основателей СЕПГ. В 1912–1918 гг. член Социал-демократической партии, в 1918 г. член «Союза Спартака». Участник Ноябрьской революции 1918 г. Член КПГ с момента основания. С 1923 г. сначала член ЦК, затем секретарь ЦК КПГ, с 1935 г. член Политбюро ЦК КПГ. В 1928–1943 гг. кандидат в члены Исполкома Коминтерна. Депутат рейхстага (1928–1933). В 1943–1945 гг. участвовал в работе Национального комитета «Свободная Германия». В 1945–1946 гг. член ЦК КПГ, с 1946 г. член Центрального секретариата, в 1949 г. вошел в Политбюро СЕПГ. Генеральный секретарь (1950–1953), первый секретарь ЦК СЕПГ (1953–1971), почетный председатель СЕПГ (с 1971 г.). Герой Советского Союза (1963).
- 4 Молотов В. М. (1890–1986) — член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) КПСС (1926–1957). В 1941–1957 гг. заместитель, первый заместитель Председателя СНК (Совета министров) СССР, нар-

- ком (министр) иностранных дел СССР (1939–1949; 1953–1956).
- 5 Маленков Г. М. (1902–1988) — член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) — КПСС (1946–1957), секретарь ЦК ВКП(б) — КПСС (1948–1953); начальник Управления кадров ЦК ВКП(б) в 1939–1946 гг. В 1944–1953 гг. зам. председателя СНК (Совета министров) СССР, в 1953–1955 гг. Председатель Совета министров.
  - 6 Берия Л. П. (1899–1953) — член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)—КПСС в 1946–1953 гг. В 1938–1945 гг. нарком внутренних дел СССР (одновременно в 1938–1953 гг. генеральный комиссар госбезопасности). С 1941 г. зам. Председателя СНК СССР. Маршал Советского Союза.
  - 7 Микоян А. И. (1895–1978) — входил в Политбюро (Президиум) ЦК ВКП(б) КПСС в 1935–1966 гг. С 1946 г. зам. Председателя, с 1955 г. — первый заместитель Председателя Совета министров СССР, одновременно в 1946–1949 гг. министр внешней торговли, в 1953–1955 гг. министр торговли.
  - 8 Булганин Н. А. (1895–1975) — член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) — КПСС в 1948–1958 гг. С 1938 г. заместитель Председателя СНК СССР. С 1944 г. член ГКО и заместитель наркома обороны; с 1941 г. заместитель Председателя Совета министров и одновременно в 1947–1949 гг. министр Вооруженных сил, министр обороны СССР (1953–1955). Председатель Совета министров СССР (1955–1958).
  - 9 Чуйков В. И. (1900–1982) — маршал СССР. После Великой Отечественной войны заместитель, первый заместитель главнокомандующего, в 1949–1953 гг. главнокомандующий группой советских войск в Германии, в 1953–1960 гг. командующий войсками ВО.
  - 10 Семенов В. С. (1911–1988) — в 1945–1946 гг. заместитель политсоветника, в 1946–1949 гг. политсоветник при главноначальствующем СВАГ. С 1953 г. Верховный комиссар СССР в Германии, посол СССР в ГДР. С 1955 г. заместитель министра иностранных дел СССР.
  - 11 Эльснер (Oelsner) Фред (1903–1977) — в 1945–1946 гг. член Секретариата ЦК КПГ, в 1947–1958 гг. член правления СЕПГ.
  - 12 СЕПГ — Социалистическая единая партия Германии. Образована в 1946 г. в восточной части Германии в результате объединения Коммунистической и Социал-демократической партий Германии. В числе руководителей — В. Пик, О. Гротеволь, В. Ульбрихт.
  - 13 Национальный фронт демократической Германии был создан в 1949–1950 гг. Объединял политические партии, массовые организации и беспартийных граждан. Работал под руководством СЕПГ.
  - 14 Контрольный совет в Германии — совместный орган СССР, США, Великобритании и Франции, учрежденный ими в 1945 г. для осуществления верховной власти в Германии на период ее оккупации. Издал законы о демонаполизации, денацификации, искоренении германского милитаризма и др. Работа Контрольного совета прекратилась в марте 1948 г.
  - 15 СВАГ — Советская военная администрация в Германии, основана 9 июня 1945 г.
  - 16 СКК — Советская контрольная комиссия в Германии, создана 10 октября 1949 г.
  - 17 3 сентября 1950 г. было объявлено о ликвидации карточной системы на картофель, 12 декабря — о ликвидации с 1 января 1951 г. карточной системы на зерно, хлеб и бобы. Для мяса, жиров, яиц, молока, сахара, а также потребительских товаров карточная система продолжала существовать.
  - 18 ГДР была принята в СЭВ 29 сентября 1950 г.
  - 19 19 мая 1950 г. был подписан протокол о передаче 23 советских акционерных обществ в собственность ГДР.
  - 20 Крымская (Ялтинская) конференция глав правительств трех союзных во Второй мировой войне держав — И. В. Сталина (СССР), Ф. Д. Рузвельта (США), У. Черчилля (Великобритания) — проходила в Ялте 4–11 февраля 1945 г. Были определены и согласованы военные планы союзнических держав и намечены основные принципы их послевоенной политики с целью создания прочного мира и системы международной безопасности; приняты решения о создании в Германии зон оккупации 3 держав (а также Франции, в случае ее согласия) и общегерманского контрольного органа, о взыскании с Германии репараций, о создании ООН и др.
  - 21 Потсдамская (Берлинская) конференция глав представительств держав—победительниц во Второй мировой войне — И. В. Сталина (СССР), Г. Трумэна (США), У. Черчилля (с 28 июля К. Эттли) (Великобритания) проходила с 17 июля по 2 августа 1945 г. Приняла решение о демилитаризации и денацификации Германии, уничтожении германских монополий, о репарациях, о западной границе Польши; подтвердила передачу СССР г. Кенигсберга и прилегающего к нему района.
  - 22 Конференция министров иностранных дел проходила в Москве 10 марта — 24 апреля 1947 г. На конференции не было достигнуто согласия по вопросу о выплате репараций, что во многом иллюстрирует дальнейшее усиление разногласий между Востоком и Западом. Конференция в Москве во многом предвосхитила провал совещания министров иностранных дел стран-победительниц в Лондоне 25 ноября — 15 декабря 1947 г.
  - 23 В переписке Гротеволь со Сталиным (письма от 11, 15, 19 мая 1950 г.) было установлено снижение выплат по репарациям.
  - 24 Имеется в виду посещение Москвы делегацией СЕПГ в сентябре 1949 г.
  - 25 Основан как Германский Комитет борцов за мир 10 мая 1949 г.
  - 26 Европейская конференция Международного союза телекоммуникаций, состоявшаяся в 1948 г. в Копенгагене, посвященная вопросу о длине радиоволн, приняла решение о введении новой шкалы радиоволн для европейских государств, которая вступила в силу с 15 марта 1950 г. Германии, интересы которой представляли союзники, был выделен значительно меньший диапазон частот, чем у нее был до войны.
  - 27 Цанген (Zangen) Вильгельм (1891–1971) — видный западногерманский монополист. Генеральный директор акционерного общества Маннесманн.
  - 28 3 сентября 1950 г. правительство ГДР повысило минимальный уровень зарплаты на 8%.
  - 29 11 мая 1950 г. О. Гротеволь обратился с просьбой о снижении репараций к Председателю Совета министров СССР И. В. Сталину. Последний в своем ответе от 15 мая подтвердил ранее согласованные условия снижения. Позже Гротеволь поблагодарил его, выступая на заседании Народной палаты ГДР.
  - 30 Паулюс (Paulus) Фридрих (1890–1957) — немецкий генерал-фельдмаршал. Во Вторую мировую войну в 1940–1942 гг. 1-й оберквартирмейстер Генштаба сухопутных войск, в 1942–1943 гг. на советско-германском фронте командовал 6-й армией, окружен-

- ной и капитулировавшей под Сталинградом. В плену вступил в антифашистскую организацию немецких офицеров. С 1953 г. в ГДР.
- 31 Коммюнике ТАСС было опубликовано 5 мая 1950 г.
32. В коммюнике говорилось, что после завершения репатриации в Советском Союзе все еще продолжали находиться 9717 осужденных военных преступников, 3815 обвиняемых, по чьим делам еще не было вынесено приговора, и 14 больных, которые были репатрированы после выздоровления.
- 33 Зейдлиц (Seydlitz-Kurzbach) фон Вальтер (1888–1976) — генерал артиллерии, вице-президент Национального комитета «Свободная Германия», председатель Союза немецких офицеров. В 1944 г. в Германии заочно приговорен к смерти, 8 июля 1950 г. в Москве — к 25 годам тюремного заключения. После соглашения, заключенного с бундесканцлером Аденауэром в Москве, 4 октября 1955 г. в рамках репатриации оставшихся немецких военнопленных он был отпущен в Германию.
- 34 Жуков Г. К. (1896–1974) — маршал СССР. В 1942–1945 гг. первый заместитель наркома обороны СССР и заместитель Верховного главнокомандующего. В 1945–1946 гг. главнокомандующий Группой советских войск в Германии, главноначальствующий СВАГ. В 1953–1955 гг. первый заместитель министра, в 1955–1957 гг. министр обороны СССР.
- 35 Тимошенко С. К. (1895–1970) — маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза. В 1941–1943 гг. командовал войсками Западного, Юго-Западного, Сталинградского и Северо-Западного фронтов. В 1945–1960 гг. командующий войсками ряда военных округов.
- 36 Генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс не выносили приговора вплоть до июня 1953 г., когда он был отправлен в Германию в рамках большой репатриации немцев в ГДР. Там он не получил никакой официальной должности и прожил в Дрездене до самой своей смерти 1 февраля 1957 г.
- 37 Макклой (McClou) Дж. Дж. — в 1949–1952 гг. был американским военным представителем и верховным комиссаром в Германии.
- 38 Соглашение о единых списках было опубликовано 16 мая 1950 г.
- 39 ХДС — Христианско-демократический союз в ГДР, был основан в 1945 г. Объединял религиозные слои населения. Входил в Национальный фронт ГДР.
- 40 ЛДП — Либерально-демократическая партия Германии, была основана в ГДР в 1945 г. Объединяла ремесленников, торговцев, часть интеллигенции и крестьянства. Входила в Национальный фронт ГДР.
- 41 Имеются в виду Национально-демократическая партия Германии (НДПГ, основана в 1948 г., объединяла ремесленников, розничных торговцев, служащих), Демократическая крестьянская партия Германии (ДКПГ, основана в апреле 1948 г., в нее входили главным образом крестьяне-кооператоры, а также представители различных профессий, связанных с сельскохозяйственным производством, руководящий орган — Правление, печатный орган — газета «Вауегн Echo»).
- 42 Объединение свободных немецких профсоюзов (ОСНП) — массовая организация трудящихся ГДР. Основана в июне 1945 г. Высший орган — съезд, который избирал Центральное правление ОСНП. Печатный орган — ежедневная газета «Tribüne».
- 43 Союз свободной немецкой молодежи (ССНМ) — социалистическая массовая организация молодежи ГДР. Был основан в марте 1946 г. Высший орган ССНМ — съезд, который избирал руководящий орган союза — Центральный совет. Печатный орган — газета «Junge Welt».
- 44 Демократический женский союз [Германии] (ДЖС) был основан в марте 1947 г. Высший орган — съезд, который избирает руководящий орган союза — Центральное правление.
- 45 Культурбунд ГДР был создан в июле 1945 г., объединял представителей творческой и научной интеллигенции ГДР. Высший орган — конгресс, который избирал Центральное правление.
- 46 Объединение крестьянской взаимопомощи, Объединение потребительских кооперативов, Объединение лиц, преследовавшихся при нацизме.
- 47 7 июля 1950 г. было заявлено, что принцип разделения мандатов в единых списках для голосования 15 октября 1950 г. будет таким же, как на выборах в III Народный конгресс: СЕПГ — 25%, ХДС и ЛДП — по 15%. Этому отвечало распределение мест в Народной палате ГДР.
- 48 Трумэн (Truman) Г. (1884–1972) — 33-й президент США в 1945–1953 гг. и один из инициаторов политики «холодной войны» (доктрина Трумэна, 1947 г.).
- 49 Городское собрание депутатов Западного Берлина приняло решение о проведении общеберлинских выборов 20 апреля 1950 г. в соответствии с установленным 9 августа 1946 г. Союзным контрольным советом порядком проведения выборов в Берлине и в соответствии с принятой 23 апреля 1948 г. городским собранием депутатов (против голосов СЕПГ) конституцией «Большого Берлина». Западные коменданты города в тот же день одобрили это предложение и направили его коменданту советской зоны Берлина. Здесь Пик ссылается на официальный ответ заместителя советского коменданта Берлина полковника Елизарова, который последовал только 8 мая.
- 50 То, что на III партийном съезде СЕПГ была принята новая программа партии, предопределяла выборы генерального секретаря Центральным комитетом.
- 51 На III съезде СЕПГ были избраны 51 член ЦК и 30 кандидатов в члены ЦК.
- 52 Далем Ф. (1892–1981) — в 1945–1946 гг. член ЦК и секретариата ЦК КПГ, с 1946 г. — Центрально-секретариата СЕПГ. В 1949 г. избран членом Политбюро СЕПГ.
- 53 Меркер (Merker) П. не был избран в Политбюро.
- 54 Эберт (Ebert) Ф. (1894–1979) — в 1945–1946 гг. главный секретарь Центральной комиссии СДПГ. В 1946–1947 гг. член Правления СЕПГ. С 1947 г. в Центральном секретариате СЕПГ, с 1949 г. член Политбюро ЦК СЕПГ. В 1948–1967 гг. обер-бургомистр Берлина. В 1950–1963 гг. и в 1971–1979 гг. — заместитель председателя Народной палаты ГДР.
- 55 Бауман (Baumann) Э. не была избрана в Политбюро.
- 56 Имеется в виду В. Цейссер (Zaisser) — по решению III съезда СЕПГ вошел в состав Политбюро СЕПГ.
- 57 Аккерман (Ackermann) А. (1905–1973) — в 1945 г. руководитель «группы Аккермана» в Саксонии. В 1945–1946 гг. член ЦК КПГ. В 1946–1950 гг. член ЦК СЕПГ, на III съезде СЕПГ был избран кандидатом в члены Политбюро.
- 58 Имеется в виду Рау (Rau) Генрих (1899–1977) — член КПГ. С 1945 г. член земельного управления Бранденбурга, в 1946–1948 гг. министр планирования экономики в Бранденбурге, в 1948–1949 гг. председатель Немецкой экономической комиссии. На III съезде СЕПГ был избран членом Политбюро.
- 59 Хонеккер (Honecker) Э. (1912–1994) — в 1945–1946 гг. член ЦК КПГ, заведующий отделом молоде-

- жи. В 1946 г. член правления СЕПГ. В 1946–1955 гг. председатель Союза Свободной немецкой молодежи. На III съезде СЕПГ был избран кандидатом в члены Политбюро.
- 60 Ендрецкий (Jendretzky) Г. — с 1946 г. работник аппарата ЦК СЕПГ. На III съезде СЕПГ был избран кандидатом в члены Политбюро.
- 61 Соботтка (Sobottka) Густав (1886–1953) — в 1945 г. руководитель «группы Соботтка» в земле Мекленбург–Передняя Померания. В 1945–1946 гг. член ЦК КПГ, в 1945–1948 гг. второй вице-президент, затем президент Центрального управления топливной промышленности.
- 62 Аденауэр (Adenauer) К. (1876–1967) — один из основателей ХДС. В 1946 г. председатель ХДС земли Северный Рейн–Вестфалия. С 1949 г. председатель ХДС Западной Германии, в 1949–1963 гг. федеральный канцлер ФРГ.
- 63 Имеется в виду Социал-демократическая партия Германии (СДПГ). Создана в 1869 г. На основе левого течения (лидеры — К. Либкнехт, Р. Люксембург, К. Цеткин, В. Пик и др.) в 1918 г. была образована КПГ. В 1946 г. в результате объединения СДПГ и КПГ в Восточной Германии была создана Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ).
- 64 Соответствующее послание было отправлено 24 марта 1952 г.
- 65 На первых выборах в ландстаг 5 марта 1952 г. в новообразованном Юго-Западном государстве (Баден-Вюртемберг) КПГ получила 4,4% голосов и осталась, таким образом, без мандата.
- 66 Конференция прошла осенью 1952 г. без особого резонанса.
- 67 1 сентября 1952 г. правительство ГДР ввело пошлину для жителей Западной Германии и Западного Берлина за пользование автомагистралью Хельмштет — Берлин.
- 68 С передачей 66 советских акционерных обществ в собственность ГДР 28 апреля 1952 г. эта договоренность была осуществлена. Они стали «народными предприятиями».
- 69 Пленум ЦК проходил 21–23 февраля 1952 г.
- 70 Машинопрокатные станции были созданы в 1949 г. по примеру советских машинно-тракторных станций (МТС).
- 71 Речь идет о советской ноте, касающейся Германии («нота Сталина») от 10 марта 1952 г.
- 72 Вандель (Wandel) П. (1905–?) — в 1945 г. главный редактор ежедневной газеты КПГ «Немецкая народная газета», в 1946–1950 гг. член правления СЕПГ, в 1945–1949 гг. президент Центрального немецкого народного управления по вопросам народного образования.
- 73 Штайнгоф (Steinhoff) К. — специальный статс-секретарь по вопросам полиции. В 1949–1952 гг. министр внутренних дел ГДР.
- 74 Металлургический комбинат «Ост», возведенный в рамках 1-го пятилетнего плана развития экономики ГДР (1950–1955) у Фюрстенберга-на-Одере; порой его называли так вслед за Сталиным.
- 75 Речь идет об опубликованной в октябре 1952 г. небольшой работе Сталина «Экономические проблемы социализма в России. Замечания по вопросам дискуссии ноября 1951 г.».
- 76 В качестве переводчика присутствовал также Фред Эльснер. Беседа продолжалась с 22.05 до 23.20.
- 77 14 апреля 1952 г. Совет министров СССР принял решение образовать в ГДР 140 комендатур.
- 78 Средняя зарплата советского рабочего составляла в 1951 г. примерно 700 рублей в месяц.
- 79 Сельскохозяйственные кооперативы были созданы в ГДР в конце 1952 г., примерный устав был опубликован 19 декабря 1952 г.
- 80 Пегов Н. М. (1905–?) — в 1938–1947 гг. первый секретарь Приморского крайкома ВКП(б), в 1952–1953 гг. секретарь ЦК КПСС, в 1953–1956 гг. секретарь Президиума Верховного Совета СССР.
- 81 Возможно, имеется в виду Михайлов Н. А. (1906–?) — с 1937 г. ответственный редактор «Комсомольской правды», с 1938 г. первый секретарь ЦК ВЛКСМ. В 1952–1954 гг. секретарь ЦК КПСС, первый секретарь МК КПСС.
- 83 Встреча состоялась 4 апреля 1952 г.
- 84 Подпись неразборчива.

Выпуск «Вестника» подготовили
Вячеслав ЯКУШЕВ,
Александр СТЕПАНОВ,
Сергей МЕЛЬЧИН,
Александр КОРОТКОВ

Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940/Т. 3. Книги. — М. 712 с., ил.

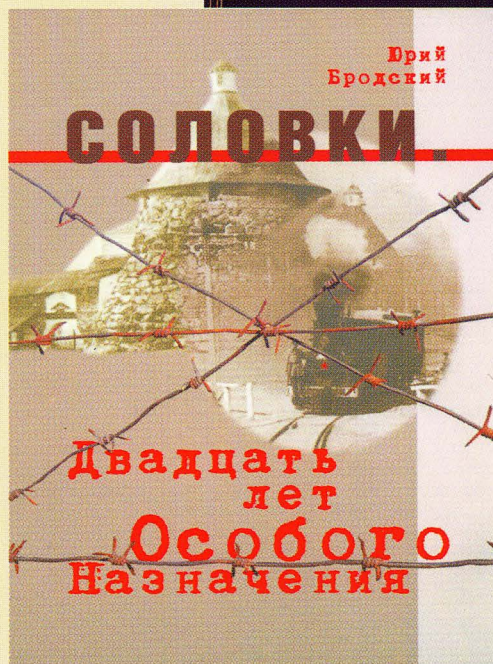
В первый том «Литературной энциклопедии русского зарубежья (1918–1940)», вышедший в 1997 г., вошли статьи о писателях русского зарубежья. Второй том (2000 г.) был посвящен периодическим изданиям, литературным центрам и издательствам русского зарубежья. Третий том энциклопедии состоит из статей о литературных произведениях писателей русского зарубежья. В круг исследований впервые вводятся многие редкие издания, сохранившиеся в библиотеках и частных коллекциях. В статьях освещается история создания и публикации книг, раскрывается содержание и место произведения в творчестве писателя. Прослеживается восприятие книги в критике русского зарубежья. Используются отечественные и зарубежные архивы. В создании энциклопедии участвуют крупнейшие литературоведы и историки культуры Москвы, Петербурга, а также некоторых зарубежных стран.

Материал расположен по алфавиту фамилий писателей, а статьи об их книгах даны в хронологической последовательности.

Бродский Ю. А. Соловки. Двадцать лет Особого Назначения. — М. 2002. 528 с., ил.

Книга воссоздает историю первой в СССР системы концентрационных лагерей. Тысячи представителей интеллигенции, профессиональных военных, священнослужителей всех конфессий, крестьян и рабочих были лишены свободы по подозрению в инакомыслии, опасном для советского строя. Соловки оказались полигоном, где впервые в мире были выработаны методы изоляции и уничтожения большого количества людей.

В Соловках и связанных с ними лагерях Карелии оставили свою жизнь или годы жизни свыше миллиона наших сограждан. Среди них оказались создатели лагерей и большинство исполнителей карательных функций на Соловках. Они стали жертвами созданной ими же системы. Воспоминания бывших заключенных и охранников дополняют архивные документы и свыше 700 фотографий.

Издательство РОССПЭН напоминает вам адреса своих магазинов в Москве.

- «Книжный киоск РОССПЭН» — ул. Дм. Ульянова, д. 19 (м. «Академическая»). Тел. 126-94-18, с 11⁰⁰ до 17⁰⁰
«Книжный салон РОССПЭН» — ул. В. Пика, д. 4, корп. 2 (м. «Ботанический сад»). Тел./факс (095)181-34-57, с 10⁰⁰ до 18⁰⁰
«Книжная лавка историка» — ул. Б. Дмитровка, д. 15 (м. «Охотный ряд»/«Театральная»; «Пушкинская»/«Чеховская»).
Тел. 200-50-07, с 10⁰⁰ до 18⁰⁰
«Книжная лавка обществоведа» в здании ИНИОН РАН — Нахимовский проспект, д. 51/21. (м. «Профсоюзная») Тел. 332-47-25.

Для отдаленных городов и районов России существует услуга «Книга — почтой». Справки по тел. 334-81-87

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

«Где есть магометане казачьего сословия»
*Правила устройства духовной жизни мусульман
в казачьих войсках России*

«На почве общей для них религии — ислама»
*С. Г. Рыбаков о мусульманском движении
в России в 1917 году*

«Милости прошу к нашему шалашу»
*Стенографический отчет конференции РСРПИ
от 7 января 1918 года*

«Если бы нашелся покупатель...»
О судьбе драгоценностей Дома Романовых

«Фельдмаршал от фотографии»
Мастер фотопортрета — М. С. Наппельбаум

«Разрешить оставить эту лошадь на хранение»
Об одном подарке товарищу Сталину

«Начинаем работать при большом покровительстве»
*Об участии И. В. Сталина в подготовке
второго издания БСЭ*

Вестник Архива Президента Российской Федерации

«Виновность арестованных подтверждена...»
Конструкторские бюро при ОГПУ—МГБ СССР

Посетители кремлевского кабинета Н. С. Хрущева.
1958—1964

